

АХМЕДХАН АБУ-БАКАР

ТАЙНА
РУКОПИСНОГО
КОРАНА

ТАЙНА РУКОПИСНОГО КОРАНА

АХМЕДХАН
АБУ-БАКАР

АХМЕДХАН АБУ-БАКАР
ТАГИЯ РУКОПИСНОГО
КОРАНА

АХМЕДХАН АБУ-БАКАР

ТАЙНА
РУКОПИСНОГО
КОРАНА

ПОВЕСТЬ

Авторизованный перевод с даргинского
Р. Кафриэляни

Художник
В. Н. Белоногов

МОСКВА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1980

С(Д_{аг})2
А17

-

,

А $\frac{70303--142}{M-105(03)80}$ 155—80 4702180000

...У того, кто говорит правду,
конь должен стоять у ворот
оседланным. Еще лучше, если
одна нога говорящего уже
в стремях.

(Из надписей на полях корана)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТРОПОЮ НОЧИ

Еще сильнее нахмурилось небо: темное, мрачное, бурливое. Время предутреннее, время рассветное. И тревожное, хотя час этот в природе обычно бывает тихим. Ветер злится и воет, рождает бурю. Гонимые стихией тяжелые причудливые тучи палатают друг на друга, и словно бы из их столкновений рождаются ослепительно яркие ломаные стрелы молний и устрашающе дикие раскаты грома, такие, что могут обуять страхом и не суеверные души. Месяц, похожий на кривой кинжал, будто рубится с черными тучами, высекая все новые и новые искры молний.

Осенние дожди здесь, как всегда, обильные, проливные. Дурши-марка — называют их амузгинские кузнецы, — дожди, несущие с собой ржавчину.

Хлещут они косыми струями, пригибают к земле не только травинки и ветки орешника, гнут и могучие кроны деревьев... И чудится, будто все живое на земле замерло. Затаилось и, съежившись от страха, прислушивается, чем же это кончится.

Молчат в гнездах птицы. Попрятались звери... Только в давно заброшенном приземистом почтовом домике,

приютившемся в большом ореховом лесу, в домике, который некогда был единственным связующим звеном между так называемым цивилизованным миром и Кара-Кайтагскими и Сирагинскими горами, сейчас не тихо. Когда-то отважные абреки, с народом согласные, с царем не согласные и с людьми царевыми враждующие, не пожалели сил, чтобы нарушить эту связь, — опустошили почтовую станцию, угнали лошадей. С тех пор не было в доме этой жизни и никто в нем вроде бы не останавливался.

Как бы то ни было, но именно здесь в этот тревожный предутренний час один за другим прогремело вдруг несколько предательски глухих выстрелов. И тотчас, хлопнув скрежещущей на ржавых петлях дверью, наружу выскочил человек в островерхой папахе, в темной черкеске с полным набором газырей, обутый в сапоги. Не глядя, сунул он наган в самодельную кожаную кобуру, закутал голову черным башлыком, вывел из-под навеса коня, легко вскочил в седло, и через минуту по каменистой дороге разнесся бешеный топот его аргамака. Оставшаяся под навесом белая пышногривая лошадь недовольно заржала, словно упрекала: «Что же это меня здесь бросили?!»

Скачет одинокий всадник, позабыв о бурке, привязанной сзади к седлу, — а ведь она бы спасла его от дождя. Скачет на черном как ночь коне с подвязанным хвостом, несется вперед, словно спешит поскорее вырваться из тисков грозно разбушевавшейся стихии.

А дождь хлещет с такой силой, что всадник вмиг промок до нитки, или, как говорят сирагинцы, до самых укромных мест. Хочешь не хочешь, вспомнил он о бурке, накинул ее на плечи. И дождь, будто только того и ждал, вдруг утих. Черные тучи раздвинулись, образовав в небе подобие светлого коридора, — это рассвет рассеивал темные силы.

Вспышка молнии на мгновение осветила полузакрытое башлыком лицо одинокого всадника. Лоб рассечен глубоким шрамом, таким глубоким, что в него можно вложить половинку грецкого ореха. Шрам этот доходит до левой брови, и в остром пронзительном взгляде человека, видимо только что испытывшего страх, вдруг засветилась победная радость, радость надежды. Можно подумать, всадник вспомнил извечный наказ мудре-

цов: пусть голова упокоится ночью там, где и утром она будет целой,— и потому сейчас, мысленно адресуя эти слова своему незадачливому спутнику, оставшемуся в почтовом домике, криво усмехается с сознанием своего превосходства — меня, мол, голыми руками не возьмешь, я из рода Занзбар, рода колючих людей, не мхом стелющихся под чарыками.

Нет, не в сторону гор направляет он своего легкого скакуна, а в степи кумыкские, что дышат соленым запахом близкого моря и шумом налетающих на прибрежные скалы яростных волн, дробящихся тысячью брызг. Туда, где хрипло гудит запоздалый паровоз и перестукиваются на рельсах маленькие, видно пустые и потому громогласные, вагоны, ведомые одноглазым железным конем по морскому берегу, куда-то вдаль от полустанка Мамед-Кала.

Судорожно глотая холодные, бьющие в лицо капли дождя, спешит всадник. Спешит, словно хочет нагнать поезд. Впереди разрыв в тучах — полосой сияет красный рассвет. И будто нет там дождя, и гром не гремит, и молнии не сверкают.

Над омытой дождем землей рождается светлый день, и всадник несется туда, на север, в сторону бывших владений шамхалов Тарковских, князей дагестанских, тех, кого белые цари за верную службу щедро одаривали генеральскими званиями да собольими шубами.

Советская власть с первых же дней своего существования поделила земли шамхалов между теми, кто извечно гнул на ней свои спины, а нефтяные и рыбные промыслы национализировала. Только, к великому сожалению бедняков, недолго радовался простой люд. Конец лета тысяча девятьсот восемнадцатого года. Это, как поется в горской песне печали, рожденной в ту пору на скорбных струнах чугура, было время, затмившее серой тучей лучи долгожданного восхода, лучи, ласково согревшие человека на земле. Под свирепым натиском мятежных терских казаков, в которых царизм еще в прошлые века взрастил червь неприязни к горцам, и наемных полков англичан, в числе коих хоть и редко, но попадались и сыны многострадального Индостана — так называемые колониальные солдаты-индусы, **прихваченные** то ли для экзотики, то ли для острост-

ки — знайте, мол, глядите, куда дотягивается лапа британского льва, — стонала земля.

Казаки валили с севера, англичане с юга. И это не все. Словно потоки селей и горные обвалы, хлынули «единоверцы» турки, снова зашевелились имамы и богатеи.

Ну как тут было выстоять неокрепшей советской власти, не успевшей еще доброй гостьей заглянуть во все горские сакли, переступить жаждущие света пороги, засветиться огнем в скудных очагах, затеплить их?

Восторжествовали черные силы, и бывшие владельцы снова подняли головы, — мол, наша взяла, мы, дескать, были и будем наверху. Однако бедняки, познавшие радость обретенной земли, не собирались от нее отказываться и готовы были биться за эту землю не на жизнь, а на смерть...

Скачет всадник, обласканный теплыми лучами рассветного солнца. Кто он и откуда? Абрек это. Саид Хелли-Пенжи. Лесной брат не робкого десятка; качаг — разбойник, наводящий ужас на все живое в Кара-Кайтаге. Дом его — Большой ореховый лес. Родом абрек из Табасарана. Только ни сам он, ни люди не помнят, кто были его отец и мать. Утверждают, будто еще из колыбели его выкрала волчица и вырастила в лесу. Потому-то, наверно, и стал ему домом дремучий лес.

Куда и зачем несется всадник в черном башлыке? Кто знает? Похоже, только сам он да и аллах в небе, который, как видно, смилостивился над ним, раз осветил ему дорогу и, разогнав тучи, пронес над его узкими плечами дождь и теперь вот стелит впереди путь прямой, как выемка на лезвии кинжала.

Саид Хелли-Пенжи проведал о тайне и скоро завладеет ею. Это-то и гонит его. Вот что подхлестывает. Но он скачет, а сам озирается вокруг, не забывая о поговорке: оказавшись один в пути, заведи глаза и на затылке.

Кого только не влекла к себе тайна, хотя, как записал всего неделю назад на полях рукописного корана с медной застежкой известный своей ученостью почтенный Али-Шейх из Агач-аула, «самая великая тайна — это жизнь, и постичь ее дано не каждому, но безмерно удачлив тот, кто владеет ключом этой тайны».

СЛАВНАЯ СМЕРТЬ

На расстоянии второго рассвета от этих мест, на небольшом кладбище у Агач-аула, осененном густой тенью вековых деревьев, после полуденного намаза похоронили человека, чье имя не один десяток лет благословляли не только жители долины, но и горцы-тавлины. Друзья и родственники увенчали могилу покойного небывало искусным надгробьем. Умершего, да не померкнет память о нем, пока луна порождает в людях добрые мысли и чувства, звали, как всякого правоверного, простым именем — Али-Шейх. И хотя величали его всеми титулами слугителей веры, шейхом он не был никогда, а вот ученым — в этом спора нет — был истинным. Жизнь своих соплеменников Али-Шейх знал как никто другой, любил их, болезни лечил... Девяносто с лишним лет служил он людям. Срок немалый для того, чтобы многое познать в этом мире.

В народе говорят: много знает не тот, кто много прожил, а тот, кто много видел. Али-Шейх и видел много, и прожил достаточно. Это он, еще юношей, пытливый, знающий грамоту и язык русский, был послан к командующему первой бригадой девятнадцатой пехотной дивизии генералу фон Клюгенау с письмом Шамиля, в котором в ответ на предложение прибыть в Тифлис, где тогда находился Николай I, и испросить у царя прощение, имам, памятуя о многократных коварных изменах досточтимого генерала, отказывался последовать его совету. Согласитесь, что уже эта миссия Али-Шейха была достойным испытанием его мужества.

Всю жизнь Али-Шейх искал в мире правду. Искал, как избавить людей от нищеты и невежества, от горя и рабства. Искал вместе с Шамилем и после Шамиля, когда поверженные «дикие» сыны неприступных ущелий и гор, дотоле признававшие над собой только власть аллаха, перед строем войска победителей, под грохот пушечной пальбы целованием корана клялись в верности белому царю. «Клянусь всемогущим аллахом, — гласила клятва, — пророком Магометом, святым его кораном и добрым именем жены своей! Клянусь, что отныне буду верен великому падишаху российскому и не стану больше поклоняться таким лжепророкам, как про-

игравший все битвы имам. Да осквернится гроб моего отца, да покарает меня аллах и пророк Магомет, если нарушу эту клятву верности!» Горцы с легким сердцем произносили «страшные» слова клятвы и... тотчас забывали их.

До последних своих дней Али-Шейх искал лекарство от горя людского, от нищеты и бесправия. Благодарные люди еще при жизни, славя его мудрость и ученость, слагали о нем песни, складывали слова в строки. День, когда ему добротой своей не удавалось согреть человека, Али-Шейх считал для себя потерянным.

Люди шли к нему со всеми заботами. Целые аулы считали честью иметь его своим маслиатчи¹ во всех бедах: в решении вопросов кровной мести, в спорах о потраве лугов, о краже... С ним считались князья и правители. Были такие случаи, что и белый царь удостоивал его письмами, а однажды прислал в дар хорьковую шубу и сто рублей серебром. Царь знал, что делал, — ласкал-задабривал людей, пользующихся влиянием в народе, и тем держал в покорности бурлящий недовольством край. Потом, когда не стало царя, когда наступили не дни и недели, а целые годы смуты и беспорядков, все считались с авторитетом мудрого Али-Шейха. А он, пристально вглядываясь во все и во всех, упорно искал истинных друзей горцев и все, что думалось ему в эту пору, записывал на полях рукописного корана с медной застежкой, что достался ему от деда, известного на весь Восток ученого по имени Хамза-Дагестанли.

Наступило такое время, Али-Шейх увидел наконец истинных друзей народа, тех, кто отыскал лекарство от всех людских бед. Это были большевики. Али-Шейх целиком отдался служению им, чем немало разгневал ревнителей веры и мечети. Служил он большевикам и народу, чем мог. Только недолго. Внезапно, и совсем некстати, жизнь его оборвалась. И случилось это вот как.

Минувшим утром Али-Шейх завершил чтение очередной книги. А в роду у них издавна водился порядок — прочтение всякой книги отмечать семейным празднеством. Довольный собой, потирая руки, Али-Шейх сказал своей старухе:

¹ М а с л и а т ч и — советчик, посредник.

— Испеки-ка ты нам завтра, дорогая Меседу, чуду¹, да с дымоходом.

— Отчего же не испечь, испеку. Для кого мне еще печь, если не для тебя, — с радостью согласилась Меседу, всегда и во всем готовая услужить мужу.

— И для меня и для моих друзей. А ты, сын мой, — добавил старец, глянув на сына Мустафу, единственного своего отпрыска, надежду и продолжателя рода на земле, — созови ко мне всех друзей, всех, до кого долетит голос твой и до кого копыта коня твоего доскачут.

— Все исполню, отец! Да высохнет язык во рту, да отсохнут ноги коня, если откажутся они служить тебе!

Великое множество друзей собралось в доме Али-Шейха. Были среди них и Абу-Супьян из Шам-Шахара, и Мазгар из Кубачи, и даже Шахбан из Ведено, не говоря уж о всех почтенных людях из близлежащих аулов. Время было такое, лошадей много — коней мало, народу много — людей мало.

Съел Али-Шейх за обедом с аппетитом целых три куска ароматного чуду с дымком и велел вдруг постель себе постелить. Лег, попросил воды напиться, подозвал к себе сына Мустафу, притянул его поближе и зашептал на ухо: «К тебе вскорости явится человек и подаст газырь, схожий с теми, что у меня в бешмете. Это будет Хасан из Амузги. Исполни все, о чем бы он тебя ни попросил... Дело в том...» Али-Шейх, не договорив, смолк и закрыл глаза. Не застонал, не вскрикнул, будто погрузился в спокойный глубокий сон...

«Да ниспошлет аллах каждому правоверному такую благородную легкую смерть. Мгновенную — без тревог и мучений!» — говорили одни. Другие усматривали в такой смерти кару аллаха. «Хоть покойников и не судят, — утверждали они, — но, связавшись с комиссарами, с этими безбожниками-большевиками, он совершил тяжкий грех. Виданное ли дело, двадцать три вагона с оружием со станции Петровск в одну ночь как в воду канули. Это дело рук большевиков, и без помощи Али-Шейха они не обошлись. Вот за такое и покарал его аллах...»

— Если бы все крылатые мед носили, негде было

¹ Чуду — национальный пирог с отверстием для выхода пара в верхнем слое.

бы его хранить! — глубокомысленно изрек кто-то и сам потом долго думал, к чему он это сказал, и добавил еще более непонятное: — Не бывает так, чтобы тень от дерева не повернула на ствол...

Осенью восемнадцатого года, когда под натиском контрреволюции в Дагестане временно пала советская власть, в Петровске и правда произошел такой случай. Прибыл туда состав из двадцати трех вагонов, груженный оружием, отобранным у интернированного войска, возвращающегося с Кавказского фронта. Высшие офицерские чины разоружили солдат из страха, как бы, охваченные «большевистской смутой», они не повернули против своих же офицеров и не влились в отряды Красной гвардии. Только ничего им не помогло. Двенадцать юнкеров и три офицера, что охраняли состав, были найдены удушенными в угольном складе, а вагоны с винтовками, пулеметами, всякого калибра патронами и бомбами исчезли, будто арба с дровами. В землю они провалиться не могли. Как говорится, раз на ровном не помещается, и в яму не сунешь. Куда подевались вагоны, так и осталось неразгаданным. Хабар¹ этот поверг всех в изумление. Каких только догадок не строили, чего только не рождало людское воображение, однако до истины никто не докопался. А так как все необычайное в этих местах привыкли связывать с именем Али-Шейха, пошел слухок, что и в этом деле без него не обошлось, хотя все сошлись на том, что вся операция — это дело рук ушедших в подполье большевиков.

ПРОСЬБА СТАРИКА АБУ-СУПЬЯНА

Агач-аул, что значит Лесной аул, — это всего несколько саманных домиков с крашенными в голубой цвет фасадами, обращенными на восток. Крыши у них плоские, и над каждой возвышаются сплетенные из жердей дымоходы да катки для утрамбовки глины, которой то и дело приходится заново мазать крыши.

Агач-аул разбросал свои дома за горой Тарки-Тау, что отгораживает его от морского берега, в лощине, куда спускаются лесистые склоны кряжистых гор Атли-

¹ Хабар — весть.

Буюнского хребта. К югу от Агач-аула тянутся знаменитые талгинские земли с целебными грязями, известными горцам с незапамятных времен. А обнаружили их, как рассказывают старожилы, самым неожиданным образом. Люди заметили, что большие животные, особенно собаки и буйволы, вдруг исчезали, а через неделю-другую возвращались совсем здоровыми. Стали следить, куда они путь держат, и так нашли эту, пахнущую за три версты тухлыми яйцами, целебную грязь. До недавнего времени каждый горец мог прийти сюда и полечиться, когда ему вздумается. Но откуда ни возмись объявился некий Исмаил, — говорят, сбежал с гор, от близкого к небу трона. Построил он у этих самых грязей домишко и стал собирать дань с приезжающих полечиться больных, словно бы он и есть владыка целебного источника. Прошло каких-нибудь десять — пятнадцать лет, а он уже владел бесчисленными отарами овец, отгонными пастбищами, построил большую двухъярусную саклю из тесаного камня, а заодно воздвиг и мечеть с минаретом — это чтобы замолить перед небом накопившиеся свои прегрешения. Одним словом, разбогател человек невиданно, а поселение свое стал прозывать Исмаил-махи — хутор Исмаила. Людей на него работало видимо-невидимо: и чабаны, и земледельцы, и каменотесы. С рассвета до заката гнули на хозяина спину, а все из долгов вылезти не могли.

Исмаил умел втягивать людей в омут. Даже самых строптивых стреножил этой своей «добротой». «Возьми, — говорил он, — пожалуйста, семья у тебя большая. Только не забывай, что долг платить надо, я дам тебе два барана, ты вернешь три. Дам корову, вернешь с приплодом. Так будет угодно аллаху!»

Исмаил умел держать в страхе своих людей, вернее, умел, пока не объявились эти смутьяны, да чтобы крапива повырастала у них в очагах, эти балшибеки — слово-то какое, почти башибеки¹. С их появлением чуть состояния всего не лишился, но, слава всевышнему, комиссарам подналили хвосты, и власть опять вернулась к Исмаилу. Только вот надолго ли?.. Новые правители, уважаемые кунаки обнадеживали, что надолго. Однако на всякий случай Исмаил на этот раз решил не поску-

¹ Башибек — главный бек.

питься. Составил из своих людей вооруженный отряд, до ста сабель наберется, да и еще просятся из соседних хуторов — он ведь как-никак платит, дает сразу при вступлении в отряд каждому по три барана, мешок кукурузного зерна и боевого коня. И люди служили ему верно. Хотя, может, и не очень-то все это им по душе, только что же делать: если время с ними не согласно, им самим приходится соглашаться с временем...

К северо-западу от Агач-аула, по дороге Петровск — Темир-Хан-Шура есть аул Атли-Буюн. Славен он мятежным духом своих жителей. В тридцатых годах прошлого столетия Бутырский пехотный полк и две казачьи сотни под командованием генерал-майора Таубе трижды атаковали этот аул и потерпели поражение, после чего возмущение горцев, возглавляемых первым имамом Казы-Муллой, стало расти и распространяться повсеместно.

Аул Атли-Буюн знаменит еще и тем, что летом его осаждают полчища змей, в большинстве своем ядовитых. Там-то и родился обычай съедать змеиное сердце, чтобы быть бесстрашным. И еще — это атлибуюнцы, а не кто другой, поймали некоего Капур-Рашида, выдавшего в сентябре в руки контрреволюции видных советских работников в Петровске; поймали, набили ему порохом задний проход и подожгли... Вот таков этот небольшой аул.

А дальше, в сторону Чир-Юрта есть еще один аул, Кумтор-Кала. Дрянной аул, полон бунтарей. Один род Коркмасовых чего стоит. Про них так и говорили — ни ногам, ни голове покоя не дают, к тому же и неподкупны, к рукам не приберешь. А каникусу¹ Исмаилу это ох как не по душе. Он любит торжествовать над другими, покорять себе чужую волю, унижать просителей до ползания на коленях. Властолюбец из холуев, сам некогда ползавший на брюхе, теперь в одной упряжке с теми, кому горцы объявили войну. Все покорялись и покоряются ему. И только двоих не смог он ни покорить и ни подкупить. Одним был ныне покойный Али-Шейх, другим непокорным оказался сын некоего кузнеца с амузгинских высот — Хасан из Амузги. Зато сотни других готовы явиться к нему по первому зову и исполнить любое приказание, хоть бы и сапоги с ног

¹ К а н и к у с — брюхатый, буквально брюхонос.

снять. Вот каков он — каникус Исмаил, толстый, что жертвенный бык, шея цветет прыщами и вечно потная, лицо круглое, набрякшее, — одним словом, жертвенное животное...

— Чей это облезлый ишак с дурным голосом?

— Исмаилов. Чей же еще?

— Ах, нашего Исмаила, как же я сразу-то не сообразил. Послушать приятно, какой у него красивый голос, — тотчас поправляется оплошавший было хуторянин.

Зато если ишак оказался бы принадлежащим какому-нибудь бедняку, этот же хуторянин непременно сказал бы, что эдакую дохлятину не грех и со скалы сбросить.

Боятся люди толстяка. Но страх не такая уж опора для сильного.

Почтенные горцы все еще не расходились. После похорон они вернулись в дом Али-Шейха, съели поминальный суп — бурчак-шурпу — и сидят сейчас у ворот на бревнах вдоль стен. К ним подходят все новые люди, выражают сочувствие и тоже присаживаются, беседуют, щелкая в руках четками, и говорят о покойном. Все больше доброе говорят, воздают ему хвалу, ведь это он, Али-Шейх, нашел в себе смелость обратиться к белому царю еще в прошлом веке. И вот что он написал: «Чтобы народы моего края без всякого сомнения почувствовали бы все выгоды быть подданными державы просвещенной, искорените самоуправство служителей ваших. Считаю нынешний образ управления вредным обоюдно и для народа и для правительства...»

Говорили о покойном разное.

— Не слыхал я, чтобы уважаемый Али-Шейх когда-нибудь болел. Неужели под конец жизни хворь его одолела? — сказал кто-то из старцев.

— Нет, страданий болезни он не знал, только страждущих лечил.

— Как же это он так неожиданно ушел?

— Старость, наверно... Аллах в таких случаях говорит: «Причину найдите сами, а душу возьму я».

— Да какой же он старый? Выглядел, как мой сын

сегодня! Все в округе удивлялись его осанке и легкой походке... — это сказал Абу-Супьян из Шам-Шахара.

— Съел праздничного пирога, попросил постелить постель, лег и умер. Славная смерть...

— Тут что-то не то...

— Думаешь, отравили? Быть этого не может, потому что пироги ведь пекла сама Меседу...

— Такие времена пошли, что родному брату верить стало трудно, идешь с ним рядом и все оглядывайся. Между лопатками так знобит, будто брат вот-вот всадит тебе в спину кинжал...

— Да, времена беспокойные, что и говорить. Но он умер своей смертью. Просто сердце сдало...

— Осиротели горы! Такого человека потерять!..

— Да, пепел не вспыхнет, ушедшего не вернешь, — вздыхали те, кому, судя по летам, предстояло в недалеком будущем последовать за покойным.

Месяц, похожий на ломтик чеченской дыни, поднялся над Тарки-Тау. Стало светлее, звезды высыпали гурьбой, тучи рассеялись, потянулись к небосклонам. Ночь выдалась теплая... Сын покойного Али-Шейха Мустафа суетился, провожая тех, кто уезжал, и встречая тех, кто поздно узнал о беде, но хоть и на ночь глядя, а все же примчался, по обычаю, выразить сочувствие.

Вот в сопровождении нескольких своих спутников поднялся седобородый старец в бараньей шубе и в папахе из золотистого каракуля. Это Абу-Супьян, он обратился к Мустафе.

— У меня к тебе просьба, — сказал он. — Но прежде скажи мне, кто в роду моего друга Али-Шейха достоин возложить на себя бремя старшего?

— Я, уважаемый Абу-Супьян. Больше некому. Мне отныне платить на земле долги отца. Я слушаю тебя, почтенный... — склонив в знак уважения бритую голову, смиренно ответил Мустафа.

— Не знаю, правильно ли ты меня поймешь, сын мой...

— Да пусть будет поражен проклятой болезнью тот, кто не постарается понять старшего!

— Гордо говоришь, сын мой. Да и мог ли сын такого

отца быть иным. Стоящий человек и в юности пожилой, а бездельник и в сорок лет шалопай.

— Я буду счастлив, если окажусь полезным.

— Не мне об этом говорить, всем нам был дорог покойный, да будет жить его имя среди тех великих имен, что хранит в памяти земля наша... Его мудрость и то, как он знал человеческую душу, достойны любой высокой похвалы... Что я в сравнении с ним? Заштатный служитель веры...

— Ваша звезда, почтенный Абу-Супьян, сверкает рядом со звездой моего отца...

— Благодарю тебя. Не знаю, как и приступить к моей просьбе.

— Не затрудняйтесь, уважаемый Абу-Супьян, я весь внимание.

— У незабвенного отца твоего был древний рукописный коран с медной застежкой?

— Почему был? Он и сейчас хранится в нашем доме.

— Я всю свою жизнь стал бы молиться за всех вас, сын мой, и за отца твоего, если бы ты удостоил меня чести стать владельцем этого корана... Мне хочется лишь одного: чтоб с этой книгой я унаследовал и знания и авторитет твоего отца... А тебе известно, сын мой, как порой необходима опора и вера людей, чтобы творить для них добро...

— Так это же реликвия нашего рода,— вмешался кто-то из дальних родственников, но Мустафа тут же перебил его — тот был моложе.

— Как ты смеешь вмешиваться в разговор,— сказал он,— и перебивать старших? Сходи-ка лучше да принеси эту книгу. Если есть на земле человек, святостью своей заслуживший унаследовать в память о моем отце этот коран, так это только Абу-Супьян.

— Благодарю тебя, сын мой... Я передам моим сыновьям — у меня их четверо — рассказ о твоём достоинстве и мужестве,— надеюсь, вы станете братьями.

— Я буду рад, почтенный Абу-Супьян. Вот она, эта книга. Храните ее.

— Пуще глаза своего буду беречь!

— В добрый час, Абу-Супьян!

— Спасибо!

Абу-Супьян попрощался со всеми,— не послушался тех, кто советовал ему остаться переночевать, а в путь

пуститься с рассветом,— погладил бороду, пожал всем руки, раскланялся и, прижимая к сердцу под шубой драгоценный дар, потянул за уздечку свою старенькую лошадь и медленно двинул из аула в южную сторону. Велика была радость в душе почтенного старика. Пусть теперь ему завидуют все, возомнившие себя самыми истинными служителями веры, пустые брехуны. А их немало в его родном ауле Шам-Шахаре, прилипших к мечети, как смола к стволу дерева.

СТРАННЫЕ ГОСТИ

Всех гостей, конечно же, было не уместить на ночевку в доме покойного Али-Шейха. А потому, по стародавнему кумыкскому обычаю, некоторых, уходя, забирали с собой соседи, и не только соседи, все сельчане... Люди постепенно расходились, когда вдруг, нарушив тишину ночи, заиграл на земле конский топот и, поравнявшись с воротами, быстрый всадник осадил скакуна, легко спешился, отвернул край башлыка, обнаружив отметину на лбу, кривой, как клюв птицы, нос, черные усы над тонкими губами и квадратный подбородок со щетиной.

— Ассаламу-алейкуа, жамият¹ Агач-аула! — сказал он громко. Это был не кто иной, как Саид Хелли-Пенжи, но его здесь не знали.— Почему не отвечаете на приветствие? — добавил приезжий

— Да будет отвечено, если уж ты просишь, но сын мусульманина не вправе нарушать обычай отцов...

— Все рушится на этом свете, почтенные, о каком обычае разговор?

— Никто еще не въезжал в аул верхом. Уважающий людей должен спешиться еще за аулом. Вот о каком обычае речь...

— Пустое. Когда кусает змея, об укусе комара не вспоминают, почтенные. Но, простите, у вас, кажется, беда? Могу ли я узнать, кому воздаются почести?

— Одному из достойнейших среди нас, слава ушедшему Али-Шейху. Воздень руки и читай молитву.

— Что? О ком вы? Неужели это правда? — Если бы в этот миг мячом покатила перед ним шаровая мол-

¹ Ж а м и а т — общество.

ния, и тогда бы Саид Хелли-Пенжи не испытал такого удивления и досады.

— Да, правда. От нас ушел Али-Шейх.

— Молись, джигит. И знай: храбрость — это умение править не только конем, но и собой.

Саид Хелли-Пенжи прочитал молитву, провел ладонями по лицу, чему последовали остальные, затем, чтобы не раздражать народ, пожал всем по очереди руки, присел на бревно и, глубоко вздохнув, молвил:

— Всегда со мной так, почтенные! Всю жизнь не везет... Или прихожу слишком рано, или уже поздно... Нет чтобы явиться вовремя...

— Время — лисица, будь, говорят, борзой.

— Все в руках аллаха. Его воля править жизнью каждого.

— Хвала аллаху.

— Али-Шейх ждал меня. Он должен был меня встретить. Вот я явился, а его уже нет. Жаль, очень жаль...

— У тебя что, дело к отцу? — спросил Мустафа, подсаживаясь поближе к приезжему.

— Да, было дело, и очень важное.

— Говори какое.

— Что толку. Вряд ли мне теперь кто поможет.

— Я старший сын Али-Шейха, мне отныне платить на земле все долги отца.

— Долга за ним никакого нет. Я привез ему газырь, которого не хватало на его бешмете...

— Ты Хасан сын Ибадага из Амузги? — встрепенулся Мустафа.

— Нет, Хасан убит в Большом ореховом лесу.

— Что?..

— Кто сказал, что он убит?..

— Ты о Хасане из Амузги?..

— Сам видел его мертвым?

Все вполошились и заговорили о Хасане из Амузги: те, кто знал его, и те, кто, может, только краем уха слышал о нем.

У Саида Хелли-Пенжи сердце захолонуло. Если б не серп месяца, а солнце было на небе, не трудно бы заметить, как побледнело его лицо.

— Ты лжешь! Его уже не раз убивали, не раз, это

правда. Но убить не удалось никому, ни губернатору, ни англичанам, ни имаму, ни шамхалу. Не поверим мы в его смерть, пока сами не увидим мертвым!..

— Я ценю вашу веру в него, и мне жаль вас. Вы все, наверное, знали его?

— Знали не все, и даже мало кто знал его, а вот слышать слышали о нем многое. Все горцы говорят, что человек он небывалой храбрости. На врагов такого страху нагонял...

— Да, брат мой был таким! Был, почтенные люди... Храбрость, что молния, живет мгновение...

— Так ты его брат?

— Да, двоюродный,— с легкостью солгал он.

— Отец говорил мне, что должен приехать Хасан из Амузги...

— Вот я и явился вместо него.

— Но мужество храбреца и не доят, и не седлают...

— Если селитра и сера будут согласны, они не оставят пули в ружье,— отпарировал Саид Хелли-Пенжи.

— Где газырь? Давай сюда и пошли в дом! — Мустафа перешагнул порог. Ночной гость последовал за ним протягивая газырь.

Мустафа приложил его к газырям отца и сказал:

— Теперь я слушаю тебя.

— В этот газырь заложена бумага. В ней, по-моему, все сказано,— проговорил Саид Хелли-Пенжи, которому ох как не терпелось узнать, что за тайна скрывается в тех словах.

Что делать — аллах не дал ему знаний, и не умеет он по мудреным закорючкам, называемым письменами, читать чужие мысли. Аллах знает, что делает. К его бы способностям да еще и умение читать и писать — недобровать бы тогда горцам...

Мустафа достал записку и начал читать. На лицо легла тень недоумения и настороженности. Он вновь и вновь перечитал записку. Сомнения не было, речь шла о том самом коране с медной застежкой, что увез Абу-Супьян. В записке черным по белому было написано, что отцу его надлежит передать этот коран в руки гонца с газырем.

— О каком коране здесь речь? — на всякий случай уточнил Мустафа.

— Я ничего не знаю, мне не дано прочесть, что там

написано. Если речь идет о коране, значит, есть такой коран.

— У нас в доме был коран с медной застежкой...

— С медной, а не золотой?

— С медной...

— Где же он, если был?

— До захода солнца я передал его в руки уважаемого Абу-Супьяна. Одному из любимых друзей моего отца.

— Это который же Абу-Супьян, не из Шам-Шахара ли?

— Да, он самый.

— Беда, брат мой, беда. Ты не имел права распоряжаться этим кораном! — не на шутку встревожился Саид Хелли-Пенжи.

С этими словами он вскочил в седло. Сейчас ему и вовсе не было дела до укоров почтенных агачаульцев.

— Надеюсь, следы коня Абу-Супьяна я найду на этой стороне? — и Саид показал на юг.

— Да, там...

— Прощайте! Мне надо спешить! — крикнул он и ветром унесся из аула. «Чем горячее огонь, тем дальше приходится засовывать руки в него», — с досадой подумал Саид Хелли-Пенжи.

Недовольно посмотрели ему вслед люди.

— Станный кунак, очень странный. У тебя он не вызвал недоверия, сын Али-Шейха?

— Удивительно, но и мне он показался каким-то странным, — ответил Мустафа. — Уж очень глаза у него бегали и все лицо выражало подозрительную тревогу.

— А что ему понадобилось от тебя? Если это не семейная тайна, может, расскажешь, в чем дело.

— Да нет тут никакой тайны. Ему тоже вдруг понадобился коран с медной застежкой.

— Вах, вах, не тот ли самый, что ты великодушно отдал Абу-Супьяну?

— Другого такого у нас нет и не было.

— Тут что-то не то... Боюсь, с этой книгой связана какая-то тайна.

— Не думаю. Если бы тут была какая-нибудь тайна, отец не скрыл бы ее от меня...

— Чует мое сердце, быть беде...

— Не надо гадать, почтенный. Да будет милостив аллах и избавит людей от бед и горя...

— Может, в этом коране тайна святости владельца его?

— Не знаю. Лучше бы я захоронил его вместе с отцом.

— А отец завещал тебе так поступить?

— Нет. Он же ничего не успел сказать.

— Да, тут все что-то странно... Сколько войн я пережил в нашем краю, но так тревожно на душе у меня никогда не было. Поверите ли, почтенные люди, словно бы мне подарили какую-то радость, а я вот ее теряю... Хочу уберечь, но не ведаю как!

— Старость это, почтенный, старость. Мозг твой серым стал, вот тебе и мерещится счастье. В молодости его не было, а на старости хоть бы и явилось, так на черта оно...

— Может, и пригодится. Ты будто знаешь, какое оно, словно купался в его голубых лучах.

— А ты знаешь?

— Не знаю.

— Ну так и замолчи. Не будоражь людям души. Выдумал еще — голубые лучи. Счастье у каждого свое бывает, как и папаха.

— А у меня вот и папахи нет. Может, в ней бы отыскал счастье...

— В папахе что другое найдешь, только не счастье.

— Ты что это, собачий сын, насмехаться надо мной вздумал?

— А чего глупости говоришь?

— Глупее людей, чем в твоём роду, нигде не было, ослиное отродье!

— Что ты сказал?

— То, что слышал!

— Да я из тебя душу вытрясу! Правду говорят, дом вороны отыщешь по карканью.

— Сдержите их, люди! Что они, ума лишились? Где это видано, чтобы счастье искали в драке.

Два человека почтенного возраста и правда чуть не сцепились друг с другом. Не миновать бы беды, не вмешайся в их свару Мустафа:

— Очнитесь, люди! Вспомните, где вы находитесь. Хотя бы один день чтите память Али-Шейха.

Едва ли ссора улеглась бы от этих слов Мустафы, но тут вдруг подошел какой-то человек. Стройный, в бе-

лой черкеске с газырями из слоновой кости, в рубашке с застегнутым до самого подбородка воротом, на черкеске пояс кубачинской работы, на поясе оружие: кинжал и наган в кобуре; на голове белая чалма с красной лентой, красный башлык, лицо волевое, грустное, но благородное, широкие плечи, мужественная осанка, на ногах хромовые сапоги. Он вел на поводу белого коня, через седло которого был перекинут завернутый в бурку человек. Пришелец молча сделал знак, чтобы помогли снять ношу. Люди бросились к нему. Сняли бурку, положили на землю, развернули и... ахнули. На ней лежал бездыханный Абу-Супьян!..

Да, это был Абу-Супьян. Не только Мустафу, всех потрясло случившееся. Мустафа в душе укорял себя, что отпустил старика одного. «Ведь мог же послать с ним племянника,— думал он.— Не было бы тогда беды».

Мустафа обернулся к тому, кто привел белого коня с черной ношей.

— Его убили? — спросил сын Али-Шейха.

— Да. Вы знаете этого человека?

— Как не знать уважаемого Абу-Супьяна, он только перед заходом солнца распрощался здесь с нами!

— Я нашел его распростертым на молитвеннике у родника в Талгинском ущелье.

— О мусульмане! Убить человека во время молитвы! Что может быть подлее. Кто же его убил?

— Вот я бы тоже хотел это знать.

— Кто ты? — спросил настороженно Мустафа.

— Я Хасан сын Ибадага из Амузги.

— Что?..

— Ты Хасан из Амузги?

— Почему это вас удивляет? Да, я — Хасан из Амузги, к вашим услугам, приехал приветствовать почтенного Али-Шейха и пожелать ему доброго здоровья на много лет...

Люди окружили человека в белой черкеске. Мустафа готов был броситься на него и схватить за горло, но не дремал и тот, кто называл себя Хасаном из Амузги. Стройный, легкий, готовый к отпору, он настороженно

оглядел всех, попятился назад, и в мгновение ока в руке его уже был наган...

— Вы что, люди, рассудка лишились?! Не спешите. Разделаться с недругом никогда не поздно. В наших горах и без того немало людей погибает по недоразумению. Призовите-ка лучше на помощь рассудок. Не шутите, почтенные, и попросите сюда Али-Шейха. Он вам объяснит, кто я!

— Тебе, выходит, неизвестно, что уважаемого Али-Шейха уже нет среди нас?

— Что с ним? И его убили?

— Нет, он умер своей смертью. Мы сегодня похоронили его.

— О, аллах! А кто же теперь несет бремя старшего в его роду?

— Я, Мустафа, его сын. А ты бы лучше сказал истину, кто ты есть.

— Я уже сказал вам, Хасан сын Ибадага из Амузги, вот кто я.

— Хасан из Амузги убит в Большом ореховом лесу, об этом нам сообщил его брат.

— Я так и думал. И давно он убрался отсюда?

— Кто?

— Тот, кто назвался моим братом? Трусливый шакал ему брат, а не я!

— Не больше часа назад. Он здесь долго не задерживался.

— Что ему нужно было у вас?

— Сначала мы хотели бы знать, что нужно тебе?

— Надеюсь, это о чем-нибудь скажет,— Хасан из Амузги сунул в ладонь Мустафы газырь.

Тот раскрыл ладонь и еще больше растерялся.

— Но точно такой же газырь дал мне и человек, назвавшийся твоим братом.

— Это не тот газырь, который должен был быть предъявлен. Да и нет у меня никакого брата! Это матерый волк — Саид Хелли-Пенжи, он украл у меня газырь с запиской. И ты, конечно, отдал ему коран с медной застежкой?

— Нет.

— Очень хорошо сделал. Рукописный коран твоего отца нужен мне сейчас, немедленно!..

— Нет его у меня...

— Как нет? А где же коран?

— Абу-Супьян попросил отдать ему, и я не смог отказать столь уважаемому человеку.

— Ты вручил ему его смерти!

— Нет, нет! Я и не думал об этом! — вскричал встревоженный Мустафа. — Прошу, не обвиняйте меня, я ни о чем не ведал. Хоть бы знать, кто его убил? Если ты Хасан из Амузги, ты должен знать, кто убил Абу-Супьяна. Мы отомстим. Я и четверо его сыновей! Говори — кто?

— Да что теперь говорить! Эх, не повезло же!..

— Кому не повезло?

— Мне. Опредил этот выродок, зверь двуногий.

— О ком ты?

— О том, кто назвался моим братом. Это он убил Абу-Супьяна.

— Кто «он»?

— Я же сказал — Саид Хелли-Пенжи. Прощайте, мне надо спешить. Передайте сыновьям Абу-Супьяна мое сочувствие. А вы, почтенные агачаульцы, запомните: пуля для Хасана из Амузги еще не отлита, не торопитесь меня хоронить. До встречи... Мустафа сын Али-Шейха, я бы сам отправился с тобой к сыновьям Абу-Супьяна, но мне очень надо спешить. Время дорого...

Да, это истинно был Хасан из Амузги, Хасан из древнего рода кузнецов. Недаром говорится, что первым человеком на земле был кузнец — имеющий дело с огнем.

— Хасан из Амузги, скажи мне, не скрыта ли тайна в этом коране? — спросил Мустафа.

— Ты угадал.

— И отец не открыл мне ее!

— Не упрекай досточтимого Али-Шейха. Значит, так было надо. Будь здоров! И вам долгих лет, почтенные! Хасан сын Ибадага из Амузги вам этого желает.

И он ушел, ведя на поводу свою белую лошадь, и оставил растерянными еще более взволнованных агачаульцев. Столько всего обрушилось на них за день. И разобраться трудно. События вроде и не связаны между собой, а если вдуматься, все скручено в один узел.

Хасан из Амузги, сын кузнеца, окончил кубачинское медресе, потом реальное училище. Он знал арабский и русский языки, а в кузне бакинских рабочих, как говорили его сородичи, выковал себя до полной силы. Хамшари — друг по несчастью. Так бедняки бакинцы называли людей, приезжающих к ним на заработки. Нефтепромышленники драли с пришлых хамшари семь шкур. Потом добытый кусок хлеба застревал в горле. Так было, пока возмущение униженных не вырвалось наружу, пока все бедняки не сплотились и не восстали в едином порыве против дворцов и их владельцев. А рабство на этих кустарных нефтяных промыслах Кавказа, по утверждению некоего паранга¹, доходило к тому времени до таких пределов, что человека там поистине превращали в тягловый скот. Жизнь была подобна аду: по семьдесят — восемьдесят душ обитали в одном грязном бараке, в темноте, в сырости, в холоде. Болезни уносили сотни жизней. Нищета была непередаваемая, а штрафы росли и росли. Драли их за все: за медлительность, за курение во время работы, за поломку колеса, за обрыв приводного ремня... Работали люди по колено в грязи, чаще босые или в лаптях из сыромятной кожи, которые от сырости растягивались до невероятных размеров, отчего ноги тяжелели, а тепла никакого не было. Колеса на вышках крутили и люди и лошади, умирали тоже и люди и лошади. А саваном людям служили бязевые кушаки, которыми были обмотаны латанные-перелатанные бешметы.

В эти места царские власти все больше ссылали непокорных из центральных губерний России. Правительство оставляло без внимания просьбы местной администрации о том, чтобы во избежание беспорядков в среде промысловых рабочих прекратили или хотя бы ограничили приток ссыльных.

Можно представить, какой гнев рождался в душах обитателей эдакого ада. И гнев этот не раз вырывался, как пламя из зева земли, пока наконец не поднялось настоящее восстание, в огне которого закалился и Хасан из Амузги сын Ибадага, тоже ушедший в жизнь на поиски счастья. Он стал среди горцев почти легендарным. Трижды осужденный на разные сроки тюремного

¹ Паранг — француз.

заклучения, дважды приговоренный к смертной казни через повешение, Хасан всякий раз чудом спасался. Один раз спасла его дерзкая смелость, а во второй раз из петли, что была подвязана к нефтяной вышке, Хасана вызволили верные друзья... Вот почему и слагались легенды, будто он наделен способностью воскресать из мертвых.

Человек риска и необыкновенной храбрости, Хасан из Амузги тем не менее на всю жизнь запомнил урок, данный ему комиссаром Али-Багандом, человеком железной воли, закаленным в суровом горниле битв за счастье народа. Он был популярен как первый командир революционного кавалерийского полка, храбро сражавшегося за власть Советов на Северном Кавказе не только в горах Сирагинских, но и в горах Табасаранских и в степях кумыкских.

Посылая однажды Хасана из Амузги на выполнение особо важного задания, Али-Баганд рассказал ему о случае, что произошел как-то с ним самим в Большом ореховом лесу, где во все времена кишмя кишели всякого рода головорезы и грабители и куда, под видом абреков, просочились ищейки имама из Гоцо и князя Тарковского. Али-Баганд вез прокламации, обращенные к горцам, служившим в отрядах и полках имама и князя. Прокламации призывали всех, кому дорога свобода народа, кто не желает быть в рабстве у богатеев, князей и других власть имущих, кто не намерен укрываться в скорлупе своего личного благополучия, в это тяжелое для советской власти время, когда она истекает кровью, вступать в отряды красных бойцов. В прокламациях не скрывалось, что вопрос, быть или не быть, стоит перед народом острее, чем когда бы то ни было.

Али-Баганд мог бы все это сказать словами, но очень уж велика была у горцев вера в написанное на бумаге, да еще арабскими буквами. Вот почему и повез Али Баганд прокламации, рискуя жизнью. Ехал он на арбе, запряженной облезлыми быками. Драгоценный груз был спрятан под мешками с ячменем и кукурузой. Али-Баганд словно бы возвращался с базара из Таркама, куда нужда и большая семья погнали его с гор в такую лихую пору. Очень скоро конные головорезы остановили его, отняли зерно, содрали черкеску, не дав ему времени вынуть из ножен кинжал, и приказали,

себе на потеху, плясать, обещали, коли спляшет, вернуть ему арбу. Что оставалось делать Али-Баганду, в арбе-то ведь под мешками прокламации. И он заплясал, хотя прежде никогда в жизни не плясал, и не потому, что не мог, а просто не до того ему было. Вокруг поднялся дикий хохот, хлопали в ладоши, подбадривая танцора, радовались тому, что дано им унижить человека, посмеяться над ним... Али-Баганд выбился из сил, остановился, глянул на своих мучителей — не довольно ли с них, но не тут-то было, абреки воцли во вкус и заорали:

— А теперь танцуй женский танец.

Али-Баганд побагровел, и он уже готов был броситься на краснолицего наглеца, что стоял ближе всего, и задушить его в руках на весу, но вовремя сдержал себя: что толку, ведь и его тогда пристрелят, а он непременно должен довести до конца порученное ему дело. Пришлось пренебречь своей обидой и злостью и, более того, притвориться смиренным.

— Так я ведь и танцевал женский танец,— сказал он,— умею я танцевать мужской танец, разве довел бы вас до такого смеха!..

Обалдевшие абреки не поняли скрытой иронии, они снова загоготали и отпустили Али-Баганда с его арбой. Так прокламации были доставлены туда, куда надо...

Хасан из Амузги понял, к чему клонил в своем рассказе комиссар, и с тех пор, несмотря на буйность характера, зарубил себе на носу: во имя главной цели надо избегать безрассудства, ради этого не грех иной раз и самому отважному мужчине сплясать женский танец.

Вот каким он был, Хасан из Амузги сын Ибадага.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХОЗЯИН ТАЛГИНСКОГО ХУТОРА

Исмаил, как вы уже знаете, некогда тоже был бедняком. Он родом из того самого аула нищих, где девушка выходила замуж только за того, кто попрошайничал в других аулах — дал изгрызть собакам не меньше четырех палок.

Ему долго не везло. За что бы ни брался, все у него

выходило не так, как у людей. Зная всего две суры из корана, он столь рьяно молился, что продырявил не один молитвенник, а в святые не вышел. Не раз взывал к аллаху: «Если ты есть творец добра, то где же оно, твое добро? Почему так несправедливо распределено? Почему зла на земле во сто крат больше, чем добра?..» Не получив ответа на свои многочисленные вопросы, Исмаил усомнился в могуществе неба и спустился с гор в предгорье, словно бы покинул трон небесного владыки, и, как ласточка вьет себе гнездо, слепил небольшой домик на земле, что у самой лечебной грязи. А вскорости, прикинув, что к чему, почувствовал вдруг себя земным владыкой, заявил всем в округе, что всех, кто без его ведома воспользуется грязью, не минует смерть.

Чего не сделает болезнь? Люди вынуждены были лечиться. И они шли на поклон к Исмаилу. Так-то он и стал богатеть. И очень скоро пошла гулять окрест его любимая поговорка: «Кошка ловит мышь не для аллаха, а для брюха». А брюхо, надо сказать, он отрастил изрядное, словно бочку вина перед собой носил. И очень это ему досаждало. Горевал Исмаил не только о том, что толст и что неплохо бы сери́ну с головы сдуть. Он частенько мечтал скинуть бы и годков эдак тридцать. Но при этом забывал, что тридцать лет назад его никто знать не знал, даже собаки не замечали. Нет, Исмаил хотел, скинув годы, остаться таким же богатым и обладать всем, что имеет. Советская власть было лишила его несправедно нажитого добра. Причем советская власть предстала перед ним на его хуторе в образе двоюродного брата — Хажи-Ахмада, бывшего батрака, ставшего председателем ревкома. Исмаил тогда сделался тише воды, ниже травы, старался казаться угодливым. Если, мол, Хажи-Ахмад желает жить в его сакле, пожалуйста, почему нет. Если пастбища и отары хочет раздать людям, тоже пожалуйста, о чем разговор. Решив, что все пропало и ждать лучших дней нечего, он сдался, хотя горевал, что вот ведь был богатым человеком, в отарах не сосчитать было овец, а Хажи-Ахмад, наоборот, был так беден, что и ветру бы нечего выместить из его сакли...

Однажды, правда, Хажи-Ахмад все же разжился — приобрел одну овцу, то ли хуторяне над ним сжалились, то ли мечеть, — и попросил он Исмаила взять овцу в свою отару на зимовье, в надежде, что по возвращении

баранты в горы будет у нее приплод. Исмаил не отказал ему в этом. Но когда отара вернулась на летние пастбища, оказалось, что волк по дороге зарезал одну овцу и, как утверждал Исмаил, это была именно овца злополучного Хажи-Ахмада.

— Судьба, выходит, твоя такая! — с деланным сочувствием сказал тогда Исмаил, обращаясь к двоюродному брату.

— Да,— задумчиво молвил Хажи-Ахмад,— трудно, наверное, было бедняге.

— Кому? — сдерживая усмешку, спросил Исмаил.

— Как кому? Волку. Легко ли в тысячной отаре отыскать именно ту овцу, которая принадлежала мне!

И ушел тогда из аула Хажи-Ахмад, ни слуху ни духу от него больше не было. Но вдруг, когда отрекся белый царь от престола, а вслед за ним и Керенский полетел, Хажи-Ахмад объявился в горах, да не кем-нибудь, а председателем ревкома на всей Талгинской долине. Они-то и поделили вместе с Хасаном из Амузги все, чем владел Исмаил,— пастбища, поля и отары — между бедняками...

И вдруг вернулась к Исмаилу радость: под натиском контрреволюции пала советская власть. Большевики покинули аул, уехал и Хажи-Ахмад, оставив жену свою в сакле Исмаила...

Тут-то и проснулся в Исмаиле зверь. Он вернул себе все, что у него отобрали, и даже больше того. А уж куражился, не одну семью заставил слезами обливаться.

— Вы все отныне мои ралиты¹,— заявил он,— а ралиты обязаны отбывать повинность. Вот и будете каждый по три дня на пахоте работать, потом тоже по три дня на жатве, на сенокосе, на доставке дров, и так на всех видах работ...

Но это еще не все. Позвал он однажды к себе жену бывшего председателя ревкома, а своего двоюродного брата Хажи-Ахмада и приказал, да еще и при гостях — смотрите, дескать, каков я:

— Сними-ка с меня сапоги!

Горянка удивленно уставилась на него и не повиновалась.

¹ Р а л и т ы — подневольные, зависимые.

— Ты что, оглохла? Кому говорю, сними сапоги!— взревел Исмаил.

— Ты мне не муж и голоса на меня не повышай,— с достоинством проговорила женщина.

— Ха-ха! Слыхали, голоса на нее не повышай! Большевицкая подстилка!— Исмаил вскочил и огрел ее плетью.— На колени, сука!

И он заставил ее пасть на колени перед ним, не убоившись людского упрека, что вот, мол, до чего дошел, меряется силой с женщиной.

А наутро, хотя в душе было опасение, что ему, чего доброго, такое, может, и не сойдет, Исмаил велел вывесить шаровары жены председателя ревкома всем на обозрение на базарной площади: вот, мол, вам ваш позор, большевики. Горянка не перенесла оскорбления, бросилась со скалы в пропасть и погибла.

С того дня Исмаил готов был на любые жертвы, только бы не вернулись большевики, одно упоминание о которых бросало его в дрожь. Он одарил всех, кого мог,— раздал свою баранту — только бы оберегали его, нанял людей, вооружил их и превратил свой хутор в неприступную крепость, с часовыми и верховыми дозорными. Но покоя у Исмаила тем не менее не было. Да и не удивительно, если самыми приближенными людьми у него были изгнанный аульчанами за воровство Мирза из Параула, человек, о каких говорили «может из могилы саван выкрасть», и одноглазый борец Аждар из аула Хабдашки, опозорившийся среди других борцов тем, что применял недозволенные приемы, за что его ослепили на один глаз и к тому же пообещали, если осмелится снова выйти против соперников, второго глаза лишить. Исмаил подобрал этих отверженных и удостоил особого доверия — поручал им самые темные дела, вплоть до убийства.

В последнее время и Мирза и Аждар занимались главным образом тем, что добывали оружие, так как пока еще не все Исмаиловы люди были вооружены.

Этой ночью они вернулись из очередной своей вылазки в Порт-Петровск.

— Сколько вы достали оружия?— спросил Исмаил, приглашая их отведать мяса, отваренной бараньей головы.

— Четыре винтовки и два нагана,— доложил Мирза.

— И еще один маузер, только Мирза хочет его присвоить, потому и не говорит о нем,— объявляет Аждар, усмехаясь своим налитым кровью единственным бычьим глазом.

— Уважаемый Исмаил, этот маузер с патронами я оставляю для себя,— водянистые, с набрякшими веками глаза Мирзы жадно впились в блестящую деревянную кобуру.

— А ну дай-ка его сюда!— рявкнул Исмаил.

— Исмаил, прошу тебя... Я добыл его, рискуя жизнью...

— Мяукай не мяукай, ты не моя кошка!— Исмаил схватил Мирзу за нос.— Положи сюда. О, да он новенький! Откуда такой? Кому он принадлежал?

— Человеку в кожанке.

— Большевику?

— Похоже, он был из комиссаров.

— Значит, большевик. Ты убил его?

— Не знаю. Я залез в один дом, на второй этаж, смотрю, там человек спит. А оружие лежит на столе. Я взял его. А когда хотел сундук открыть, человек проснулся, пришлось выстрелить в него. После этого я выбросился из окна и...

— Верен ты, я вижу, своей привычке. Ну что ж, и это добро... А маузер останется у меня. Ты себе еще достанешь. Какой же я хуребачи¹, если у меня не будет такого оружия?..— И Исмаил приспособил кобуру с маузером себе на пояс.— Ну и тяжелый же, черт бы его побрал!— крикнул он довольно.— Ничего, зато вид солидный, теперь не стыдно и турка встретить...

— Он один едет?

— Не знаю, может, и один. Хотя в такое смутное время, да еще офицер, едва ли он решится ездить один. Надо его достойно принять. К тому же из Астрахани вернулся мой племянник, царский офицер.

— И где же он сейчас?

— В Петровске задержался. Слышал я, правда, что он вроде бы с большевиками снюхался, но я не верю в это. Он всегда любил и уважал меня и сейчас будет делать то, что я от него потребую. А вы сегодня не очень-то разжились. Винтовки мне не нужны. Я же говорил,

¹ Х у р е б а ч и — начальник, командир крепости.

что мне бы пулеметов или пушек. На каждый бы угол крыши поставить...

— Да что ты!— ахнул Мирза.— Крыша провалится. Ведь такая тяжесть.

— Да и как их поднимешь на крышу?— поддакнул Аждар.

— Поднять-то бы можно, но кто стрелять из них станет, это ведь не наган.

— Пока что надо сначала достать их, а затем и стрелять научимся: коли придут на подмогу кошки, и мышиную силу преодолеть можно.— Исмаил вдруг насторожился:— Тихо, слышите... Кто-то скачет. Да, да, именно к моему дому скачет. Не турок ли легок на помине, да чтоб в роду его все передохли. А может, племянник мой, Сулейман? Хорошо бы. Он офицер, вот ему бы я и передал командование моими людьми. А ну, быстро в ту комнату. Чтоб ни слуху ни духу вашего не было!

Исмаил показал им на дверь в смежную комнату и вышел встречать поздних гостей.

Не отворяя ворот, он крикнул:

— Эй, кто бы вы ни были, надеюсь, зла не таите! Но хотел бы я знать, кто осчастливил меня?

— К тебе мы, уважаемый Исмаил. Дело у нас. А зла к тебе нет никакого.

— Знакомый вроде голос, а угадать чей не могу...

— Встречаться нам с тобой еще не доводилось, но я буду рад знакомству с таким ученым человеком.

— А что за дело у тебя ко мне?— Исмаилу очень польстило услышать в свой адрес высокое слово «ученый».

— С каких это пор, еще не открыв ворота, горец спрашивает кунака о деле? Не думал я, что столь уважаемый в округе человек, как ты, Исмаил, способен на это. Что же, мы уйдем искать следы копыт своих лошадей, только скажи нам, где еще поблизости есть человек, умеющий читать коран...

— Вы что, пугать меня вздумали? Да я вас сейчас! Вот только свистну, и мои бойцы...

— Ты не понял нас, почтенный Исмаил. Нам срочно нужен человек, который может прочесть некоторые родовые надписи на полях одного корана...

— Так бы давно и сказали... Лучшего, чем я, чтеца вам едва ли найти...

Ворота наконец открылись, и во двор въехали трое. Один был Саид Хелли-Пенжи, а двух других он, видно, где-то подобрал по дороге. Саид Хелли-Пенжи находил друзей так же легко, как и терял их.

Исмаил вгляделся в гостя. Лицо квадратное, безусое, но щетинистое, темное и шрам на лбу. Брови густые, широкие, губы тонкие, плотно сжатые, желто-воскового цвета подвижные глаза, на голове папаха из стриженной овчины. И все это на непомерно толстой шее.

— Мы прослышали о твоей большой учености, почтенный Исмаил, и только поэтому осмелились потревожить тебя,—проговорил Саид Хелли-Пенжи, заметив при этом, как внимательно рассматривает его хозяин дома.

— А мои дозорные что ж, разве вас не встретили?—несколько удивленный спросил Исмаил.

— Они, видно, немного задремали,—улыбнулся в ответ Саид Хелли-Пенжи.

— Но ничего, завтра я им припомню, что сладко, а что горько. Проходите, гости.

— Спасибо, уважаемый, да не иссякнет радость в этом доме, у нас очень мало времени.

— Могу ли я узнать, кто вы?

— Люди, ищущие добро.

— Хорошо сказано. Все живые ищут добро.

— Но не все его находят, хочешь ты сказать?

— Что верно, то верно, каждому небо дает свое. А не знаешь ли ты, что приключилось с тем, кто хотел расширить дыру своего благополучия?

— Не доводилось слышать.

— Был такой случай, во сне одному бедному сапожнику явился ангел и, показывая на разного размера дыры в худом сите, сказал, что это судьбы людские. «А твоя,—сказал он сапожнику,— вот эта»,—и ангел показал на самое маленькое отверстие в сите. Бедняк, у которого в эту минуту в руках оказалось шило, решил немного расширить пределы своей судьбы и... проснулся с диким криком. Шило, которое и правда было у него в руках, сапожник воткнул себе в ноздрю. Ха-ха! Вот ведь как бывает!..

— Да, бедняку и во сне не везет.

— Ой, не говори! Я и раньше даже и бедняком-то не был. Ведь для того, чтобы называться бедняком, тоже надо что-то иметь, а у меня вообще ничего не было.

— Да, почтенный Исмаил, аллах над тобой смиловился.

— Э, нет! Аллах не поможет, если у самого у тебя нет этих, как их называют...

— Добрых всходов...

— Вот, вот! А как твое имя?

— Саид Хелли-Пенжи.

— Так это ты и есть! Слышал я о тебе, гроза Кара-Кайтага. Это, выходит, я тебя остерегался, не посылал своих отар через Большой ореховый лес?..

— Зря боялся,— пробормотал Саид Хелли-Пенжи, а про себя подумал: «Если бы кто явился с твоим именем, я бы его на первом суку сушиться повесил».

— Ну это ты сейчас так говоришь, когда нужда у тебя во мне. Знаю я вас, абреков.

— Каждый добывает свой хлеб, как умеет,— прикинулся обиженным Саид Хелли-Пенжи.

— Да ты не сердись. По мне, абрек лучше, чем большевик. Абрек если и возьмет, то не все, а большевики, того и смотри, дотла разорят...

— В доме, надеюсь, никого больше нет?— перевел разговор ближе к делу Саид Хелли-Пенжи.

— Есть, как же нет. Жена и дочери мои. Они, правда, все спят давно. А у тебя что, тайна какая? Выкладывай давай. Очень я их люблю, тайны всякие...

— Да нет у меня никакой тайны. Вот коран у нас, на полях которого на какой-то из страниц должно быть написано... об отце этого человека,— придумал на ходу Саид Хелли-Пенжи, глянув на одного из своих спутников.— Мы его ищем, говорят, богатый он. Может, тут обо всем и написано?..

— Дайте-ка сюда, а вы садитесь да ешьте, налегайте на мозги, они вкуснее всего, я их очень люблю.

«Оно и видно, что у тебя бараньи мозги»,— подумал про себя Саид Хелли-Пенжи.

Исмаил принялся рассматривать книгу.

— Коран рукописный,— сказал он наконец,— я его где-то вроде видел. А чем вы, кстати, заплатите мне за чтение?

— Да разве это такой уж большой труд?— удивился Саид.

— Труд не труд, а сами-то вы не прочтете. Ну, а раз я должен трудиться, значит, мне следует плата. Так сколько же вы дадите?

— Золотой десятки, я думаю, тебе хватит?

— Да вы посмотрите, какая она, толстенная, книжища-то эта. И две десятки не много.

— Ладно, полторы.

— Нет, две. Вы уж не скупитесь.

— Пусть по-твоему. Только давай скорее приступай к делу.

— Легко ли перелистать столько страниц?— Исмаил придвинул к себе лампу и раскрыл книгу.— Все читать или только надписи на полях?— спросил он.

— Нет, нет, все незачем.

— Так... А тут много любопытного.

— Что, например?

— Вот смотри, что написано: «Никакое добро не приносит человеку столько радости, сколько то, что добыто из-под собственных ногтей!» Верно ведь... Мудрый человек писал.

— Дальше, дальше.

— А здесь написано о беде...

— О какой еще беде?

— «Разгневался аллах на людей,— написано тут,— и послал он им великое испытание, больше половины всех, кто лежит на кладбище, умерли от землетрясения. И им легче, чем нам, живым. Нам негде и не на что жить, не на кого надеяться... Аллах всемогущий, пошли и нам смерть, будь милосердным...»

— Это не то...

— А книга, я должен сказать, очень занимательная. Вот здесь написано о рождении сына, Мустафы, здесь о траве какой-то, которая лечит раны, тут о лунном затмении... А вот совсем свежая надпись: «Был в ауле Куймур и видел там красавицу дочь слепого Ливинда. Восхищен я и горд, что на нашей земле растут цветы, достойные украсить трон любого падишаха, и как жаль, что такой красе, скорее всего, суждено прожить в бедности и неизвестности. Аллах, будь милостив к этому расцветшему цветку...»

— Дальше, дальше. Все это нас не волнует.

Исмаил еще долго читал разные разности, и Саид Хелли-Пенжи все говорил: «Дальше, дальше». Но вот вдруг прозвучали слова, которые сразу насторожили слушателей:

— «...Шкатулка с тайной закопана у древней Куймурской крепостной башни, там, где растет...» — произнес Исмаил и добавил: — Это, по-моему, вам тоже не интересно?..

— Читай, читай, это любопытно...

— Да, очень любопытно, интересно, что за шкатулка, а?

— Читай же!

— «...там, где растет одинокое ореховое дерево. От него на юг, в сторону Кибла, надо пройти три шага, затем повернуть к восходу солнца и еще пройти семь шагов, и упрешься в надгробную плиту, под которой никто не захоронен. Под ней и следует копать...» — Исмаил замолк.

— Дальше, дальше! — нетерпеливо подгонял Саид.

— Все. На этом надпись обрывается.

— Благодарю тебя, почтенный Исмаил, это нам и надо было знать... — Саид Хелли-Пенжи резко выхватил из рук хозяина книгу и поднялся, собираясь выйти.

— Ты, надеюсь, не забудешь уплатить мне?

— Непременно получишь свое, почтенный Исмаил. Дай только клад вырыть, не два, а три золотых тебе отвалю...

— Но мы ведь договорились... К тому же я придерживаюсь того мнения, что сегодняшнее яйцо лучше обещанной на завтра курицы.

— Ничего, потерпишь и до завтра. С голоду не пропадешь. Дети твои хлеба не просят. Потерпишь, тебе же лучше. Кстати, ты нас не знаешь, и мы тебя не знаем. Заруби это себе на носу. Ни один человек не должен знать об этой тайне, понял, иначе...

— Я требую платы... — стоял на своем Исмаил.

— Тебе все сказано, старик. Не увеличивай нору жадности в своем сердце.

— Вот не думал, что люди могут быть такими недостойными. Обмануть старика! А что, если я вас не выпущу?..

— Но, но! Придержи лучше свой язык, не зли нас,

не то... Пошли-ка.— Саид Хелли-Пенжи отстранил рукой возмущенного Исмаила, пропустил вперед своих людей и сам последовал за ними.

Едва топот их коней заглох, Исмаил, куда девалась его злость, довольно улыбаясь и потирая руки, вернулся в комнату, где его ждали верные нукеры. Они о чем-то перешептывались между собой. Исмаил, если ему надо было предпринять что-нибудь важное, имел обыкновение так повести разговор, что идея предприятия исходила как бы не от него. Вот и сейчас как ни в чем не бывало он спросил:

— О чем это вы?

— Да так.

— А все-таки, о чем вы шепчетесь?! Не тянуть же мне вас за язык!

— Клянемся твоим драгоценным здоровьем, мы так, о пустом говорили.

— О, чтоб ваш род на корню иссох, говорите же, в чем дело? — притворно сердился Исмаил, зная, что через минуту-другую ему представят целый план действий.

— Да как тебе сказать... Правда, ты наш хозяин, а мы твои услуги — и, пока живы, верны тебе, а потому и скрывать нам от тебя ничего нельзя. Но...

— «Но», «но»! Что за «но»? Объясните вы наконец или нет?

— Да боимся мы, вдруг не позволишь...

— Что я вам должен позволить? Говорите же, не то мое терпение лопнет. На что вы хотите решиться?! Ну!

— Сказать правду?

— Лгут только недостойные!

— Так пусть будет сказана правда: мы всё слышали, уважаемый Исмаил. Они нашли клад! Так, может?..

— Я так и понял, чтоб весь ваш род передох! Ну и длинные же у вас уши. Ослы позавидуют. И вы не боитесь аллаха, такое задумали?..

— Что мы задумали? — переглянулись между собой нукеры.

— Вы меня спрашиваете или я вас, чтоб ваш род передох? Говорите же, или вы не понимаете, как дорог сейчас каждый миг?

— Ну так, если бы ты позволил...

— Давно бы так!.. Но это же пахнет кровью, неуже-

ли же вы осмелитесь на такое? Вот не думал, не думал... Но что же вы? Время идет, кони несут их уже в долине Каменной Черепахи...

— Если бы ты повелел нам.

— Что, что? Это я должен вам повелеть? А вы сами что, несмышленыши? Своих голов на плечах нет? Или они у вас соломой набиты? Побойтесь аллаха. Вот уж не ожидал от вас. Вы хотите последовать за ними? Я же знаю, я читаю ваши мысли как на ладони. Хотите, когда они выкопают клад, напасть на них и... того? Достойно ли горца такое дело, благородно ли это?.. Но что же вы медлите? Да поможет вам аллах! И учтите, еще никому не удавалось обвести Исмаила лисьим хвостом.

Мирза и Аждар выскочили из дому, вывели уже оседланных лошадей из конюшни, и через минуту-другую конский топот разнесся по Талгинской долине. Из-под хорошо подкованных копыт фейерверком высекались искры. Недаром говорится: у птицы гнездо на дереве, а у хитреца — в груди.

ЖЕЛЕЗНАЯ ШКАТУЛКА

В полдень следующего дня Саид Хелли-Пенжи с двумя своими лесными братьями подъехали к Куймуру. В аул заезжать было небезопасно, а потому до наступления темноты они решили пересидеть в лесной чащобе. Здесь за скудной трапезой — полчурека на всех, кусок овечьего сыра и вдоволь холодной воды из родника, что протекал прямо у ног, — время шло не так быстро, как того хотелось бы Саиду Хелли-Пенжи. Развалясь на мягкой росистой траве, глядя на кучевые белые облака и синее лазурное небо, каждый из троих размечтался о своем. Саиду Хелли-Пенжи в зеркале ожидаемой шкатулки виделся белый Багдад — несравненный, сказочный город Востока. И себя он видел в белой чалме, унизанной алмазами, в шитом золотом халате, ни дать ни взять — наследный принц Багдатского престола. Видения лесных братьев Саида были менее пышными. Один мечтал о том, что любимая жена и дети готовы простить ему вину и он возвращается домой, навсегда отрешившись от бесчестной жизни. Другому виделось, что аллах предоставил ему наконец случай похитить любимую девушку из дома своенравных родителей, по милости ко-

торых он стал одним из тех, кого горцы называют двуногими волками.

Мечты Саида вдруг прорезала мысль о том, что не руками же они должны рыть землю. У них, конечно, есть с собой кинжалы, только много ли ими нароешь.

— Эй вы, ослиные головы! Надо раздобыть кирку и лопату. Да так, чтобы никому в голову не пришло, зачем они вам нужны.

— Мы сейчас, Саид Хелли-Пенжи, мигом все раздобудем,— вскинулись лесные братья.

— Вдвоем не ходите, и один управится; если не удастся тайком где-нибудь со двора утянуть кирку и лопату, вот деньги, купи,— и Саид бросил тому, что был выше ростом и тощ, словно загнанная кобыла, серебряный рубль с изображением белого царя.

— Я попрошу, скажу, по дороге товарищ умер, похоронить его надо.

— Идиот, хочешь, чтоб весь аул сюда собрался?

— И верно, не то я надумал.

— Ни слова лишнего не говори, спросят, зачем понадобилась лопата, буркни себе под нос что-нибудь и на все вопросы только знай себе кивай согласно головой. Не осложняй простых вещей и не упрощай сложных. Набирайтесь ума-разума.

— Понятно.

— Иди. Скоро вы будете богатыми, сукины сыны, благодарить меня всю жизнь будете, Саида Хелли-Пенжи. И весь мир для вас станет Багдадом.

Долговязый ушел, а рябой коротышка, с лицом, будто слепленным из серой сулевкентской глины, остался с Саидом. Это был тот, который мечтал о похищении своей возлюбленной. Он рассказал Саиду о том, что его гложет, и вдруг воскликнул:

— А зачем же мне ее похищать, теперь просто выкуплю! Правда ведь, Саид?

— Да ты, брат мой, когда набьешь карманы золотом, еще подумаешь, стоит ли связывать себя с какой-то там девчонкой...

— Но я ее очень люблю!

— Она красивая?

— Для меня да. Правда, чуть прихрамывает, но я этого даже не замечаю.

— А я вот никогда никого не любил. И меня никто

не любил. Хотя нет, неправда. Одна баршамайская вдова любила меня. Огневая была, стерва, дотла сжигала... Она еще была замужем, когда однажды, будучи у них в гостях, в отсутствие мужа я полез к ней. И знаешь, что она сделала? Я-то думал, вот сейчас поднимет шум на весь аул, и вдруг слышу, она говорит: «Чего ты так долго не шел, измаялась я ожидаючи». Ну, мы, конечно, времени даром не теряли, а все же до прихода мужа не управились. И он застиг нас. Ну я с ним сцепился, а она, едва он одолевает меня стал, закричала: «У каждого своя жена, пусть он об этом знает! Бей его, муж, бей!» Но как только я брал над ним верх, женщина меняла речь. «И что это за муж,— кричала она,— сам не справляется с делом и другому мешает! Бей его, мой возлюбленный! Бей!» Ха-ха-ха! Вот как оно иногда получается.

— Моя не такая...— с грустью проговорил коротышка.

— Все они до поры не такие. Не верю я женщинам, они любого из нас продадут и купят с легким сердцем. Однако, что-то наш одноухий не возвращается?

— Его Хурда-Кади зовут...

— А тебя?

— У меня и имени-то нет, просто прозвали Ятим-бедняк.

— Где он ухо свое потерял?

— В Большом ореховом лесу.

И Ятим с улыбкой поведал, как это случилось. Был такой абрек, Умар из Адага. Разные они бывают, абреки. Этот был мужчина, настоящий горец. Он защищал бедных, угонял табуны и отары овец у богатых и все раздавал беднякам по аулам. Но были в лесах и другие абреки. Те ногтя на мизинце Умара из Адага не стоили. И однажды в Большом ореховом лесу этот Хурда-Кади, которому поперек горла стояла добрая слава Умара из Адага, подделался под него и обобрал бедняка горца, который вез на арбе кукурузу себе домой. Огорченный бедняк сел у дороги на камне, взялся за голову и на чем свет стоит стал поносить Умара из Адага. Вдруг будто из-под земли вырос перед ним на лихом коне всадник и спрашивает:

— Чем ты удручен, брат?

— Горе у меня, добрый человек, большое горе, семе-

ро детей дома, слепой отец, хромая мать, больная жена — все они голодные, ждут меня там в горах, и я везим кукурузы, да вот обобрали меня...

— Кто?

— Абрек Умар из Адага, будь он проклят, чтоб род его выморила чума.

— Он сам так и назвался?

— Да! Да с каким бахвальством, чтоб ему не знать радостей.

— Куда он увел арбу?

Бедняк показал в глубь леса.

— Следуй за мной,— сказал всадник и поскакал в ту сторону, куда направился грабитель.

Умар из Адага очень быстро нагнал Хурда-Кади, остановил его, велел вернуть бедняку все, что тот у него отобрал, и на глазах у пострадавшего горца одним ловким взмахом сабли отрубил Хурда-Кади ухо и сказал: «Это, негодяй, тебе за то, чтобы ты впредь не путал себя со мной!» Так он потерял ухо...

— Вот что, Ятим, иди-ка ты ему навстречу. И знай, если что, бегом обратно,— проговорил Саид Хелли-Пенжи, словно бы и не слушал длинного рассказа Ятима.— Э, да вот, кажется, и он сам.

Из кустов действительно вынырнул одноухий с лопатой и глиняным кувшином в руках.

— Где ты так долго пропадал?

— Нате-ка вам, ешьте ягурт. Я уже наелся в погребке. Целый кувшин съел. Холодный и очень вкусный, вроде из молока буйволицы... Кирку я не достал, а рубль твой в целости.— И он подбросил монету.— Коли царем вниз, будет удача, а нет, так не будет...

— Царь плюхнулся лицом в землю,— значит, удача! — воскликнул Ятим.

— Береженный палас атласом станет! Слыхали такое? — проговорил Саид Хелли-Пенжи и спрятал монету.

Когда сгустились сумерки и над саклями куймурцев поднялись дымки от очагов, над которыми жители кипятили молоко, варили картофельный суп, и когда последняя, отбившаяся от стада корова была загнана во двор, Саид Хелли-Пенжи и его спутники, оставив лошадей привязанными в лесу и положив перед ними охапки наспех собранной травы, направились по известковому крутому склону к развалинам древней башни. Ко време-

ни, когда поднялся светлый месяц в сопровождении светлой звезды, они уже были у башни.

— Не об этом ли дереве говорится на полях корана? — оглядевшись, сказал Ятим.

— Другого здесь и нет.

— От дерева три шага — написано там. А что, если этот дьявол нам все не так прочитал?

— Не тревожь душу! — разъярился Саид Хелли-Пенжи.

Коротышка словно прочитал его мысли:

— А все-таки хитрые у него были глаза.

— Пусть только попробует, я сдеру с него шкуру, как с барана в базарный день. Выпотрошу и сушить повешу. А коран в наших руках, вот он. Мы все равно дознаемся до тайны.

— А что, если он послал нас сюда, а сам выбрался на верное место? Мы будем рыть пустое место, а он тем временем завладеет шкатулкой...

— Не мог он мне соврать, зная, кто я такой. Но все же надо спешить! Итак, три шага в сторону Кибла...

— А где находится Кибла?

— В той стороне, куда ты встаешь лицом, когда молишься.

— Но здесь-то я никогда не молился.

— А молился ли ты вообще?

— Ну, скажем, за любимую свою...

— Не гневи аллаха. И будет зубы скалить. Поворачивай. Видел, куда садилось солнце? Вон за ту гору. Выходит, надо стать к ней спиной и сделать семь шагов. Раз, два, три...

— Ну, и где здесь надгробная плита? Я же сказал, что обманул нас этот негодяй!

— Не может быть!.. А это что?

— Обыкновенный камень...

— Нет! Это основание разбитого надгробия. Ну-ка ищите на склоне...

— Есть!..

— То-то же! Бери-ка лопату и рой! Не верится мне, чтоб кто-то не побоялся аллаха и обманул меня.

Ятим с азартом захватывает лопатой землю, сухую, смешанную с известняком. Но вот его сменяет Хурда-

Кади. «Раз земля так легко поддается, может, клад и правда здесь!» — радуется про себя Саид Хелли-Пенжи. А тем временем в ущелье, в русле высохшей речушки, неподалеку от старого дома-башни, откуда доносится тоскливый вой шакалов, спешились два всадника. Они привязали своих лошадей к стволу дерева, вскинули винтовки и, стараясь не шуметь и не привлекать к себе внимания, стали осторожно подниматься к башне. Яма все глубже, а те двое все ближе к цели. Вот они поднялись, притаились за камнем, из-за которого им хорошо видно тех, кто, не подозревая, что за ними наблюдают, отрывают клад. Месяц хорошо освещает это место, и потому ничего не стоит взять на прицел увлеченных кладоискателей. Нужен только удобный момент. Торопиться некуда, пусть извлекут клад, тогда и можно заговорить языком оружия. А пока незачем мешать людям самим рыть себе могилу.

— Ну скоро там? — будто чувствуя неладное, торопит Саид Хелли-Пенжи. Ему и в самом деле кажется, будто в затылок вонзился чей-то острый взгляд. Он обернулся, прошелся мимо того самого камня, за которым прятались недруги. Чует что-то звериный нюх...

— Есть! — воскликнул Хурда-Кади, который уже по шее скрылся в яме. Под лопатой у него заскрипело железо.

— Что есть?

— Совсем маленькая...

— Что маленькая? Шкатулка? Давай сюда!

— Сейчас. А тяжелая, будто чугунная!..

— Драгоценности потому и драгоценны, что они малы, да тяжелы. Давай-ка сюда...

Саид Хелли-Пенжи отбросил коран в сторону и нагнулся, чтобы взять шкатулку... И тут раздались выстрелы, Ятим рухнул на месте, успел только сказать: «А это уж зря, ни к чему мне сейчас умирать...» Раненый Саид Хелли-Пенжи скатился по склону и при этом выронил шкатулку. Ну, а Хурда-Кади, бедняга, даже не вылез из ямы. Схватившись за голову, он осел на дно ямы и кончился, не вымолвив ни единого слова.

— Эти готовы! — сказал Аждар. — А третий, жаль, успел улизнуть. Вот она, шкатулка-то!.. Наша она, ты понимаешь это?

Аждар на радостях так хлопнул Мирзу по спине, что тот чуть не свалился в яму.

— Чему радуешься-то? Отнесем ее сейчас и отдадим все добро этому, чтоб весь род его передох...

— Ты думаешь, что нам обязательно надо так сделать?

— Э, брат Аждар, ты, я вижу, башковитый! На самом деле, зачем он нам нужен, если в руках у нас такое богатство?

— А сколько, ты думаешь, здесь?

— Уверен, что и внукам нашим и правнукам хватит. Но я боюсь, Исмаил разыщет нас, где бы мы ни были.

— С таким-то добром мы скроемся хоть в Стамбуле, хоть в Тавризе...

— Далеко вы собрались, любезные!..

Если бы вдруг грянул страшный раскат грома, наши дружки перепугались бы меньше, чем от этих спокойно сказанных слов. Они обернулись и увидели своего хозяина с маузером в руке.

— Ну что скажете? Я с детства помню поговорку: «Для своего добра свой глаз — лекарство». Вот и решил проверить, что вы тут делать будете... Негодяи, собачьи дети! Так-то вы оправдываете мой хлеб и мою веру... Да я вас, крысы эдакие, могу здесь же на месте прикончить и зарыть в этой яме!..

— Прости нас, почтенный Исмаил.

— Прости, шайтан попутал... — подползли они оба на коленях к хозяину. — Соблазн был велик... кто бы устоял. И пророк ведь, говорят, за свою голову молится. Хорошо, что ты пришел и не дал нам в грех впасть.

— Я к вам как отец, а вы... Благодарите аллаха, что наделил меня великодушием. Так и быть, я не укокошу вас. Зарубите себе на носу: кто поступил с тобой, какмышь, будь ему кошкой; кто был к тебе собакой, будь ему волком, зато, если кто поступил с тобой по-отцовски, будь ему сыном... Слыхали такое? То-то же!

— Спасибо за урок, почтенный Исмаил.

— Давайте сюда шкатулку, и поехали. Молитесь за мое сердце, за то, что оно умеет прощать людские слабости. Но если еще хоть что, пеняйте тогда на себя — хватит меня истинный гнев, злее зверя не найдете! Понятно?..

— Мы все поняли, прости нас.

— И забудьте навсегда ваши Тавризы и Стамбулы. Если понадобится, моя рука дотянется и туда, тем более сейчас всюду войны и границы государств открыты настежь... Этих мест вам и во сне не видать! Понятно, сыны блудной матери...

— Ты нам как отец, почтенный Исмаил.

— Отец не отец, но я вас кормлю, одеваю, обуваю. учу уму-разуму... Этого немало. А известное дело, шашка не должна рубить ножны...

Исмаил не шутил, в гневе он и правда злее зверя. И до чего же хитер и коварен, особенно если станет говорить, намазывая сметану с медом на язык. Вот тогда-то жди от него подвоха. Зная такой его нрав, Аждар и Мирза старались разжалобить хозяина: всю дорогу клялись быть ему еще более верными и преданными, как чабанские псы. И на этот раз Исмаил, как ни странно, простил им,— видимо, велика была радость оттого, что стал обладателем драгоценной шкатулки.

РАДОСТЬ И ОГОРЧЕНИЕ

Мрачный дождливый рассвет пугливо пробивался сквозь пелену тумана. Исмаил вернулся домой в добром настроении, даже жену поприветствовал, дочерей, что спешили с медными лужеными кувшинами по воду к роднику, по головкам погладил, приласкал во дворе собаку и, прижимая шкатулку к груди, вбежал в комнату. Аждар и Мирза остались во дворе. Уселись они на лестнице, и горькими, как полынь, были мысли, роившиеся в их головах. Им, конечно, очень хотелось бы узнать, что же там, в этой шкатулке. Исмаил понимал это и потому позвал их к себе.

— Так уж и быть, идите сюда, не хочу, чтоб вы обо мне дурное подумали, да и открыть ее я один не смогу. Похоже, крышка оловом запаяна...

— И рисунки какие-то на ней...— осмелел Мирза.

Железная крышка шкатулки и в самом деле была украшена рельефными расписными сценами то ли охоты, то ли борьбы людей с дикими зверями.

— Как же мы ее откроем? — заговорил и Аждар.

— Как? Очень просто. Давайте действуйте напильником и ножом, олово податливо; будто вы с лудильщиками не знали...

— Интересно все же, что в шкатулке, почтенный Исмаил? Неужели золото? Вот, можно сказать, повезло, как в чертову дыру пальцем угодили, а?

— О чем это ты?

— Ну, к примеру, о том, что, имея столько золота, можно ведь и в Стамбуле жить.

— Во-первых, я, по-моему, ясно сказал вам, чтоб вы и думать забыли об этих городах, а во-вторых, зачем мне сдался Стамбул, когда я здесь, у себя, могу свой Багдад построить. Чужбина есть чужбина, а здесь моя земля.

— Но здесь же не дадут жить! — развел руками Мирза. — Конечно, я понимаю, очень жаль вам, почтенный Исмаил, терять столько поливной и неполивной пахоты, столько отар, табун таких лошадей, пастбища, да и лечебная грязь приносит вам немалый доход... Но что, если всё это отнимут?..

— Кто отнимет?

— Те, кто хотят и нищих оставить нищими и богатых сделать нищими. По-разному их называют, одни красными, другие большевиками. Поди разберись...

— Вот бы отделиться нам от России, это было бы дело... — угодливо повторил некогда услышанные от хозяина слова Аждар.

— И как жить дальше? Самим править? — спросил Мирза.

— Зачем же самим. Можно присоединиться к единоверной Турции. Вот вам и будет Стамбул!.. — ухмыльнулся Исмаил.

— Много в тебе ума, почтенный Исмаил. На твоём месте я бы объявил себя владыкой Дагестана, и все. Никакого присоединения...

— Нет, Аждар, это не получится, слишком много соперников будет. Куда ты денешь имама из Гоцо, шамхала Тарковского...

Оба прислужника льстили хозяину как могли, готовы были пятки ему лизать, и толстяк весь плавился от удовольствия.

— Ну что там, не подается? — спросил Исмаил, вернувшись к действительности.

— Сейчас, скоро откроется. Умереть мне за тебя, хозяин, если в шкатулке одно только золото, дашь мне хотя бы два кольца? — не сдержался Мирза.

— И мне...— торопливо, чтоб и о нем не забыли, добавил Аждар, утирая платком гноющийся глаз.

— Сколько монет требуется на два зуба? — не отвечая на их просьбы, спросил Исмаил, словно бы и в самом деле хотел сделать им приятное. Чтобы не гневить аллаха, он и правда готов был пойти на жертву.

— Не меньше трех золотников.

— Выходит, целой десятки, что ли? Да чтоб род ваш передох, ограбить меня хотите? По три золотых каждому — это шесть...

— Мы согласны и на две десятки...

— Хватит и двух! — поспешил поддакнуть сообщнику Аждар.

— Совести, я вижу, у вас нет,— заворчал Исмаил.— Недаром ведь говорят: погладь кошку, она и царапаться начнет. Довольствуйтесь тем, что моя совесть соизволит вам выделить...

— И на том спасибо, уважаемый Исмаил. Мы же знаем, что человек ты щедрый... И сколько же ты дашь?

— Одну пятерку на двоих.

— Что?! — оторопел Мирза, но, увидев сердитый взгляд хозяина, осекся.— Да, да, конечно, но только как же мы одну монету поделим на двоих?..

— Не беспокойся, я разделю,— утешил Аждар.

— А я тебе не верю! Пусть в таком случае сам Исмаил делит.

— Ах ты, червь несчастный, что же я тебе такого сделал, чтобы из доверия выйти?

— Не верю, и все! И глаз у тебя один!

— Зато подлую душу твою хорошо насквозь вижу! У, несчастный! Убью! — Аждар двинул Мирзу так, что тот выпустил из рук шкатулку, она грохнулась на землю и... раскрылась.

Все трое кинулись к шкатулке, и глаза у них полезли на лоб. В шкатулке не было ничего, кроме завернутого в какую-то тряпку ключа. Странное дело. Кому, какому идиоту пришло в голову таинственно прятать в землю пустую кованную железом шкатулку? Велико было недоумение Исмаила. Постепенно оно сменилось возмущением: неужели кто-то мог его так жестоко разыграть?

— Хорошо, при тебе все это было, почтенный Исмаил, не то ты всякое мог бы подумать,— пробурчал Аждар.

— Чтоб род их передох, что же все это значит! И что это за ключ? От чего он? — бесновался Исмаил.—И зачем его понадобилось там прятать? Может, не зря? Не есть ли это тот заяц, что не родился под несуществующим кустом? Погодите, а где тряпка, в которую был завернут ключ?

— Вот она.

— Дай-ка ее сюда,— Исмаил стал рассматривать кусок белой бязи, и вдруг его лицо осветилось, будто заиграл на нем солнечный зайчик.— Еще не все потеряно, по-моему, здесь что-то написано.— Исмаил начал читать вслух:— «Да простит тот, чья душа ввергнута в бездну сомнения и возмущения. Такая предосторожность была необходима для большего сохранения тайны... В шкатулке ключ от подземного хода, ведущего туда, где хранится клад. О том, где этот ход, написано на бумаге, вложенной в кожаный переплет корана с медной застежкой. Али-Шейх».

Исмаил с минуту молчал, потом вскричал:

— А где же коран? Дайте его!

— Какой коран? — в один голос спросили нукеры.

— Вы не обыскали их? Убитых?

— Это нам и в голову не пришло.

— Да чтоб род ваш передох, лопухи. Ведь этот ключ ничто без той книги! Что ж, вот и пришло ваше время доказать мне свою преданность: достаньте книгу хоть из-под земли... Вы всех троих отправили на тот свет?

— Кажется, да.

— Кажется или точно? Чтоб ващ род передох!

— Один скатился по склону, мы не знаем.

— А ну, скорее! Чтоб вмиг были там. И не советую вам возвращаться без корана!..

— Пока мы живы — мы твои слуги, почтенный Исмаил. Но лошади наши устали, и, как бы мы ни спешили, раньше завтрашнего полудня туда не добратся, а куймурцы уже сегодня обнаружат убитых. Где нам тогда их искать?

— Куймурцы не такие глупцы, как вы. Они не захоронят коран вместе с трупами. Вот и ищите его у куймурцев. А лошадей возьмите из моей конюшни. Нет бога, кроме аллаха, нет для мсняя книги важнее этого корана!

Нукеры послушно вывели из конюшни откормленных

коней с лоснящимися боками, оседлали их. Жена Исмаила по приказу мужа положила им на дорогу в хурджины горячих кукурузных лепешек, несколько кусков свежего овечьего сыра, сушеной колбасы, которую можно в любом месте изжарить прямо на костре. Сам Исмаил, не спускаясь вниз, с верхнего этажа, пожелал им удачи. Жестокий самодур был верен одному правилу: людей своих, как собак, хорошо корми, чтобы верно служили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СКАЗКА СЛЕПОГО ЛИВИНДА

Аул Куймур издавна славится красотой своих девушек. Певцы всех времен слагали о них песни и пели под аккомпанемент чугура. Почти все наиболее значительные люди Страны гор выбирали себе невест в этом ауле. Не мало девушек умыкнули отсюда и славные джигиты.

Девушки в Куймуре не только пригожи собой. У них доброе сердце. Они нежные, кроткие. Отсюда и родилась поговорка: «Лучший клад на земле — жена родом из Куймура».

Прекраснее других дочерей Куймура была дочь слепого Ливинда. Не случайно даже на полях корана Али-Шейха о ней говорится. И поистине эта несравненная девушка достойна того, чтобы о ней говорили и ею восторгались. В ней столько достоинств, столько доброты и очарования, что их с лихвой хватило бы на всех девушек аула. К тому же дочь слепого Ливинда, как и все девушки Куймура, — не белоручка. Красавиц здесь растят для жизни, а жизнь в горах во все времена была и есть не самая легкая.

Чудесное это создание, что зовется Мууминой, только минувшей весной, как сказал бы певец любви, выпустило свои благоухающие лепестки и ярко выделилось на зеленой траве — ей исполнилось шестнадцать лет. Муумина обладала самым дорогим для молодых девушек украшением — застенчивостью — порождением целомудрия, мягкостью характера и еще конечно же розовой тенью на бархатисто-нежном лице. Когда девочке было всего десять лет, она потеряла мать — молния поразила

несчастную женщину на пути из лесу, куда она ходила за молодыми ореховыми кустиками, которые горянки употребляют как средство борьбы с молью.

С тех самых пор все хлопоты по дому легли на хрупкие детские плечи. Отец Муумины, слепой Ливинд, не просто слепой, а, что называют, вак-сукур — слепой с открытыми глазами. На первый взгляд он не кажется слепым, только по стуку его палки о камни можно понять, что он не видит света белого.

Ливинд прислуживает в мечети. Отец с дочерью живут тем, что перепадает на его долю от урожая с земельных угодий мечети и от приношений правоверных сельчан.

В хозяйстве у Ливинда одна корова, и та, на беду, отелилась этой весной мертвым телком — зима выдалась суровая, да и кормов было мало. Есть еще три барашка и лохматый, рогатый козел. Их-то и пасет сегодня спозаранку Муумина, поднявшись повыше, к Куймурской башне.

Слепой Ливинд, на радость своей любимой дочке, еще в раннем ее детстве сложил чудесную сказку, которую рассказывал долгими зимними вечерами. Вот она, эта сказка.

Жила-была на свете девочка. Днем ей светило солнце, а ночью ласкала луна. Звали ее — Муумина...

В этом месте девочка всегда перебивала отца: «Это обо мне папа, да?» Муумине было всего десять лет, когда ее добрая, любящая мать, гонимая судьбой, пошла в лес и больше не вернулась домой, — безгрешную, ее поразила злая молния. Но у девочки был отец, несчастный, беспомощный слепой человек, вызывающий у людей чувство жалости. Лучше не родиться человеку, которому судьбой предначертано нести на себе бремя людской жалости. Муумина жила со своим отцом в старой, полуразвалившейся сакле, сложенной из камня, и сакля эта стояла на окраине аула, как отбившаяся от стада овца. Хотя глаза у отца Муумины были незрячие, но сердцем он был мягкий, добрый, очень любил людей и в дочери своей души не чаял. Эта маленькая, хрупкая девочка была его единственной надеждой, другом в печали и одиночестве. Не будь у него Муумины, зачем бы жить на свете несчастному Ливинду, — он жил и дышал только для нее...

На этом месте, бывало, девочка всхлипывала.

Ливинд с ранних своих лет служил в мечети, этим они с дочерью и жили. Росла девочка доброй, отзывчивой, очень приветливой. И красива она была не только душой, но и лицом. Была достойна того, чтобы о ней слагали песни. Всех радовала ее красота. И только горемычный отец не видел, как прекрасен цветок, взращенный им. Он просто сердцем знал, что дочь его хороша, что природа щедро одарила ее всеми дарами красы.

Нет, не могло не произойти чуда в этой маленькой бедной, но прекрасной семье. И чудо произошло. В один из дней, когда под теплыми лучами весеннего солнца пробуждалось все на земле, прямо напротив их сакли на перевале Бацла-Шала, что значит Свет Луны, появился белый всадник. Белый не только потому, что добрый конь под ним словно бы возник из морской пены, но и потому, что и одет был всадник во все белое: на голове белая шелковая чалма с горящим рубином во лбу, в белой блестящей черкеске из шемахинской ткани, с золотыми газырями, на ногах сапоги из белого сафьяна. И оружие у всадника из чистого серебра, кованое, кубачинской работы...

Весь аул Куймур выбежал полюбоваться дивом дивным, славным всадником на легкокрылом, белоснежном скакуне. Все куймурцы открывали ворота, с надеждой, что этот сказочный всадник заедет к ним. Только во дворе слепого Ливинда, в сакле которого расцвела девочка Муумина, не скрипнули ворота. Прослышав о белом всаднике, Ливинд сказал: «Откуда нам, бедным и несчастным, такая радость, доченька. Сакля наша вся залатана, как сума нищего, какой гость изберет ее, когда и дыма над крышей нет, и огня в очаге нет, и нет котла на огне, и в котле не варится еда, чтоб угостить кунака...» А белый всадник, словно не видел на своем пути широко открытых ворот, и ехал все дальше и все ближе и ближе к сакле Ливинда. И тут только куймурцы заметили печаль в глазах всадника и грусть в глазах его коня. Люди отстранялись, уступая ему дорогу, жестами приглашали каждый в свой двор: будем, мол, рады, заезжайте... Белый всадник, приложив к груди руку, легким поклоном головы благодарил и проезжал мимо. Все насторожились: кого удостоит этот юноша-джигит, чей дом осчастливит своим посещением? Вот

он проехал вдоль реки, что разделяла аул, и люди уже подумали, что белый всадник, наверно, вовсе не остановится в их ауле, как, к удивлению всех, он остановился у ворот Ливинда и молча постучал инкрустированной слоновой костью рукояти плетки, будто спрашивал: «Примете ли незваного гостя, добрые хозяева?» И Муумине, которая вся была — само ожидание, показалось, будто она услышала его голос.

— Сейчас! Сейчас!— И, радостно спорхнув с лестницы, Муумина подбежала к воротам, настежь отворила их перед необычным гостем и сказала:— Осчастливь нас, добрый всадник, пусть в нашей ветхой сакле тебе будет тепло!..

Въехал белый всадник во двор, слез с коня, подошел к Муумине, отвесил ей поклон и засмотрелся, как зачарованный, на девушку. Губы его дрогнули, он хотел что-то сказать, но не мог... Муумина взяла уздечку, погладила коня по шее, и конь вдруг раскатисто заржал, в глазах его зажглись искры радости, а тени грусти словно и не бывало... Муумина привязала коня к стойлу, положила ему сена, затем подошла к джигиту, взяла его за руку, приглашая в дом. И от ее нежного прикосновения в тот же миг лицо юноши словно осветилось, и он заговорил:

— Полсвета я объехал, Муумина, и наконец нашел тебя. Спасибо, добрая девушка...

— За что же ты благодаришь меня?— удивилась девушка.

— О, Муумина, ты вернула и мне и коню моему дар речи. Видишь, я заговорил?..

— Откуда же ты, добрый незнакомец, знаешь меня, бедную девушку? Не велика ведь слава обо мне на земле?

— Не говори так, Муумина, меня заколдовал дьявол, лишил дара речи и сказал: не заговоришь, пока к тебе не прикоснется девушка по имени Муумина, дочь слепого Ливинда... Долго, ох как долго я добирался до тебя, и вот я осчастливлен...

— Да стану я прохладой в жаркий день для тебя, да стану я костром тебе в мороз, добрый гость, входи в нашу саклю, хотя она, может, и не достойна такого гостя, как ты, уж очень старая...

— Это не беда, Муумина, что она старая...— Юно-

ша взмахнул левой рукой, и ахнули все жители Куймура: на месте старой сакли слепого Ливинда появилась двухэтажная, светлая, с ажурными перилами на балконах, сакля из белого камня, да не с одним, а с двумя дымоходами...

Отец Муумины вышел из комнаты и, по привычке нащупывая палкой путь, хотел сойти по знакомой лестнице, но ее не было на прежнем месте. Он пошел прямо к краю террасы и мог бы сорваться, но Муумина вскрикнула:

— Отец, берегись! Отец!

Услышав этот крик, белый всадник в мгновение ока взмахнул правой рукой, и свершилось чудо: слепой Ливинд остановился у самого края террасы, открыл глаза и увидел перед собой огромный, удивительный мир, увидел он и свою счастливую дочь, а рядом с ней молодого джигита. Сошел отец по мраморной лестнице, благословил молодых. А через три месяца и три дня сыграли они такую свадьбу, что все жители аула собрались, семь барабанщиков и семь зурначей играли и день, и ночь, и еще день. Медведь из лесу прибежал поплясать, соловьи из дубравы прилетели, чтобы песней своей украсить торжество. Столько меду было свадебного, что хватило всем. Всем, кроме бедного отца невесты — слепого Ливинда...

Так кончалась сказка Ливинда. Эту сказку старик рассказывал много раз. И не только дочери своей, но и другим детям, да и не только детям, но и взрослым. Все в ауле знали сказку о белом всаднике.

Эта-то сказка и цвела в душе Муумины, хотя порой, когда тяготы жизни становились особенно невыносимыми, бедной девушке вдруг начинало казаться, что ничего с ней такого быть не может. Откуда здесь взяться сказочному джигиту — все это только мечты. Но разве может юное существо жить без мечты? И сердцу верилось. Печаль сменялась надеждой.

НАХОДКА У СТАРОЙ БАШНИ

Утро выдалось жаркое, и овцы попрятали свои мордочки в тени развалин башни. Муумина собирала цветы. Время осеннее, их уже было мало и не такие красивые, как летом.

Девушка вдруг наткнулась на яму, там, где ее никогда не было. Она подошла совсем близко и увидела у ног своих книгу. Подняла книгу, а это оказался коран, каких много в мечети. Только медная застежка на нем особенная — с красивым узором и очень блестящая. Муумина скользнула взглядом в яму и... онемела. Там сидел человек с открытыми остекленевшими глазами. Девушку охватил такой ужас, что в первый миг она не могла ни вскрикнуть, ни убежать. Но потом вдруг сорвалась с места и тут же споткнулась о другой труп, только это уже ее не остановило. Она бежала вниз по склону и все почему-то повторяла: «Мама, мамочка!..» Забыв об овцах своих и обо всем на свете, девушка бежала к дому. Отец как раз собирался в мечеть, когда с грохотом распахнулась дверь и в саклю ворвалась Муумина.

— Что с тобой, дочка! — протянул к ней руки слепой Ливинд. — Я по дыханию твоему чувствую неладное.

— Отец, там случилось что-то страшное! — не своим от волнения голосом проговорила Муумина.

— Где, дочь моя?

— У старой башни, отец! Там, там...

— Зачем ты туда ходила? Я же запретил тебе забираться далеко! Так что же произошло?

— Там вырыта большая яма, и в ней сидит мертвец, а чуть дальше еще один убитый!.. Так страшно...

— О аллах, что все это значит? А кроме тебя там никого не было, Муумина?

— Нет, не было. Только я с овцами.

— Никогда больше не ходи туда, слышишь?

— А как же овцы?..

— Они вернутся, сами найдут дорогу домой. И никому ни слова не говори об этом. Никому!..

Бедного слепого вдруг осенила мысль: почти все другие служители мечети слынут ясновидцами, а за ним ничего такого не числится. Так не сам ли аллах посылает ему удачу?

Слабости человеческие, есть ли им предел...

— Я нашла там вот этот коран, — девушка протянула отцу книгу. — Он с красивой медной застежкой.

Ливинд ощупал книгу.

— Жаль, доченька, что глаза мои не видят всего здесь написанного... — вздохнул он. — Ну, да ладно! Схо-

жу-ка я все же в мечеть. А ты постарайся забыть обо всем и никуда не выходи из дому. Об овцах не беспокойся. Я, пожалуй, попрошу кого-нибудь из мальчишек, пусть пригонят их.

Ливинд ушел. И уже очень скоро, наспех совершив намаз, он стоял у мечети в толпе куймурцев и, перебирая четки из разноцветных камней, загадочно говорил:

— Почтенные братья по вере, вчера неподалеку от нашего аула случилась беда. Я думал, кто-нибудь расскажет мне об этом, но вы все почему-то молчите...

— Что такое? Что случилось, Ливинд?

— Мне явился ангел. Он попросил, чтобы мы предали земле тех, кто убит вчерашней ночью у старой башни...

— Что ты такое говоришь? Откуда ты взял, будто кто-то убит. Может, удивить нас хочешь?..—зашумели все вокруг.

— Мне и сейчас видятся эти убитые. Вот они! Один сидит в яме, другой лежит чуть поодаль. Сыны правоверных, я говорю вам истинную правду. Мертвые зывают, чтобы мы предали их земле!—с твердой уверенностью в голосе сказал Ливинд.

— А кто они такие?

— Не жители Куймура.

— Неужели все это действительно произошло? Тогда, выходит, ты, Ливинд, провидец?!—проговорил один из почтенных старцев по имени Ника-Шапи.

— Я сказал вам правду!—повторил Ливинд.—Исполните свой долг, правоверные, и похороните несчастных, кто бы они ни были. Будь я зрячим, сам бы сделал это.

— От чего же они погибли?—недоумевали куймурцы.

— Мало ли людей на нашей земле погибали от алчности. Думаю, и с ними случилось такое.

— Странно. Но, может, и так...

В правоте изреченного слепым Ливиндом куймурцы убедились очень скоро.

Пошел разговор о том, что Ливинд достоин преклонения, что он святой. Да, да, святой... А ему только того и надо было, чтобы укрепить свое положение среди служителей мечети.

Убитых в тот же день похоронили на аульском кладбище. На могилах поставили небольшие, без надписей, каменные надгробья. А причисленный к лику святых слепой Ливинд продолжал удивлять куймурцев: он показал им книгу с медной застежкой.

— Это коран,—сказал Ливинд.—Особенный. Дело в том, что его принес мне ангел. Ты, понимающий письмена Ника-Шапи, не прочел бы, к примеру, вот эту страницу?

Слепой развернул коран и пальцем показал, где он просит прочитать. Все перестали грызть тыквенные семечки и обратились в слух. Тот, кого Ливинд назвал Ника-Шапи, взял коран и начал читать:

— «Всемогущий аллах в конце моей жизни осенил меня мыслью, что человек рожден быть свободным, а не для рабства, что он равен среди себе подобных, и тяжок грех того, кто, пользуясь своей силой или богатством, неволит человека; одному дана сила мышц, другому разум... И мы должны всегда приветствовать в человеке разумное».

— Как мудро сказано!..

— А мы-то до сих пор считали, что сила превышает всего...

— Говорят, Али-Шейх из Агач-аула был так мудр, что добрым словом своим заставлял любого разгневанного вложить в ножны кинжал. Да пошире откроются перед ним врата рая!

— Но поговаривали и о том, что в последние годы Али-Шейх продал душу большевикам?—с оглядкой сказал один из собравшихся. Время было такое, что само слово «большевик» произносили с опаской.

— На то у него, видно, были основания.

— Но большевики не признают аллаха.

— Да что ты-то понимаешь в аллахе? Аллах — это вера, без веры человек не может жить...

— Вот об этом я и говорю.

— А у большевиков есть вера. Значит, и у них есть свой аллах!..

— Не может быть!

— Почему же? У евреев, к примеру, свой аллах, у христиан свой, у буддистов свой, а у большевиков, наверно, аллахом называется справедливость для всех, лучшая жизнь для тех, кто трудится.

— Так разве наш аллах не этого хотел?

— Наш аллах все больше богатым дарует блага...

— Да, умная эта книга, святой Ливинд. Тут, должно быть, много интересного?

— Я буду приносить ее с собой в мечеть, и мы в службе сможем пользоваться ею.

— Спасибо тебе, уважаемый Ливинд, да прибавятся твои годы, да сохранит тебя для нас аллах...

И слепой Ливинд попрощался с почтенными куймурцами, ибо он был очень голоден, а куска хлеба ему дать никто не догадался. Хотя он отныне и причислен к лику святых, но, как говорят, голодному все готовы дать совет, а вот протянуть кусок хлеба никому невдомек!

НА МЕДВЕЖЬЕЙ ТРОПЕ

Хасан сын Ибадага из Амузги был так зол на себя, будто это он виновен в смерти Али-Шейха, в убийстве Абу-Супьяна. В расчеты комиссара Али-Баганда входило все, но только не смерть почтенного Али-Шейха. Что делать? Храброму, как говорят, и семидесяти способностей мало. Ищи теперь, Хасан из Амузги, ищи и найдися...

Легко сказать — ищи. Но где искать коран с медной застежкой? А найти его необходимо. В нем сокрыта тайна, а в этой тайне вся надежда комиссара на будущее. Сейчас Али-Баганд в далеком ауле Чишили собирает горцев, обучает их военному делу — впереди жестокие бои, и из этих боев непременно надо выйти победителями или... умереть! «Умереть? Нет! Победить? Да!» — процедил сквозь зубы Хасан из Амузги.

Он еще молод, Хасан сын Ибадага из Амузги. Привлекательное лицо. Волевой подбородок без ямочки чуть выдается вперед. Высокий лоб, как утес, нависает над глубоко посаженными живыми, черными глазами. Чуть скуласт, щеки впалые. Усы подстрижены щеточкой. Из-под белой чалмы выбиваются смоляные кудри. И эта голова, посаженная на твердую жилистую шею с заметно выступающим кадыком, покоится на могучих плечах высокого статного человека.

Хасан из Амузги с ветерком скачет на своем белом коне по медвежьей тропе в ущелье Цалипан навстречу

неизвестности и надежде. Во всем случившемся он винит только себя: взял в попутчики человека, который был обязан ему жизнью, поверил, хотя всегда помнил, что чужая душа — темный лес, и потому обычно бывал начеку. Уж очень хотелось знать, о чем он думал, какая мысль грызет ему душу, и вот что из этого получилось.

В расщелине высоких скал Хасан вдруг увидел родник, а над ним, чуть выше, человека, занятого каким-то странным делом.

На первый взгляд, тот вроде бы молится. Чуть поодаль пасется черный конь с уздечкой на луке седла. Выходит, всадник недавно здесь.

Хасан подстегнул своего скакуна. Человек у родника услышал гулкий, эхом отдающийся по ущелью цокот конских копыт, схватился левой рукой за винтовку и встал. До этого он был занят тем, что пытался перевязать рану на правом плече.

Это был Саид Хелли-Пенжи. Мрачный и злой, как тысячи шайтанов, он без устали слал проклятья в адрес Исмаила и корил себя за то, что обратился к эдакому дьяволу с просьбой прочитать надписи на коране. Но кто мог думать, что этот мерзавец выкинет такое. А ведь, конечно, ясно, что только он мог подослать подлых убийц. «Ну погоди ты у меня, неуклюжий кабан, вместе с языком я вырву все твои потроха. Не так-то легко обвести лисьим хвостом Саида Хелли-Пенжи. Я явлюсь к тебе в самый нежеланный для тебя час и спрошу все, что мне следует...»

При таких-то своих раздумьях и услышал Саид Хелли-Пенжи конский топот. Он насторожился: что, если это опять люди Исмаила преследуют его. Не думал Саид о том, что ждет его куда более худшее — встреча с Хасаном из Амузги.

Поравнявшись с родником, Хасан натянул поводья, и конь его встал на дыбы, заржал, будто приветствуя встречу.

— Ассаламу-алейкум, Саид Хелли-Пенжи.

Все, что угодно, мог ожидать Саид, но не этой встречи. Он побледнел, будто всю кровь вобрало в себя сердце. Брови взметнулись, в глазах сверкнул суеверный страх и великое удивление. Так можно поразить человека неожиданным ударом в затылок рукояткою пистоле-

та или тем, что из-под земли вдруг перед ним встанет мертвец...

— Это я, Хасан из Амузги, приветствую тебя, недостойный сын матери-горянки.

— Ты? Нет, нет!—вскрикнул Саид Хелли-Пенжи.

— Представь, это я!—Конь под Хасаном беспокойно кружился, словно бы гнев хозяина передался и ему.

— Но я же тебя убил?! Там, в Большом ореховом лесу!..

Как говорят, у страха глаза велики. В банде Саида, когда он промышлял в Большом ореховом лесу, был один трус по имени Абдул-Азиз из Катагни. Послали его как-то за кислым молоком в Башлыкент. Воротился он ни с чем. А дело было зимой. И начал он рассказывать задыхаясь, что встретил, мол, на дороге сорок снежных барсов.

— Не перехватил ли ты? Ведь известно, что барсы вообще стадами не ходят,—возразили ему.

— Ну если не сорок, так двадцать.

— И по стольку они не ходят.

— Допустим, их было восемь.

— И по восемь их никто никогда не встречал.

— Не восемь, я хотел сказать—четыре...

— И четыре не могло быть.

— Ну два?

— И двух не было.

— Один был барс.

— Нисколько не могло быть! Потому что всем известно, барсы обитают в горах, а не в этом лесу.

— Но следы-то были?

— Откуда им было взяться, следам, когда барсов в ореховом лесу не бывает?

Тогда Абдул-Азиз, ничего больше не найдя в свое оправдание, воскликнул:

— Но кусты-то ведь шевелились!..

Саид Хелли-Пенжи тоже оказался не лишенным страха и суеверия, он был поражен, как это мог остаться в живых человек, в которого разрядили наган.

— Не веришь, Саид? Говоришь, убил ты меня? Не знаешь, похоже, моей способности воскресать? Ха-ха-ха, ну и вид у тебя сейчас, будто ты надел на себя саван!

— Но я же разрядил в тебя весь наган?!

— Значит, это ты стрелял? Я и правда слышал во сне какие-то выстрелы.

— Ты не человек, ты дьявол! Страшнее дьявола! Сгинь! Я не хочу тебя видеть.

— Ну нет уж. Я очень рад нашей встрече. А ты, я вижу, ранен и кто-то перебил тебе правую руку?..

— Но левая еще цела, Хасан из Амузги! — Саид вмиг вскинул винтовку, хотел выстрелить, но Хасан опередил его — в мгновение ока у него в руках оказался наган и... раздался выстрел. Винтовка вылетела из рук Саида Хелли-Пенжи...

Наган у Хасана из Амузги был особенный, испытанный — образца семнадцатого года. Изготовлен в кузне его отца Ибадага, единственный и неповторимый.

— Все еще не веришь, что предательская пуля меня не берет? Не знаешь разве, что я ношу кольчужную рубаху, кованную моим отцом? Э-эх, Саид Хелли-Пенжи, а ты ведь клялся быть мне братом!

— Безбожник и дьявол не может быть мне братом! — крикнул Саид.

— Ты хочешь сказать, что твой аллах посоветовал тебе предать меня? Тогда почему же он не вложил пули в холостые патроны в твоём нагане?

— Ах вот оно что? Значит, ты зарядил мой наган холостыми патронами?! — карие навывкате глаза Саида загорелись злостью.

— Да, и потому, как видишь, я цел.

— Выходит, ты не доверял мне?..

— С тех самых пор, как я узнал, что ты подслушал мой разговор с комиссаром, Саид Хелли-Пенжи. К сожалению, подлый убийца, ты опередил меня, назвался сыну Али-Шейха моим братом!

— Я никого не убивал!..

— Ты убил ни в чем не повинного, уважаемого старика Абу-Супьяна. Не двигайся с места, если не хочешь, чтобы я продырявил твой паршивый мозг! А моя пуля, ты знаешь, бьет без промаха...

— Как не знать. Рука у меня ранена, это ты...

— Должно быть, всего царапина?

— Позволь мне перевязать ее.

— Перевязывай. Я даже готов помочь тебе, хотя ты трижды достоин смерти. Не из жалости, просто ты мне еще нужен. Не ожидал я так скоро тебя встретить.

Хасан слез с коня, подошел к Саиду Хелли-Пенжи и помог ему перевязать руку.

— Похоже, я отвоевался,— проговорил Саид.— Куда теперь податься? Кроме тетки, никого у меня не осталось...

— У тебя еще есть родные. Вот не думал...

— Она глубокая старуха. Вырастила меня и выходила, когда оспой болел...

— Ну, поговорили, и хватит. А теперь ближе к делу: признавайся, где коран с медной застежкой?

— Будь он трижды проклят, из-за него я теперь калека.

— У негодяев, говорят, как у собак, все быстро заживает. Так где коран?

— Не знаю.

— Я бы не советовал тебе понапрасну отнимать у меня время. К тому же, если ты хочешь, чтоб твоя старуха тетка еще раз тебя увидела, говори все, как было... Итак, ты убил Абу-Супьяна и завладел кораном?..

— Да не убивал я его, говорю же. Это один из двух моих спутников всадил в него кинжал. Ты же знаешь, что я с кинжалом дела не имею.

— Где коран?

— В ту самую минуту, когда мы у Куймурской башни извлекли из-под земли шкатулку, в нас кто-то стрелял. Спутники мои полегли там, а я — видно, так угодно аллаху — пока остался в живых. В момент, когда я бежал от преследователей, шкатулка выпала у меня из рук.

— Что в ней было?

— Я даже не успел открыть ее.

— А коран где?

— Остался там, у ямы.

— Кто мог в вас стрелять?

— Люди этого негодяя, Исмаила. Заплатит он мне, кровожадный клоп! Я доверился ему, попросил, чтобы прочитал надписи на полях корана, а он, проклятый... Ты можешь мне не верить, но это истинная правда. И если бы я сейчас просил тебя оставить мне жизнь, то лишь для того, чтобы разделаться с Исмаилом!

— Зачем мне-то на тебя пулю тратить? Сыновья Абу-Супьяна свершат над тобою свой суд.

— Возьми меня с собой, Хасан из Амузги, я пригожусь тебе!

— Нет уж! Дороги наши разошлись навсегда!

— Не веришь больше?

— А как ты думаешь?

— Я понимаю...

— При первом удобном случае снова предашь меня. Ты ведь не можешь иначе. Природа вложила в тебя дьявольскую душу.

— Я этого не сделаю. Но тебя, конечно, теперь не убедишь.

— Благодарю и на этом. Молись за свою старую тетку и поезжай к ней,— может, она тебе скажет, как дальше жить. Прощай.

— А ты мне нравишься, Хасан из Амузги.

— Смотри не влюбись.

— Я говорю правду. И ловок же! Как тебе пришло в голову, что я могу оказаться в этом ущелье?

— Вот это как раз случайность, а может, я просто удачливее тебя и мне везет.

— Это верно, мне удачи никогда не сопутствовали,— пробормотал Саид, радуясь в душе, что вот, кажется, и на сей раз пронесло.

Его заботила только своя судьба.

Оба сели на лошадей: Саид Хелли-Пенжи повернул в сторону гор, а Хасан из Амузги направился на юг, к холмистым предгорьям легендарного Куймура.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Мало было надежд у Хасана сына Ибадага из Амузги на то, что он найдет коран с медной застежкой под старой Куймурской башней, где разыгралась описанная Саидом Хелли-Пенжи трагедия, но он поехал туда. Очень уж нужно разыскать эту книгу, с которой связано выполнение важного, благородного задания. Хасана заинтриговало и то, что в земле у развалин башни нашли какую-то шкатулку. Что в ней? Не та ли тайна, из-за которой он так неудачно приехал сюда? Как жаль, что Али-Шейха уже нет в живых. Сам старик, конечно, никому бы не передал этой книги. Он бы непременно дождался Хасана, которого кто-кто, а Али-Шейх прекрасно знал в лицо. Они встречались и в Порт-Петров-

ске, на чрезвычайном заседании ревкома, созванном Уллубием Буйнакским.

Уллубий, соплеменник Али-Шейха, очень высоко ценил мудрого старца, его авторитет и уважение, каким тот пользовался среди большей части жителей гор и степей. Время было такое, что важно было вовлечь в свое дело всех авторитетных людей. Делать это следовало умело: не ущемляя личных интересов, упирая на чувство патриотизма, привести их к служению революции...

Хасан поднялся на пригорок, поближе к башне. В земле перед ним зияла яма. Камни вокруг обагрены кровью. Корана на месте событий не было... Надо думать, здесь уже побывали многие жители Куймура — по обычаю, поторопились похоронить убитых, — и если они что-то обнаружили, то конечно же забрали и унесли с собой. А может, люди Исмаила, которые стреляли в Саида Хелли-Пенжи, тогда же ночью завладели кораном? Это вероятнее всего.

Хасан из Амузги решил немедленно повернуть коня в стан Исмаила. Если хитростью не удастся его победить, придется вступить в борьбу. Хасан понимал, какой в этом риск, но важность порученного дела не исключала и крайних мер.

Куймурцы давно совершили полдневные молитвы, отобедали и занялись привычными делами. Кто собирал в лесу орехи и дикие фрукты, кто молот зерно на току, а кто копал картошку...

Хасан из Амузги подъехал на своем белом коне к небольшой речке, что течет среди валунов. С противоположного склона к реке спускался лес, заросли орешника, колючки и боярышника... Аул отсюда не виден. Он скрыт горой.

В небе парил одинокий сокол, высматривая на земле очередную добычу. Вдруг он камнем понесся вниз. И в этот миг чуткое ухо Хасана уловило женский крик: мольбу о помощи. Зоркие, орлиные глаза джигита быстро обшарили местность, и он увидел девушку, бегущую по бездорожью, по замшелым камням. Двое на лошадях гнались за ней. Вот они быстро спешились, отпустили коней и бросились за девушкой. Она перешла реку и бежала в сторону, куда спускался Хасан из Амузги. Его в зарослях не было видно. Бедная девуш-

ка кричала: «Люди, помогите, люди, где же вы? Ой, помогите!»

Хасан спрыгнул с коня и, ловко перескакивая с камня на камень, пошел навстречу девушке. Она увидела его, еще больше испугалась и повернула в сторону, — видно, решила, что и он из преследователей. Но Хасан перерезал ей дорогу, схватил за руку и потянул за собой в укрытие...

— Отпустите меня, что вы хотите? — рыдала девушка. Лицо ее было искажено страхом

— Успокойся, девушка, я не трону тебя! Наоборот, я хочу помочь тебе спастись от негодяев, — сказал Хасан из Амузги, замороженный робким очарованием девушки.

— Ты разве не с ними? — в глазах ее горели огоньки ненависти.

— Нет. А кто они?

— Не знаю... — сказала девушка. — Я пасла овец, а они вдруг появились и погнались за мной.

— Твое счастье, что я оказался рядом. Прячься за камни, они не допустят, чтобы добыча так легко от них ускользнула. — И, словно в подтверждение этих слов, раздался выстрел. — Вот видишь, из-за тебя сейчас чуть не продырявили мою драгоценную голову... — Хасан улыбнулся и поправил на голове белую папаху с красной перевязью.

— Ты не боишься их? — с удивлением спросила девушка.

— Боюсь... Боюсь, потому что мне нельзя умирать, у меня еще много дел на земле. Метко стреляют, ослом рожденные! А ты удивительно хороша! Знаешь, конечно, об этом? Удивляюсь, как это тебя до сих пор никто не умыкнул!.. У тебя необыкновенные глаза!

— Ну что вы? — смутилась девушка.

— И зубы — ровный ряд жемчугов... Где такие нашла?

— Да разве зубы находят? — с наивной непосредственностью удивилась она.

— И голос твой, да все в тебе — одна ласка и нежность.

Муумина, дочь слепого Ливинда, а это была она, опустила большие ясные глаза, такие горцы называют сунгай-улбе — ягоды терна, и, не зная куда себя девать от

смущения, поправила на голове легкий белый платок — гилменды, из-под которого выбивались не заплетенные в косы вьющиеся волосы. В коротком, до колен, ситцевом платье, с виднеющимися из-под него зелеными бархатными шароварами, босая, она была трогательно хороша.

— Как тебя зовут?—спросил Хасан.

— Муумина!

— Как ты думаешь, Муумина, что это за люди? Оставят они нас в покое или нет?

Хасан настороженно посмотрел туда, где скрылись преследователи девушки. «Может, отстанут»,—думал он. Уж очень некстати для Хасана была бы перепалка со случайными людьми.

— Не знаю, кто они, но знаю, что это самые плохие и злые люди.

— Почему же? Может, и не такие плохие, просто ты им понравилась.

— Что ты говоришь! Они, как бешеные собаки, погнались за мной...

— Но это еще не говорит о том, что они достойны презрения. Увидев такую девушку, да одну в безлюдном месте, какой джигит не потеряет головы... Я бы и то...

— Выходит, и ты плохой... Если так, то я и от тебя убегу...

— Не надо, Муумина, я пошутил. Лучше спрячься. Они, по-моему, не собираются уходить... Вон даже подкрадываются... Будь осторожна.

— А почему ты не стреляешь?

— Я же не знаю, кто они и что за люди. Не хочется зря убивать.

— Тогда они убьют тебя и меня!

— Ну нет, тебя-то я им убить не дам!

Хасан из Амузги заметил, как из-за камня слева сначала показалось дуло винтовки, затем рука и голова... Этого мгновенья было достаточно для Хасана: он выстрелил из винтовки, что носил всегда на плече вниз стволом, и человек за камнем исчез.

— Ой, как страшно!.. Ты убил его?

— Думаю, нет. Я хотел выбить оружие из его рук. Скажешь, убей их — я убью. Можешь мне такое сказать? Ты слышишь меня, Муумина? Где ты?

— Я здесь.

— Не отходи далеко. Сдается мне, что их увлекла не твоя красота... Такие не пощадят...

— Тогда убей их!

— Они куймурцы?

— Нет, это чужие.

— Вот что, Муумина, подойди-ка поближе ко мне. Да не бойся, я не кусаюсь. Дело осложняется.

— Ну, подошла...

— Да ближе! Вот так. Ты стрелять умеешь?

— Разве девушки стреляют?— удивилась она.

— Что ж тут мудреного...— Он протянул ей наган и показал, как с ним следует обращаться.

— Зачем это мне?..— Великое любопытство охватило девушку.

В душе Муумина удивлялась себе: как это она может довериться чужому человеку... Всегда настороженная и робкая, вдруг так разговорилась с незнакомцем, словно знает его всю жизнь...

— Боюсь, что сегодня тебе моя наука пригодится,— сказал Хасан.

— А куда я должна стрелять?

— На сей раз все равно. Иди на свое место и от туда стреляй, только смотри в меня не попади...

— Зачем все это?

— Пусть они думают, что я не один, что ко мне подоспела подмога. Ну, стреляй!

— Ой, не могу...— Муумина закрыла глаза и, отвернувшись, нажала на курок. Грянул выстрел, за ним следом выстрелил и Хасан из Амузги.

Ему не хочется брать грех на душу — убивать этих людей. Он не знает, кто они и какие цели преследуют, но не защитить девушку Хасан не может...

— И ни чуточки не страшно,— проговорила тем временем Муумина.

— Только глаза не закрывай. Когда стреляешь, надо смотреть, куда целишься...

— А я в небо целилась... Ты мое имя знаешь, а своего мне не сказал...

— Скажу, скажу... Погоди. Мы, кажется, не испугали их. Они подбираются поближе. Ты смотри, не уходи никуда с этого места. Я сейчас поговорю с ними на другом языке.

Хасан из Амузги рывком бросился за ствол орехового дерева. Раздалось сразу два выстрела. Хасан выбежал из укрытия. Еще два выстрела, и он скатился с невысокого обрыва. Муумина вскрикнула от страха за него. Она, боясь шевельнуться, следила, что же будет дальше. Те двое подошли к лежащему ничком ее спасителю, и в этот самый миг произошло невероятное: он вдруг вскочил, ударом кулака отбросил одного, а другого подмял под себя, вырвал оружие и крикнул:

— Если сдвинетесь с места, пристрелю как куропаток, опьяненные ослиным молоком! Коли хотите, чтобы ваши матери не плакали, убирайтесь отсюда... Я не стану стрелять вам в спины...

— Ты ее брат?—с дрожью в голосе спросил один из них. Это был Аждар.

— Эх вы! Храбрецы! Нашли беззащитную девушку и обрадовались, негодяи! Кто вы и зачем здесь? Не пожалеть бы мне, что отпущу вас!..

— С твоей стороны это будет очень благородно. Мы уйдем... А кто мы? Просто приехали вчера сюда на базар... Собрались обратно уехать, да вот шайтан попутал...

— Ну, я вижу, правды от вас не жди. Так и быть, на сей раз прощаю. Идите своей дорогой и забирайте оружие...

Они не заставили повторять предложение и скрылись с глаз. Испуганная Муумина только после этого вышла из укрытия и подбежала к Хасану.

— Ой, как я испугалась!—воскликнула она.

— Чего же?

— Я подумала, они тебя убили.

— А ты не хотела бы, чтоб меня убили?

— Конечно! Ты не такой, как они, ты хороший. Я молилась за тебя, хотя ты даже имени своего мне не называл...

— Меня зовут Хасан сын Ибадага из Амузги.

— Знаешь, Хасан, мне кажется, это они убили тех, что у башни...—высказала догадку Муумина и запнулась.

— Кого? Я тебя спрашиваю, Муумина! Ты сама их тогда видела?

— Нет, но в ауле все говорили,—поправились она,

вспомнив, что ведь отец не велел ей ничего рассказывать людям.

— Их похоронили?

— Да! Ой, как же я заговорила и совсем позабыла об овцах! Где их теперь найти...

— А много у тебя овец, пастушка?

— Три барашка и один козел.

— Не богато, но мы их разыщем. А я позабыл о своем друге.

— Разве с тобой еще кто-нибудь был?

— Да, мой верный конь!—И Хасан, заложив пальцы в рот, протяжно свистнул, на что его лошадь тотчас ответила ржанием и примчалась к хозяину.

Добрый у Хасана из Амузги конь, и красавец. Хасан нашел его беспомощным жеребенком, отбившимся от табуна в Волчьем ущелье, и спас от волков, которые готовы были растерзать его,—одного волка кинжалом заколол, а другого руками задушил. Жеребенок был похож на белое облако. Хасан выходил его, и вот каким он теперь стал красавцем. Многие смотрели на коня с завистью, хвалили. Даже слепой, говорят, как-то воскликнул: «Вы посмотрите на его ноги, какие они стройные. А взгляните в глаза! Как они горят!..»—«Да, но ты же слепой,—ответили ему,—откуда все знаешь?»—«Разве надо видеть, чтобы знать, что у хорошего коня, как и у прекрасной девушки, глаза должны быть как звезды, а ноги стройными?»

Не однажды пытались угнать этого коня, но то он сам спасался от конокрадов, то Хасан из Амузги спасал его.

Одному отъявленному конокраду из аула Кадар как-то раз удалось увести коня. Хасан услышал топот копыт за воротами и понял, что произошла беда. Он в ярости вскочил: что делать? Попросил у соседа лошадь и помчался за конокрадом. И, конечно, он думать не думал, что сможет на соседской кляче догнать своего лихого скакуна. Не радость, скорее обида обожгла сердце Хасана, когда он почти поравнялся с вором.

— Ты что же это, олух, делаешь?! Позоришь моего коня!—с досадой вскричал Хасан.—Почеши его между ушами да похлопай ласково по шее, не видишь разве, на какой кляче я тебя догоняю!

Конокрад послушался совета хозяина, и конь под ним ускакал, как ветер в поле, а Хасан из Амузги гордо смотрел вслед. Но недолгой была радость конокрада. Конь услышал зов хозяина, остановился, поднялся на дыбы, сбросил седока и вернулся. Подъехал Хасан из Амузги к вору и сказал:

— Помни на будущее — орел мух не ловит.

— Ой, белый конь! Какой он красивый! — залюбовалась Муумина.

— Очень заметный, но ничего. Он меня не раз выручал, верный друг. Пошли теперь поищем твоих рогатых, и я провожу тебя домой. Кто твои родители?

— Мать давно умерла, а отец у меня слепой. Возможно, ты слышал о нем. Слепым Ливиндом его называют.

— К сожалению, не слышал.

— Да, конечно. У бедного слава до порога.

— Больше никого у тебя нет?

— Нет.

Они надолго умолкли. Муумина все искала глазами овец.

А овцы спрятались в тени деревьев у опушки леса. Три барашка курдючной породы, козел со сверлообразными, скрещенными на макушке рогами и пятнистый, кудрявый ягненок. Козел очень гордый, все норовит не подчиниться Муумине, будто хочет сказать: вот не было б тебя, я этих твоих овец отвел бы прямо в пасть волку.

Девушка погнала свою маленькую отару перед собой. Хасан из Амузги вспомнил некогда сказанные матерью слова: «Доброму и ветер приносит любовь».

— Правда, страшный козел? — спросила Муумина. И, не дожидаясь ответа, показала: — Вон наш дом! Видишь, тот с покосившейся крышей?

— Не хочешь, чтобы я проводил тебя? — Идти и говорить с девушкой доставляло Хасану большую радость.

— Ты на белом коне, поэтому лучше не надо...

— Чем тебя отпугивает белый конь?

— Сказка такая есть... Меня из-за нее с самого дет-

ства дразнят: будто джигит ко мне приедет, на белом коне...

— Ах вон что! Ты не хочешь, чтобы этим сказочным джигитом оказался именно я?—заглядывая ей в глаза, с улыбкой спросил Хасан из Амузги.

— Я этого не сказала...—зарделась Муумина.

— Так и быть, не стану тебя смущать. Сейчас я уеду, но, если с тобой случится беда, кликни: Хасан из Амузги! Договорились?

— И ты окажешься рядом?

— Тотчас же! — Хасан сказал это очень твердо и с нежностью посмотрел на нее. — Мне так хотелось бы подарить тебе что-нибудь на память, да жаль, нет со мной ничего... Вот, может, этот нож? — и он отвязал от ремня нож, вложенный в расписные кожаные ножны.

— Спасибо! Но... зачем он мне?

— Это не совсем простой нож, Муумина. Вот, смотри,—Хасан вскинул руку и метнул нож. Тот вонзился в ствол дерева, совсем рядом с девушкой.

— Ой, как ловко!—воскликнула Муумина, взяла нож и сама бросила, но неудачно...—У меня не получается,—с досадой проговорила она.

— А ты тренируйся, и обязательно получится. Это тебе не мешает в нашей суровой жизни.

— Я буду стараться!

— Ну, счастливо оставаться.

— В добрый час!—Муумина помолчала и тихо добавила:—Хасан из Амузги, я жду тебя.

Обдав лаской уже оказавшегося в седле всадника, она повернулась и пошла к аулу.

Хасан из Амузги глянул ей вслед и подстегнул коня, и тот рванул, будто и ему передалось счастье се-дока.

А за спиной всадника раздались голоса выскочивших из подворотен аульских ребятишек:

— Белый всадник! Белый всадник, Муумина, ты видишь?..

Но девушка ничего не слышала. Улыбаясь чему-то своему, она бежала домой. Вот и сбылось: объявился всадник мечты, белый всадник из сказки.

РАДОСТЬ ВЪЕТ ГНЕЗДО

Весть о белом всаднике долетела до сакли слепого Ливинда раньше, чем успела вернуться его дочь Муумина.

Ливинд был дома, у него сидели трое почетных стариков, среди которых был и Ника-Шапи, тот самый, что умел читать коран. Ливинд уже однажды воздал ему хвалу у мечети. Старики пришли с надеждой узнать еще что-нибудь мудрое из корана.

Для горца все книги, написанные по-арабски, едины, все они кораны, а значит, святые. Так уж заведено считать, что коран писался святыми. Потому-то горец извечно относился к корану с особым почтением и трепетом. И брал он его в руки, славя аллаха, милостивого и милосердного...

Ника-Шапи взял коран, развернул его наугад и, приблизив к глазам, стал читать: «Жизнь — что мельница, вертится, как жернов, и дробится, как зерно».

И не успели слушатели уразуметь смысл услышанного, как до слуха слепого Ливинда долетели слова: «Белый всадник приехал к Муумине! Белый всадник!»

— Слышите? — встрепенулся Ливинд. — Про белого всадника говорят!

— Опять, наверное, поддразнивают Муумину.

— А вдруг правда, сбылась моя мечта! — слепой Ливинд поднялся и повел за собой гостей на балкон. — Вы же видите его?

— Кого?

— Как кого? Белого всадника!

— Успокойся, почтенный Ливинд. Никого нет. Только дети приплясывают и что-то кричат.

— А где Муумина?

— Вот она, только что вошла во двор и пригнала овец.

— Муумина! — крикнул Ливинд.

— Я здесь, отец!

— Иди сюда, дочь моя, иди скорее.

Муумина как на крыльях взлетела по лестнице, поклонилась почтенным людям и, в счастливом своем возбуждении, прильнула к отцу.

— Это правда, дочь моя? Правда? — обнимая ее, спросил слепой Ливинд.

— О чем ты, отец?

— Слыхала, белый всадник к тебе приехал?

— Да, отец!..

— Вот видите!.. Я же говорил, я же всегда говорил, что он явится!..

— Неужели сбылось?! Вот ведь чудо какое! — в один голос заудивлялись гости.

— Я же говорил, он обязательно должен был явиться к моей Муумине. Но где же он? Подведите меня к нему. Где он, доченька?

— Он уехал, отец. У него очень важные дела.

— Не захотел увидеть твоего слепого отца! — огорчился Ливинд. Ведь в придуманной им сказке белый всадник одним взмахом руки делает зрячим слепого...

— Нет, нет! Это я не велела ему провожать меня до дому!

— Почему же, дочь моя? Постыдилась нашей бедности?

— Просто мне не хотелось, чтобы аульчане его видели. И без того меня все дразнят.

— Наоборот, ты должна была привести его к нам. Пусть бы люди видели. Ты же счастлива?

— Да, отец.

— Каков он из себя, дочь моя. Что ты молчишь? Хотя ладно, молчи. Я и без слов понимаю, что он, должно быть, настоящий джигит.

— Уезжая, он просил, если со мной что-нибудь случится, позвать его. Сказал, тотчас прискачет.

— Так и сказал?

— Да, отец! — Лицо Муумины светилось счастьем.

— Великое тебе спасибо, всемилостивейший аллах, ты внял моим мольбам. Слышите, люди, я счастлив радостью моей дочери! Она ведь достойна...

— Да благословит их аллах! — сказал за всех Ника-Шапи. — У нас нет слов для выражения радости и удивления. Мы покинем тебя, почтенный Ливинд, время молиться. Да смиростивится и над нами всемогущий аллах!

— Молитесь, правоверные, молитесь. Аллах милостив, он даст всем нам избавление от нищеты и невежества. Над моей саклей засияло солнце, пусть это тепло согреет и всех вас.

— Благодарим тебя! Благодарим!..

Старики удалились, радуясь и завидуя слепому Ливинду. В пути они поговорили между собой, высказали удивление, почему это вдруг аллах из всех сельчан избрал именно Ливинда. Может, и правда в образе Ливинда аулу явился посланник самого аллаха на земле. Так или иначе, по мнению старцев, Ливинд достоин такого счастья, он предан вере, любит людей, прожил трудную жизнь, полную лишений. А сколько несчастий было в его роду!.. Слава аллаху, хоть теперь дождался... Однако в коране говорится, что счастье ждет правоверного на том свете. А тот, кто испытал счастье и радость, довольство и изобилие на этом свете, после смерти не найдет себе покоя. Как все это понять? Тут явно что-то не так, но разобраться трудно, а потому старцы решили, что им лучше не углубляться в эти вопросы, чтобы, чего доброго, не возмутить аллаха своими сомнениями, тем более что ведь он соизволил обратить свое око на их заброшенный аул с семью минаретами, вонзившимися в небо как руки просящего подаяние...

Муумина тем временем рассказала отцу все, что с ней произошло: как джигит, которого звали Хасан из Амузги, спас ее от плохих людей и какой он хороший, добрый, красивый. Рассказала и о том, что улыбка у него такая, будто луна в ясном небе светится. А слепой Ливинд слушал ее и думал, что, выходит, не все из предсказанного им сбылось и этот белый всадник вовсе не принц! Только одно смущало Ливинда, как это белый всадник тотчас окажется там, куда его позовет Муумина? Тогда, может, он не обыкновенный человек, а сказочный. Но как бы там ни было, слепой Ливинд радовался, потому что радостью звенела его любимая дочь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БРАТЬЯ ПО ВЕРЕ

Под натиском хорошо вооруженной и многочисленной банды имама из Гоцо и поддерживаемых англичанами воинских частей полковника Бичерахова советская власть пала. И не только в городах Дербенте, Петровске и Темир-Хан-Шуре, но и в других населенных пунк-

тах, в больших аулах. Краскомы на пароходах отступали в Астрахань, а те, кто остались на местах, ушли в подполье. Некоторых расстреливали на дорогах без суда и следствия. Наступило время хаоса и неразберихи. В лесах множились отряды грабителей и насильников. Трудно было пройти-проехать где бы то ни было. Разного рода дозорные, часовые, а чаще попросту бандиты могли выйти навстречу из-за любой скалы или куста... Бичераховцы грабили и жгли аулы, вешали людей.

Горцы разводили руками: не конец ли света настал? Они еще усерднее молились, а кладбище тем временем росло. Болезни и голод уносили многих людей. Каждый новый правитель объявлял мобилизацию и насильно вербовал в аулах горцев... Жизнь сделалась невыносимой, и в этих неимоверно тяжелых условиях в душах людей стали давать всходы зерна добра и свободы, что заронили в них большевики. А последним в эту пору было и трудно и легко. Трудно потому, что враги поклялись каленым железом выжечь в горах большевизм, а легко потому, что горцы за каких-нибудь несколько месяцев советской власти поняли, глубоко почувствовали, что это единственно справедливая власть. И комиссары готовили жителей гор к борьбе, собирали отряды и полки, вооружали их, обучали ведению боя.

Нежданно-негаданно в это время на Дагестан нагрянула еще одна беда. Сюда, через хребет от Закаталы, двинулись экспедиционные войска турецких эмиссаров, с так называемым божьим словом к горцам, с лженамерением избавить их от ига иноверцев...

Саид Хелли-Пенжи на пути к своей старой тетке доехал до аула Киша. Был базарный день.

Восточный базар тех дней выглядел не совсем обычно. Торговля шла только в обмен или на золото. Ко всякого рода бумажным «деникинкам», «врангелевкам» и банкнотам так называемого Горского правительства доверия в народе не было...

Раны Саида оказались легче, чем ему поначалу представлялось. Одна уже совсем зарубцевалась...

Въехав на базар, Саид Хелли-Пенжи спешился. Едва он успел привязать коня и решил купить тетке го-

стинец, как в тот же миг все вокруг всполошились — турки устроили облаву. Оказывается, минувшей ночью они недосчитались своего каймакама — офицера, исполняющего обязанности начальника района. Его нашли с перерезанным горлом в доме одной горянки, муж которой был комиссаром. Женщины в сакле не оказалось, и поиски ни к чему не привели. Турецкий офицер Ибрахим-бей объявил аульчанам, что, если, мол, не выдадут убийцу, он сожжет дотла весь аул и весь запас хлеба и расстреляет десять человек из жителей.

— Мы пришли сюда, — сказал он, — чтобы помочь своим единоверцам в борьбе с гяурами, а вы платите нам черной неблагодарностью, убиваете из-за угла наших людей. Или выдайте убийцу, или через десять минут мы приведем в исполнение свою угрозу!..

Ибрахим-бей достал серебряные карманные часы с длинной цепочкой и стал ждать. Люди молча переглядывались: что же будет?.. И вдруг на крыше близлежащей сакли появилась женщина в черном платье и белой накидке. Окружающих не столько удивило само ее появление, как то, что в обеих руках горянка держала револьверы. Увидев ее, Ибрахим-бей покачнулся и упал с камня, на котором стоял. Люди ахнули, подумали, он убит. Но турок поднялся, отряхнулся. Лицо его от стыда за свою поруганную честь, — свалился, как последний трус, от страха, — все пылало огнем.

— Эй ты, суконная феска, — крикнула женщина, — это я зарезала вчера ночью вашего офицера. Он молил меня о ласке, и я «обняла» его... Может, и тебе хочется изведать ласку жены комиссара? Я жду тебя!..

— Чего вы онемели, стреляйте! — приказал турок своим ошеломленным аскерам и сам, спрятавшись за камни, выхватил пистолет из кобуры.

Раздались выстрелы. Горянка быстро метнулась за дымоход и тоже стала стрелять. Толпа на базаре шарахнулась. Саид бросился ловить сорвавшегося от испуга с привязи своего черного скакуна. Но тут вдруг к ногам его снопом свалился турецкий аскер, сраженный пулей горянки. Еще трое были ранены. Конь устремился под навес той самой сакли, с которой на зависть всем метко отстреливалась мужественная горянка. Саид Хелли-Пенжи был восхищен смелостью женщины и даже подумал:

смог ли бы он вот так же повести себя? И не ответил на свой вопрос.

— Убирайтесь-ка вы лучше к своему султану «аллахичун-ватаничун», — поддразнивала аскеров отважная горянка, а турки тем временем все ближе подбирались к ней. Раздалось еще несколько выстрелов, и горянка на них уже не отвечала. «Наверное, они убили ее?» — подумал Саид Хелли-Пенжи, бежавший к своему ошалевшему коню. Но не успел еще он поймать коня за уздечку, как из подворотни выскочила горянка, схватила коня, легко вскочила в седло и быстрее ветра умчалась из аула.

— Эй ты, это мой конь! Остановись! — кричал ей вслед Саид Хелли-Пенжи, но было поздно. — Проклятье!

Он выхватил наган и стал стрелять в ту сторону, куда унесся конь с горянкой, но тщетно. Саид взревел от злости. Куда девалось восхищение смелостью женщины. Он подлетел к Ибрахим-бею и крикнул:

— Дайте мне коня, я догоню ее!

— Убейся вон! Пока цел!

— Дайте коня, прошу вас, она угнала моего, и я доставлю ее к вам.

— Уже не догонишь, — с досадой махнул рукой Ибрахим-бей и, подозвав адъютанта, приказал сжечь все хлеба на току и на полях.

Сделав свое черное дело, похоронив убитых аскеров, чуть поредевшая в стычках сотня Ибрахим-бея двинулась к Усиша.

— Ты пойдешь с нами! — сказал турок Саиду Хелли-Пенжи.

— Сейчас не могу. — Саид изъяснялся с ним на смешанном языке — несколько слов из кумыкского, несколько из азербайджанского языка, но турок хорошо его понимал. — Мне надо навестить свою больную тетку, господин офицер. Прошу вас, уважаемый...

— Пойдешь с нами, говорю я тебе! — тоном, не терпящим возражений, повторил Ибрахим-бей.

— Зачем я вам нужен?

— Будешь нашим проводником и переводчиком. К тетке мы тебя отправим, когда завершим свою миссию. А пока скажи, кто ты?

— Я правоверный мусульманин...

— Мусульмане, как видишь, теперь разные.

— Да, твоя правда,— кивнул Саид, идя рядом с конем Ибрахим-бея.— Я готов служить вашему знамени, но...

— Никаких «но»! И поклянись на коране служить нам верой и правдой, не то...

— Но господин паша...

— Я все сказал.

— Тогда дайте мне коня, как же я могу служить вам, вы верхом, а я пеший. Я ведь отчасти благодаря вам потерял своего коня. Конный пешему не друг...

— И мой конь что-то захромал. Проклятый кузнец в Киша, видно, загнал гвоздь в мясо!..— в сердцах проговорил Ибрахим-бей.— Люди здесь позабыли аллаха... И тебе я тоже не поверю, пока не поклянешься!..

И Саид Хелли-Пенжи поклялся на коране, услужливо поданном ему адъютантом юзбаши¹. После этого ему дали коня, надели и феску.

— Чем ты до сих пор занимался? — спросил Ибрахим-бей.

— Добро искал.

— Где?

— В Большом ореховом лесу.

— Выходит, лесной брат? Ну и что ж, нашел добро?

— Ничего я не нашел, кроме этих ран! — Саид показал свои руки.— Авось с вами найду. Не здесь, так, может, в Турции.

Забыл, видно, горец завет предков: умри, но родной земли не покидай!

— Мы прибыли сюда по воле аллаха, хотели помочь вам...

— Да воссияет на земле и на небе слава аллаха! — согнувшись в учтивом поклоне, проговорил Саид, а про себя подумал: «Хорошо бы войти к ним в доверие,— и может, правда заберут меня с собой...»

— За годы владычества в Дагестане русские, с тех пор как пал могущественный трон третьего имама, вышибли из горцев всякое благоразумие. Но аллах велик, и с его помощью мы вернем вас под небо единоверия! Ты согласен со мной?

¹ Ю з б а ш и — сотник (тюрк.).

— Я молюсь за это! — ответил Саид Хелли-Пенжи.

— Хорошо ли ты знаешь здешние дороги?

— Любое четвероногое животное могло бы мне позавидовать!..

— Тем лучше. В таком случае ты прямиком поведешь нас к нашему кунаку, который ждет нас у предгорья...

— Хоть к самому дьяволу, моя тропа слилась с твоей, дорогой Ибрахим-бей, и я обнаруживаю в себе, что рад этому.

— А ты языкастый! Не знаю только, к добру это или нет?..

— Языкаст, да неудачник.

— С нами познаешь удачу.

«Поживем, увидим», — подумал про себя Саид Хелли-Пенжи.

— А знаешь ли ты нашего кунака, хозяина талгинских владений?

— Кто на плоскости не знает этого дьявола в облике человека. Кому неведом этот набитый соломой мешок, этот хромоу бес. Этот...

— Ну хватит, хватит! Ха-ха-ха, я вижу, он тебе крепко прищемил хвост! Ха-ха-ха!

— Хитер и коварен ваш кунак.

— Это не порок. Хитрость — лучшее оружие, утверждает наш пророк.

— На нем кровь моих лесных братьев. И меня он ловко обманул. Но я еще отомщу ему!

— Ну, ты брось! Знай, если хоть один волос упадет с его головы...

— А у него их и нет, волос-то. Лыс, как шайтан, и жирный, точно свинья. Я должен во что бы то ни стало отомстить ему!..

— Считай, что я предупредил тебя. После доброй драки люди становятся друзьями, и ты помиришься с ним.

— Волк лисе не друг.

— И все же тебе придется уступить.

— Посмотрим, — нехотя выговорил Саид Хелли-Пенжи, говорится же у горцев — на чьей арбе едешь, того и песню пой. — Видно, аллах мне вас послал. А я-то уж думал у своей старой тетки обрести хоть недолгий покой.

— Нет в этой жизни покоя. Покой в могиле! А туда мы еще успеем, не сегодня, так завтра будем там. Сейчас же поспешим к Исмаилу, он, наверно, заждался. Мы обещали ему еще на той неделе прибыть. Не знаешь, много ли у него людей?

— Не знаю! Знаю, что баранов много...

Вперед был выслан дозор из трех всадников: мало ли что может приключиться в этих проклятых горах...

Вступая в Дагестан, Ибрахим-бей был полон самых радужных надежд в отношении горцев, очень верил, что они встретят его с распростертыми объятьями. Он считал свою миссию очень почтенной для правоверного: шутка ли, ему поручено вернуть в лоно истинной веры заблудшие души некогда славных своей особой храбростью, воинственных горцев. Юзбаши готов был костями лечь, чтобы оправдать оказанное ему доверие. Однако уверенность Ибрахим-бея в том, что удача дастся легко, очень скоро поколебалась в его душе. На деле все получалось не так, как он того ждал. И в мозгу уже не раз копошилась мысль: «И зачем мне все это нужно? Не лучше ли воротиться к себе домой...» Легко сказать, воротиться, а что он скажет тем, кто послал его сюда? Никто его не поймет. Вышвырнут из армии, и дело с концом. А как тогда жить? Он не мыслил себя вне армии.

ПАРОЛЬ — НАРОД ИДЕТ

Чем больше всякого рода иноземцы ожесточали людей, тем скорее множились ряды друзей большевиков. К комиссару Али-Баганду из Киша, обосновавшемуся в ауле Чишили, денно и нощно стекались горцы со всех концов. Они шли сюда пешие и конные. А после похода турок по горам и бичераховцев по плоскости поток и вовсе не прекращался... Но все эти люди в массе своей были безоружны. ●

Комиссар Али-Баганд со дня на день ждал оружия. Верный Хасан из Амузги не может подвести. Однако Али-Баганд тревожится, что долго нет никаких вестей от Хасана, не случилась ли беда, уж очень ненадежного он взял с собой спутника. Али-Баганд относился с большим недоверием к Саиду Хелли-Пенжи и предупреждал Хасана, чтобы в оба глаза следил за этим лесным

братом. Но Хасан надеялся на него, как-то даже сказал: «Ведь Умар из Адага тоже некогда был абреком!» С тем они и уехали.

Людей в ауле Чишили накопилось уже видимо-невидимо. Размещали их в наскоро сплетенных из ветвей орешника шалашах и в отбитых у бичераховцев палатках. Начались затруднения с продовольствием, но острее всего ощущалась нехватка оружия...

Сложным был душевный настрой у Али-Баганда в эти тревожные дни. С одной стороны, он был счастлив — недавно полученная им бумага подтверждала, что он принят в члены партии большевиков. Это событие согревало его. Радовало и то, что горцы начали прозревать и вот идут в стан борцов за народное дело, идут к нему, как к своему человеку. И пароль для всех прибывающих один. На вопрос: «Кто идет?» — отвечают: «Народ идет». Народ идет! И это радость. Но есть на сердце Али-Баганда и печали. Одна — это та, что нет пока оружия, а без оружия, как бы ни были воинственны его сподвижники, не много навоюешь... Тревожится Али-Баганд и о своей жене Шахризат. Она осталась в ауле Киша, а там сейчас турки.

Но о жене он тревожился недолго. Словно услышав его зов, она неожиданно появилась в Чишили. Прискакала на разгоряченном коне, как из сказки, и... рассказала обо всем, что с ней приключилось. Да, да, она была той самой горянкой, что так смело вступила в противоборство с турецким юзбаши Ибрахим-беем, а потом умчалась на коне Саида Хелли-Пенжи.

Али-Баганд не мог скрыть своего восхищения перед отвагой жены. Но комиссара заинтересовал не столько рассказ Шахризат, сколько конь, на котором она прискакала.

— Откуда у тебя эта лошадь? — спросил он.

— Не знаю, чья она, на мое счастье оказалась под рукой.

— А хозяин ее кто, Шахризат? Это очень важно, постарайся вспомнить.

— Стоял там один, в черном башлыке, со шрамом на лбу, он все что-то к туркам подбирался, — кажется, это его...

— Со шрамом на лбу, говоришь? Значит, я не ошибся, это конь Саида Хелли-Пенжи.

— Да пусть хоть самого шайтана. О нем ли сейчас надо говорить? Ты, похоже, не рад, что я вырвалась из этого ада? Может, уж пусть бы звери в фесках обесчестили и убили меня?

— Ну что ты говоришь! Конечно, я рад, что ты спаслась и теперь со мной! Просто, понимаешь, случилось то, чего я очень боялся...

— Что именно?

— Это конь того человека, который поехал с Хасаном из Амузги. Я послал их с важным заданием.

— Думаешь, он предал Хасана?

— Боюсь худшего.

— Но этого быть не может, чтоб не стало Хасана. Нет, нет!..

— И все же... Надо спешно что-то предпринять. А что?.. Позови-ка ко мне Умара из Адага! — приказал комиссар Али-Баганд своему младшему брату Муртузу-Али, который постоянно находился рядом с ним.

Муртуз-Али очень скоро вернулся с Умаром из Адага. Это — человек особой закваски. Сын знатного отца и бедной горянки — «чанка» называют таких, — он с раннего детства изведal много горя и несправедливости. А в юности с ним и вовсе случилось такое (расправился с сельским старшиной — обидчиком матери), что заставило его долгое время скрываться в лесу... Затем обстоятельства свели Умара из Адага с комиссаром Али-Багандом, и он навсегда связал свою жизнь с человеком, устремления и цели которого были во всем близки ему...

Прежде чем уединиться с Умаром, Али-Баганд попросил жену распорядиться всем, что связано с продовольствием: люди везли в Чишили хлеб, мясо и все, что могли собрать в аулах. Надо было организовать хранение продуктов.

Али-Баганд с братом и с Умаром из Адага обсуждали, что же произошло с Хасаном из Амузги и как им быть.

— Допустим, он не убит. Если так, то его либо арестовали, либо... Не знаю, что и подумать! — сказал Али-Баганд. — В общем, надо ехать, Умар. Муртуз-Али поедет с тобой.

— А как же с паролем?

— Пароль один. Вот газырь. Езжайте к Али-Шейху

в Агач-аул. У него все разузнайте. Если же Хасан там не появлялся, отдайте Али-Шейху этот газырь, в нем есть записка, пусть он прочитает. Итак, на коней! Время не ждет. Турки близко, если они узнают, что мы собираем здесь силу и что большинство наших людей не вооружены, тотчас нагрянут и раздавят нас, как лягушек. Без оружия мы бессильны! Скачите. В добрый час!

Они обнялись. Муртуз-Али и Умар из Адага сели на коней и пустились в дорогу. А комиссар ушел на полигон, где он обучал новобранцев ведению боя.

— Саблей-то мы владеем, комиссар. Дай нам огнестрельное оружие,— просили люди.— Недаром ведь говорится: появилась винтовка — погиб Кёр-оглы.

— В руках у джигита и сабля оружие. В атаке конному лучше оружия не сыскать! — И Али-Баганд с ловкостью демонстрировал свое искусство: на скаку срубал и слева и справа воткнутые в землю жерди с надетыми на них папахами.— Э-эй, джигиты! — подзадоривал он.— Я же староват, а вы молодые, глаз у вас острый и рука быстрая. Померяемся силой. А ну ты, на гнедом, попробуй-ка поднять прямо с коня из двенадцати папах, что слетели с жердей, хотя бы четыре.

Тот помчался и на удивление всем, свесившись с седла на одну сторону, подобрал на скаку все папахи. Считай, сын оружейника из Харбука — уже джигит. А сколько еще таких...

ГОСТИ ТАЛГИНСКОГО ХУТОРА

Хасан сын Ибадага из Амузги ехал в стан Исмаила, и не ведал он о том, что еще днем туда прибыл турецкий офицер Ибрахим-бей со своим отрядом аскеров. Не знал и того, что от роду коварный, неприветливый и очень грубый Исмаил, будто наизнанку вывернутый, встретил турка с необыкновенным радушием. Устроил в честь столь достопочтимого кунака пир, каких в округе давно не бывало. Ибрахим-бей для спокойствия выставил дозорных, повелев им каждые два часа сменяться и объезжать посты. К тому же был отдан приказ: из аула никого не выпускать и в него никого не впускать. А кто нарушит приказ — задержать и бросить в хлев крайней сакли, утром, мол, разберемся.

Исмаил вырядился в парчовый халат и был похож скорее на узбека, чем на горца, не хватало только тюбетейки. Встречая гостей, он долго пожимал руку Саиду Хелли-Пенжи, все всматривался в знакомое лицо. Ибрахим-бей заметил это и потому спросил:

— Что, Исмаил, знаком он тебе?

— Кажется, да. Но, может, я путаю...

— Тебе ведь, наверное, сказали, что я убит?— сверкнул глазами Саид, наблюдая за тем, как меняется выражение на хитрющей физиономии Исмаила.

— А-а, теперь припоминаю! — И Исмаил, заговорщически улыбаясь, добавил: — Коран с медной застежкой.

— Да! Чтоб околеть тебе на месте!

— Чтоб твой род передох, ты же рассердил меня! Рассчитался бы за труд, тогда другое дело. А то пожалел два золотых...

— Признавайся лучше, где шкатулка?

— Ты, конечно, уверен, что она была полна драгоценностей и золота?

— А как же иначе. Шкатулка ведь была такая тяжелая...

— Проходите! Проходите в дом...— предложил Исмаил Ибрахим-бею и его приближенным и снова повернулся к Саиду:— Ты ошибся. Да и я тоже. В шкатулке ничего не было, кроме...

— Кроме?..

— Скажи-ка лучше, где коран?— не ответив ему на вопрос, спросил Исмаил.

— Какой коран?

— Тот самый, с медной застежкой?

— Будьте вы прокляты! Хватит наконец смеяться надо мной!— взбесился Саид.

— Не свирепей, Саид! Я говорю тебе истинную правду, в шкатулке был всего-навсего только ключ от тайника, который находится в другом месте, а где именно — сказано в записке, вклеенной в обложку того самого корана. Вот все, что я узнал, завладев этой шкатулкой. Хочешь верь, хочешь не верь. И потому-то я, между прочим, спрашиваю тебя: где коран?..

— Он остался возле той ямы...

— Выходит, книга попала в руки какому-нибудь куймурцу или же... Я послал туда людей... Ну ладно. За-

будем все, что было. Друг моих кунаков — мой друг. Не бойся, я не такой жадный, и тайник к тому же еще не найден... Что с тобой?! — последние слова Исмаил сказал, заметив, как Саид перекосялся, вроде бы от боли, когда Исмаил пожал его руку.

— Это твои головорезы так меня ранили.

— Ну, будет! Смягчи свое сердце, Саид Хелли-Пенжи — гроза Кара-Кайтага. Хочешь, прощения у тебя попрошу, хочешь — и на колени стану! — улыбаясь, сказал Исмаил.

— Не надо!.. Слишком много будет чести. Отплатить не сумею!

Исмаил заискивал перед Саидом, в душе надеясь, что коран с медной застежкой все же находится у него. Он даже обнял его за плечи и торжественно, как дорогого гостя, повел на верхний этаж сакли, где в просторной кунацкой на коврах было расставлено видимо-невидимо вкусно пахнущей еды, разных пряных трав, от перечной мяты до горного лука... Были и вина, но турки пить отказались...

— А зря... — пожалел Исмаил, беря в волосатые пальцы кубок, — это бодрит тело и веселит душу. Особенно русская огненная вода.

— С каких пор правоверные позабыли завет пророка, запрещающий им пить вино? — проговорил Ибрахим, развалясь на мутаке¹.

— Пророк запрещает вино, а это же белая вода, просто огненная. На нее нет запрета. Что же, Саид, давай с тобой выпьем за приезд столь уважаемых кунаков.

— Дерхаб! — молвил Саид. — Давай и правда забудем нашу ссору да выпьем за хороших людей.

Они пили, а Ибрахим-бей думал о своем. Вспомнил дом близ Измира, небольшой садик при доме, жену, что небось ждет не дождется его. И тут вдруг, спохватившись, попросил слугу принести подарок, что он привез для жены Исмаила.

Слуга принес сверток. Ибрахим-бей развернул его и подал хозяйке дома отрез цветастой турецкой ткани. Женщина от радости всплеснула руками и, тут же ска-

¹ М у т а к а — длинная, круглая подушка, распространенная у народов всего Востока.

зав, что сошьет платье старшей дочери, исчезла, видно пошла к дочерям хвалиться подарком гостя...

После двух-трех выпитых чарок при посредничестве Ибрахим-бея мир между Исмаилом и Саидом был окончательно восстановлен. На радостях Исмаил позвал свою старшую дочь, Зейнаб. Она вошла, жуя жвачку. Увидев чужих мужчин, смутилась.

— Не правда ли, хороша? Так вот знай, я даже готов породниться с тобой. Старшую, любимую дочь готов за тебя отдать. Смотри, Саид Хелли-Пенжи, я из тебя человека сделаю. Ха-ха, оседлаю, навешу уздечку! И помни, в суете счастье за хвост не ухватишь...

Исмаил еще бы долго болтал, благо водка за него говорила, но Ибрахим-бей прервал его. Крутанув ус, он сладострастно глянул на дочь Исмаила и сказал:

— Что ж, Саид, девушка достойна украсить любой дом!

Турку, видно, поднаскучила пресная жизнь. Сейчас ему любая юбка могла бы показаться даром небес.

Саид хотел сказать, что не красавица красива, а любимая. Хотел, да не сказал. Решил, что лучше промолчать...

А девушка, между прочим, была удивительно хороша. И на колючке, говорят, цветок растет. Кто бы подумал, что у такого отца такая дочь. Белолицая, полненькая, румянощекая, Зейнаб была что персик в зелени листьев: возьми кончиками пальцев, надкуси — и не только губы, вся душа нальется шербетом. Но берегись, не приведи аллах с косточкой проглотить, застрянет в горле.

Зейнаб смущенно прикрыла лицо краем легкой накидки и убежала. Потом пошли разговоры о делах, о будущем Дагестана под протекторатом султанской Турции. Исмаил все молил аллаха, чтобы поскорее это произошло.

— Большевики с их Советами и ревками свергнуты. Им уже не поднять головы! — утверждал он. — Но мне непонятно одно, уважаемый Ибрахим-бей, неужели вы позволите этим бичераховцам хозяйничать здесь? У вас что, союз с ними?

— Ты же хитер, Исмаил? Неужто до сих пор не разгадал? Эти люди в английском обличье были нужны нам

в борьбе с самым страшным нашим врагом, с большевиками.

— А теперь?

— Теперь наш славный генерал Нури-паша предложит им убраться восвояси.

— Добровольно они не уйдут!

— Тогда мы объявим им войну и посмотрим, устоят ли они перед нашей силой! — важно заявил турок.

— Я с вами, Ибрахим-бей. Во всем с вами. Мои люди жаждут участвовать в боях рука об руку со своими братьями по вере.

— Вот за это, пожалуй, и я выпью немного огненной воды,— сказал Ибрахим-бей, чем несказанно обрадовал хозяина, кинувшегося наполнить ему чарку кубачинской работы...

Саид Хелли-Пенжи вышел проветриться. Неподалеку от лагеря аскеры просеивали ячмень, а затем насыпали его в мешки — припасали корм для коней, готовые в любую минуту пуститься в поход. Саид прошел в сторону водопада, куда по склону спускался тенистый буковый лес, разделся и уже хотел подставить свое разгоряченное от хмеля тело под холодную струю, как вдруг увидел, что к его одежде подошли двое каких-то подозрительных людей.

— Кто вы и что вам нужно?— спросил он, машинально отвернувшись от них и прикрывая ладонями укромное место: спина боится, лицо не видит.

— Мы тебя не тронем. Нам бы только спросить надо: не знаешь ли ты некоего Саида Хелли-Пенжи?

— А зачем он вам нужен?

— Нам сказали, что он вместе с турками прибыл к Исмаилу. Ты не видел его?

— Видел....— Мысли завертелись в голове у Саида, а на лице отразилось беспокойство.

— Где он сейчас?

— В доме у Исмаила! Где же ему быть? А кто вы все же будете?

— Мы сыновья Абу-Супьяна, человека, которого он убил. Могила отца ждет его крови, вот за этим он нам и нужен.

— Ну, а я-то здесь при чем. Ловите того, кто вам нужен, и не мешайте мне, я хочу искупаться!— сказал Са-

ид Хелли-Пенжи, внутренне сжавшись от страха за свою шкуру.

— Не будем тебе мешать. Но мы недалеко уйдем, и, если увидишь его, передай, что и под землей ему от нас не спрятаться.

— Передам.

Высказав свой приговор, пришельцы удалились. Саид для виду на минуту встал под струю, быстро оделся и бежать.

А сыновья Абу-Супьяна между тем встретились с Мустафой, сыном Али-Шейха.

— Что же вы отпустили его?— вскричал он.

— Кого?

— Саида Хелли-Пенжи.

— Да разве это он?

— Я, правда, издалека его видел, но, по-моему, он.

— Ох, подлец! Ну, тем лучше! Пусть подготовится к смерти. Мы, по крайней мере, теперь знаем, каков он из себя, и второй раз живьем из рук не выпустим.

— А сейчас пока идемте отсюда! Если это он, может учинить погоню.

— Мы пойдем к тебе, Мустафа. От тебя до него ближе.

— Буду рад. Я затем и ехал, чтобы пригласить вас к себе.

Отъявленный головорез Саид Хелли-Пенжи еще ни разу не испытывал такого страха. Выходит, звезда его пока не закатилась. Ведь сегодня он избежал верной смерти. Саид проклинал того, кто в злосчастную ночь был его спутником. «Говорил же я ему, — твердил про себя Саид, — чтобы не убивал старика. А теперь вот мне расплачиваться!..» Правда, старик оказался уж очень несговорчивым, стал размахивать кинжалом и кричать: «Убейте, но книги этой я вам не отдам!» Ну, нервы, конечно, не выдержали, и тот вонзил кинжал прямо в самую грудь старика, точнее, не вонзил, а бросил издалека, как в ствол дерева. А старик и мертвый цепко держал в левой руке эту злополучную книгу с медной застежкой, так что еле ее вырвали. Но убийце тоже не повезло. В следующую же ночь и его прикончили у Куймурской башни. А Саид теперь за все в ответе.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ночь была облачной и беззвездной, когда Хасан из Амузги подъезжал на своем белом коне к стану Исмаила в Талгинском ущелье. Ехал он вдоль речки и только хотел свернуть в сторону, чтобы не нехоженой траве, неслышно подъехать прямо к дому, как из кустов, словно бы давно его поджидавшие, выскочили несколько человек, и не успел Хасан взяться за оружие, его стащили с лошади, попробовали поймать и коня, но Хасан свистнул, конь вырвался и ускакал прочь. Присмотревшись, Хасан понял, что его связали не люди Исмаила, а турки.

— Ведите меня к Исмаилу,— сказал он.— У меня к нему срочное дело.

— Ты не первый, — ответили ему, — кто рвется к Исмаилу. Тут недавно двое тоже к нему просились. Не торопись. Завтра вы все увидите своего Исмаила.

С этими словами один остался на посту, а двое повели Хасана и втолкнули в хлев крайнего дома, где уже сидели и те двое, о ком говорили стражники. Заперев хлев, турки ушли. Двое пленных до Хасана были не кто иные, как те, от кого Хасан из Амузги спас прелестную Муумину.

— Вшивые турки еще кого-то поймали,— проговорил один из них.— Эй, кто ты?

— Я? Сын своего отца,— проговорил Хасан.

— А кто твой отец?

— Время.

— Смотри какой загадочный, а? Ну и шайтан с тобой!

— И верно! Не связывайся с ним,— поддержал его дружок.

— Ну и задаст же завтра наш Исмаил этим туркам за то, что упрятали нас сюда!— тешил себя надеждой Аждар.

— Вряд ли. Боюсь, что Исмаил и сам у них в руках.

— Да что ты говоришь, он их очень ждал, они его кунаки.

— Сейчас, брат ты мой, такие пошли кунаки, явятся к хозяину и говорят: «Ну-ка, встряхивайся и живи на нижнем этаже вместе со скотом, а нам здесь нравится».

Боюсь, как бы завтра Исмаил при всем честном народе не огрел нас плетью.

— За что?

— А коран? Разве этого мало?

— Так что мы могли сделать, если его там нет? Подобрал, наверное, какой-нибудь куймурец...

Услыхав последние слова, Хасан насторожился: значит, коран где-то, но не у Исмаила.

— У меня мыслишка одна есть,—проговорил Аждар.—Пусть хозяин даст нам десятка два овец, пригоним их в Куймур и попросим, чтобы глашатай объявил: мол, кто принесет коран с медной застежкой, тот получит в обмен десять — пятнадцать барашков. Какой куймурец устоит перед такой платой!..

— Верно ведь говоришь! Ну и голова у тебя, как у мудреца.

— Не велик мудрец. Из медресе меня выгнали за то, что я не мог вызубрить молитвы. Казалось, уж запомнил, а стоило мулле назвать меня, все вылетало из головы.

— Да, не повезло нам.

— Повезет еще, Исмаил поможет. Он с турками такое затеял! Похоже, хочет, чтобы Дагестан впал в зависимость от Турции.

— И что это будет значить?

— А то, что будем входить не в состав России, как раньше, а примкнем к Турции.

— И турки оциплют вас, как зарезанных кур, да бросят в кипящий котел султана!—не выдержал Хасан.

— Заговорил все ж! Да как зло заговорил.

— Белого царя с трудом скинули, а вы теперь хотите перед султаном спину гнуть, перед теми, кто вас в этот хлев загнал? Безмозглые ослы!..

— Эй ты, человек со змеиным шипением! Жаль, руки наши не свободны, мы бы тебе показали, кто ослы...

— Знаю я ваши повадки... И вас, кажется, знаю... Может, скажете, куда вы дели шкатулку, что вырыли у Куймурской башни?—наугад спросил Хасан из Амузги, желая убедиться, те ли это люди, которых послал следом за Саидом хитрый Исмаил.—Что же вы умолкли? Оглохли! Я ведь вас спрашиваю?

— Не много ли ты хочешь знать? Это опасно для тебя.

— Я спрашиваю, где шкатулка?

— Дерзкий человек. Кто ты?

— Я Хасан сын Ибадага из Амузги.

Аждар и Мирза от удивления даже присвистнули и... оба расхохотались.

— Чего смеетесь?

— Во-первых, недостойно человеку называть себя именем того, с кем он схож не больше, чем кошка с тигром. Во-вторых, мы знаем, что Хасан из Амузги не мог попасть в такие дырявые сети... А потому ты уж лучше не пляши под чужой ветер, ногу сломаешь!

— Ну, а представьте, что он вдруг взял да и сам пошел в эти сети?

— Этого не может быть. Хасан из Амузги не такой простак, не может он не знать, что за его голову Исмаил обещал три сотни овец, а что значит три сотни овец для человека, который ни за что другое и одной овцы не даст, это уж я знаю...

Судя по выражению лица Аждара, кто-кто, а он-то хорошо знал своего хозяина.

— Так что, милый человек, не хабришься, будто ты тигр, когда всего-навсего — полосатый кот... Назовись-ка своим именем. Да скажи, кстати, откуда ты знаешь о шкатулке?

— Знаю, и все!

— И о коране с медной застежкой тоже знаешь?

— Также знаю.

— Тем лучше. В шкатулке был ключ, он сейчас у Исмаила. Только никто не знает, от какого замка этот ключ. Вот завтра ты ему и расскажешь. Васалам-вакалам, и нам незачем будет еще раз ехать в Куймур. Ты ведь, наверно, тамошний?

— Я Хасан из Амузги!

— Ну пой свою песню! Посмотрим, как ты ее завтра пропоешь! Руки у тебя связаны?

— Да. И вы их развяжете!

— Смотри какой самоуверенный! Не можем мы развязать тебя, потому что и нам эти турки скрутили руки, но если бы они у нас даже и не были связаны, мы бы тебе свободы не дали. Сказочку, видно, ты не знаешь про то, как хвост змеи камнем прижало к земле и не могла она высвободиться, а мимо в это время шел горец. Змея

взмолилась: «Смилуйся, добрый человек, освободи меня, я, может, тебя отблагодарю». Он возьми да и освободи ее. А змея и говорит: «Я ужалю тебя своим ядовитым жалом!» — «Зачем же? — спрашивает горец. — Я ведь тебе добро сделал, от смерти спас!» — «Не могу я иначе, — зашипела змея, — норов у меня такой».

ГЛАВА ПЯТАЯ

НА ОСТРИЕ КИНЖАЛА

Наутро Исмаил решил показать чужестранцу своих людей и потому вызвал к себе племянника, того самого бывшего царского офицера Сулеймана, который теперь стал у него командиром отряда.

Сулейман вошел злой как черт. Всю ночь он мучился зубной болью и досадовал на то, что дядюшка с эдакой радостью встретил турок, с которыми он, Сулейман, воевал под Эрзерумом, где был ранен, и которых ненавидел поэтому, как своих кровных врагов.

— Пока гости будут завтракать, — сказал Исмаил, — вели построить на площади весь отряд.

Сулейман, ничего не ответив, молча вышел из сакли...

Ел Исмаил всегда с удовольствием. Он предпочитал сушеное мясо и считал глупцами тех, кто употребляет в пищу свежее мясо. С осени в его доме всегда резали двух-трех бычков и заготавливали сушеного мяса.

Турки тоже не отставали от хозяина в чревоугодии. Но трапезу вдруг прервал турецкий солдат. Он вошел и что-то зашептал на ухо Ибрахим-бею.

Юзбаши выслушал его и сказал, обращаясь к хозяину:

— Он говорит, что часовые задержали трех подозрительных людей. Вчера, в твоих владениях.

— Пусть приведут их во двор, посмотрим, кто это попался в наш капкан, безобидные зайцы или матерые волки! — потирая лоснящиеся жиром ладони, проговорил Исмаил.

Всех троих, в том числе и Хасана из Амузги, вывели из хлева на свет божий и доставили во двор к Исмаилу.

Изрядно набив желудки, Исмаил и его кунак вышли на балкон и спустились по лестнице. Ковыряя в зубах,

Исмаил еще издали воззрился на пленников. Подойдя поближе, он сказал солдатам, показывая на Аждара и Мирзу, которые подобострастно улыбались ему, взглядом моля о снисхождении и прощении:

— Этого и этого развяжите! Они мои люди. Ну что, нашли, мерзавцы? А ты кто? — не дождавшись ответа, обратился он к третьему.

Хасан из Амузги глянул на него, Исмаил прищурился, немного отступил, посмотрел, еще приблизился.

— Ну что так вылупился? — спросил Хасан из Амузги.

— Постой, постой... Ты?

— Да, я самый.

— Хасан из Амузги?

— Как видишь, нам пришлось еще раз встретиться.

Хасан из Амузги имел в виду случай, что свел их некогда на ближних пастбищах. Он тогда угнал у Исмаила целую отару овец и поделил ее между бедняками.

— Вот так встреча! Матерый волк попался в капкан! — довольно потирая руки, сказал Исмаил. — Эй, Саид Хелли-Пенжи! — позвал он. С верхнего этажа, еще сонный, спустился Саид. — Узнаешь?

— Еще бы!

— Кто бы подумал, почтенный Ибрахим-бей, что нам так крупно повезет. Теперь-то уж я верю, что удачи будут сопутствовать нам всюду!

— Развяжите мне руки и дайте поесть, как полагается в гостеприимном доме, — повелительно бросил Хасан. — И если ты думаешь, что так просто было взять Хасана и скрутить ему руки, то ошибаешься, Исмаил.

— Я удивляюсь...

— Прикажи развязать мне руки. Я к тебе и ехал. Есть дело!

— Развяжите! — приказал Исмаил и добавил, обращаясь к Саиду Хелли-Пенжи: — Отведи его, там в кунацкой много еды. Я для тебя курицу приготовил, на которую еще и петух не прыгал, кунак ты мой дорогой, ха-ха-ха, — злорадно осклабился Исмаил. — Да смотри, Саид, если упустишь такую добычу — шкуру с тебя сдеру!

— Понятно, — буркнул Саид и повернулся к Хасану: — Поднимайся давай. Отсюда-то уж ты никуда не убежишь. У ворот часовые и вокруг дома тоже.

Исмаил тем временем поманил к себе Мирзу и Аждара, ошарашенных тем, что всю ночь с ними и в самом деле просидел Хасан из Амузги собственной персоной. Сейчас они простить себе не могли, что так опростоволочились: шутка ли, за эдакую добычу можно было отхватить целых три сотни овец!..

Высказав все, что он думал о своих нукерах, Исмаил несколько поостыл и даже снизошел до того, что прислушался к совету Аждара и согласился дать ему два десятка овец, с тем что Аждар пойдет с ними в Куймур и попытается во что бы то ни стало раздобыть злополучный коран.

Мирза с Аждаром ушли. Исмаил с Ибрахим-беем отправились на площадь, где, как доложил офицер-племянник, их уже ждал построенный для смотра отряд. Уходя, Исмаил строго предупредил часовых, чтобы глаз не спускали с пленника.

— А кто он такой? — заинтересовался Ибрахим-бей.

— Дьявол, причинивший мне немало бед. И всем шамхалам да и князьям тоже.

— Большевик?

— До мозга костей!

— А почему же ты обошелся с ним, как добрый хозяин, даже к завтраку пригласил!

— Хороший кот, поймав мышь, съедает ее не раньше, чем вдоволь наиграется с ней! Хи-хи-хи...

— А ты, кунак, молодец! — Ибрахим-бей похлопал его по плечу.

На площади выстроилось около полутора сотен голытьбы — кто на конях, кто пеший... И вооружены они были по-разному: у одних в руках обрезы боевой винтовки с приделанными пистолетными ручками, у иных кремневые ружья времен Шамиля, берданки, сабли, кинжалы... Посмотрел Ибрахим-бей на этот сброд, покачал головой и улыбнулся, ударив плетью о голенище сапога со шпорами.

— Гм, да!

— На вид их не смотри, кунак, — довольно причмокнул Исмаил, поправляя на животе ремень с медной пряжкой и любуясь отчеканенным на ней царским орлом. — Драться будут до последнего зуба.

— Большинство же из них без коней.

— Кони будут... я уже отослал своих людей, пригнали табун с дальних пастбищ.

— А стрелять-то они умеют?

— Эй ты, гидатлинец Мухамед,— подозвал Исмаил одного из всадников. Это был горец с бородой, похожей на железный наконечник сохи, на голове у него красовалась папаха — так называемая сах-капа, похожая на стог сена.— Наш уважаемый гость сомневается, умеете ли вы стрелять. Что ты скажешь, умеете?

Гидатлинец вскинул голову...

— Чей ты боец? — спросил его Ибрахим-бей.

— Исмаила.

— Чей у тебя конь?

— Исмаила.

— Чье оружие?

— Нашего уважаемого Исмаила...

Гидатлинцы умеют шутить, умеют они быть серьезными, умеют и рассеивать сомнения. Мухамед — человек особенный даже среди гидатлинцев. Случилось как-то с ним происшествие, после которого его прозвали «Ни вот столечко». А было это вот как: сидел он с одним сирагинцем у костра и смеялся чему-то своему. Сирагинцу это не понравилось, показалось, что гидатлинец смеется над ним.

— Чего ты надо мной смеешься?

— Да разве я над тобой? — и гидатлинец закатился еще пуще.

— Надо мной ты смеешься! — настаивал сирагинец.

— Да нет же, что ты!..

— Неправду ты говоришь, надо мной смеешься!..

— Говорю тебе, нет!

— А я говорю, да!

— Ну нет же, поверь.

— Да!..

— Ах, не веришь? Так знай! — И Мухамед выхватил из ножен кинжал, отрубил себе кончик мизинца и сказал твердо: — Ни вот столечко я над тобой не смеюсь! Просто мне вспомнился случай один, с соседом моим он как-то приключился...

Вот какой этот Мухамед...

Гидатлинец повернул коня, припустил его, отъехал на порядочное расстояние, положил на выступ скалы грецкий орех, вернулся назад, спрыгнул с коня, зарядил

ружье, лег на землю и, прицелившись, выстрелил... Орех на камне разлетелся на кусочки.

— Вот как мы колем орехи! — сказал Мухамед, вскочил на коня и встал в строй.

— Это неплохо! — одобрительно воскликнул Ибрахим-бей. — Совсем не плохо!..

Затем конники начали джигитовать. Мухамед отличился и в этом. Чего только он не вытворял на своем очень чутком и послушном скакуне. Движения их были согласованы. Казалось, все фигуры высшей джигитовки они творили одним дыханием, во всем понимая друг друга.

Но конечно же не все были такими мастерами. Однако необходимыми в бою навыками верховой езды обладал каждый, кто сидел в седле...

Хасан из Амузги с аппетитом поглощал остатки наготовленных для турок яств, нисколько не тяготясь присутствием Саида Хелли-Пенжи. Они долго молчали. Первым заговорил Саид.

— Удивляюсь, — сказал он, — как ты-то сюда попал? Мне, скажем, деваться было некуда, и к тому же турок в пути встретил, будь они неладны. А ты!.. Такой человек, о каких говорят «черту чувяки наденет», — и вдруг прямо в логово зверя!.. Неспроста, наверно? — И Саид, словно хлебосольный хозяин, начал услужливо потчевать нежданного гостя мясом ягненка, свежим пчелиным медом и бузой¹.

— Неспроста, говоришь, я здесь? Верно. Захотелось проверить, как ты ненавидишь Исмаила, — с усмешкой проговорил Хасан из Амузги, глядя Саиду прямо в глаза. — Помнится, ты готов был жизни не пожалеть, только бы отомстить ему...

— Я сказал тебе истинную правду, шкатулка у него.

— Очень уж ты легко позабыл своих спутников, убитых у Куймурской башни. Похоже, тебе все равно, чью кровь на себя принять, — только бы самому любой ценой выжить?..

— Но без книги с медной застежкой от этой шкатулки никакого толку! — словно бы оправдываясь, взмолился Саид Хелли-Пенжи.

— Быстро же ты меняешь шкуру. Хотел оседлать не-

¹ Б у з а (аруш) — хмельной напиток.

годая и сам оказался им стрепоженым. Если бык запоздает накинуться, на него накидывается корова, так, что ли?

— Понимай как хочешь...— Досадно было Саиду Хелли-Пенжи слышать такие слова, но что поделаешь. Он помолчал, потом добавил почти шепотом: — Хочешь, помогу тебе бежать?

— Чем я обязан за такую твою заботу?

— Они идут. Подумай, я к твоим услугам... Берущий щедрее дающего — он возвращает...

Хасан из Амузги понял намек. Саида он знает. Этот человек без выгоды для себя на такое не пойдет. Предлагает помощь,— значит, и самому здесь не сладко, что-то и его тревожит. А может, совесть заговорила?..

В комнату вошли Исмаил и Ибрахим-бей. Удобно уселись на подушках, скрестив ноги, он стали молча наблюдать за Хасаном, который чувствовал себя так свободно, словно был дома.

— Вот какой у меня характер,— заговорил наконец Исмаил, причмокивая губами и разведя руки,— ничего не могу с собой поделать! Казалось бы, передо мной злейший и непримиримый мой враг, по которому давно плачет моя виселица... А я не могу быть яростным в своем гневе, потому что вижу перед собой человека. Даже предложил ему хлеб-соль...

— Хвала тебе, Исмаил, ты истинный горец. Хранишь обычай гостеприимства и великодушен по отношению к побежденному. Вообще-то одна ладонь не сделает хлоп-ка! — сказал Хасан из Амузги.

— Вот, вот! Видишь, уважаемый Ибрахим-бей, он уже другую песню поет. Признает мои достоинства. Уж и не знаю, хорошо это или плохо, когда тебя хвалит не-друг!..

— Ну как же не признать твоих достоинств, если ты один на всем свете можешь гордиться, что изловил меня. Ловкий ты, Исмаил. И коварный.

— Что верно, то верно, поймать его пытались многие! — закивал Исмаил.

— Что делать, бывает, крючок за дверью сам накидывается.

— Хасан из Амузги, ты, наверное, догадываешься, кто со мной и чьи это аскеры несли ночью караул?

— Единовверцы, суконные фески, которых ты ждал.

— Ты ведь тоже сын правоверного. Они пришли к нам издалека, чтобы помочь братьям по вере...

— Добра от них ждешь? Напрасно. Не ради тебя они здесь. Край наш с потрохами засунуть в свой хурджин — давняя их мечта.

— И она сбудется. Не пристало сыну правоверного обращать взор свой на север.

— Мало, очень мало у меня веры к туркам, Исмаил. Они обманут и меня, и тебя, и всех.

— А гяуры тебя не обманут?

— Нет.

— Откуда в тебе такая вера?

— У русских теперь новая власть, они сбросили царя, у них свобода, земля роздана крестьянам. А в Турции все еще сидит жестокий султан...

— Но в Дагестане большевики уничтожены. Они бежали, опережая следы своих коней.

— Смешно, если вы в это поверили. Убаюкиваете себя. Вот он я, большевик, перед тобой! И всюду большевики. Скоро вы в этом убедитесь. Разве солнце виновато в том, что филин не видит?

— Хвалю твою откровенность, хотя у тебя в общем-то нет другого выхода: перед смертью каждый исповедуется. Ты что же хочешь сказать, что у меня опять отнимут мои пастбища, мои отары, мой дом?

— Непременно, и на сей раз уж навсегда.

— Но разве это справедливо? Давай рассудим по совести: я ведь тоже был бедняком. И только умом своим нажил все это.

— Обирать людей можно и без большого ума. Нужна только сила и власть, защищающая эту силу. Вот ты и ищешь такую власть...

— Каждый ищет то, что нужно ему...

— ...И я знаю, почтенный Исмаил, если турки не дадут тебе этой власти, ты поклонишься хоть самому дьяволу.

— Твоя правда. Я готов и с дьяволом союз заключить, лишь бы не потерять своего.

— В том-то и беда, что тебе есть что терять. А у меня вот нет ничего. И таких, как я, большинство в народе. Мы теперь тоже хотим иметь. Не так много, как ты, но...

— Не все мечты сбываются! — не без ехидства бросил Исмаил. — А уж ты-то и вовсе ничего не займешь.

Даже трех аршин земли, положенных каждому правому. Я брошу тебя на растерзание зверью... Э-эх, жаль, не хватает мне на него злости,— это Исмаил сказал уже Ибрахим-бею, молча слушавшему их перебранку.— Иного, кто нанес бы мне личное оскорбление, я бы забил плетью до крови, ногами бы истоптал, с грязью смешал бы. А с ним так не могу. Он сын кунака Ибадага из Амузги и враг мне... Так какое у тебя дело ко мне? — обернулся он к Хасану.

— Говорят, ты обещал три согни овец тому, кто поймает меня?..

— Обещал. Но, слава аллаху, теперь они останутся в моем хозяйстве!

— Это еще почему? Разве ты не обязан отдать их мне?

— О чем ты? — опешил Исмаил.

— Чего ж тут непонятного? Может, это не о тебе такое говорят: идет в сапогах, а оставляет след босых ног? Разве не ясно, что овец ты должен отдать мне, я же самолично явился к тебе?

— Шутить вздумал, Хасан из Амузги? Благодарю аллаха, что наградил тебя смелостью, граничащей с дерзостью. Только потому я не повешу тебя — легкой смертью отделаешься...

— И на том спасибо!

— В лечебной грязи утоплю,— кровожадно ухмыльнулся Исмаил.

— Славную казнь придумал! — всплеснул руками турок.

— Всех бунтовщиков утоплю! — разошелся Исмаил.

— Не слыхал ты, видать, про то, как зайцы каждую ночь совет держат,— проговорил Хасан из Амузги.— Гадает, как бы им орлов известить. Всю ночь думают, а под утро разбегаются, так и не решив дела...

— Ненавижу я тебя и дружков твоих, да сразят вас горячие пули!..

— Нас-то ты ненавидишь, а змею ядовитую на сердце пригрел и ни о чем не ведаешь!..

— Какую еще змею?

— А ту, что ненавидит тебя лютой ненавистью. Саидом Хелли-Пенжи зовется.

— Ненависть его в прошлом. Саид Хелли-Пенжи теперь служит мне верой и правдой!.. Ха-ха-ха, есть во мне

такая слабость, люблю ставить людей на колени, особенно нравится мне делать из своих врагов покорных рабов! Вот так-то, Хасан из Амузги!

— Но знаешь ли, что этот твой раб предложил устроить мне побег.

— Что?! — сверкнул глазами Исмаил. — Ты, однако же, откровенен! Но так и знай, воспользоваться его услугами тебе не удастся!

— Почему же?..

— Смотрите-ка, он не теряет надежды! — возмутился Исмаил.

— Да если бы не надежда, я бы сам давно влез в петлю или утопился бы в твоей, как ты ее называешь, лечебной грязи!

— Не находишь ли ты, уважаемый Исмаил, — оторвавшись от курения кальяна, заговорил Ибрахим-бей, — что твой непрошенный гость час от часу наглеет? У нас с таких разом снимают спесь...

— Молоко матери да обернется мне позором, если я не сделаю того, что угодно тебе! — с жаром воскликнул Исмаил, с готовностью обернувшись к турку.

— Убить его всегда не поздно, для этого великой мудрости не требуется. Тут другое. Слушая вашу перебранку, и я убедился, что этот, недостойный звания правого, человек пользуется тем не менее, как мне кажется, доверием и признанием в народе...

— От самого Шах-Дага до Сирагинских гор! Чтоб ему пусто было!

— Оно и видно, потому он столь уверен в себе... Так вот, не убить его надо, а обесславить, от самого, как ты сказал, Шах-Дага до Сирагинских гор. Врага надо с корнем уничтожать, чтоб всходов от него не было.

— Мудра твоя речь, очень мудра, — согласно закивал головой Исмаил и торжествующе глянул в лицо своему пленнику, на котором, как показалось, мелькнула тень тревоги. — Я слушаю тебя, почтенный Ибрахим-бей.

— Что, если этого храбреца раздеть нагишом, привязать лицом к хвосту на какого-нибудь самого что ни на есть паршивого, облезлого ишака?..

— О, такой ишак у меня найдется!

— Привязать и прокатить по аулам. Вот, мол, люди, ваш хваленый Хасан, смотрите, какой он храбрый! И ротозеев созвать, чтобы шли вслед да забрасывали его

камнями и грязью. Это, брат Исмаил, пострашнее убийства получится. Сказано ведь, вывих хуже перелома, срам хуже смерти.

— Это мысль! А как думает сам Хасан из Амузги? — скривившись в злорадной улыбке, спросил Исмаил.

Хасан из Амузги молчал. Всякого он мог ждать, но не такого зверства. Подобное надругательство для горца, носящего папаху, пострашнее смерти. Замешательство, написанное на лице Хасана, как бы придало уверенности Исмаилу. Он кликнул со двора своих людей и приказал привести осла.

«Умру, но не дамся!» — пронеслось в голове Хасана, и он ловким прыжком бросился на Ибрахим-бея и стал душить его. Но тут подлетели трое из слуг Исмаила, связали Хасана и вывели... А Ибрахим-бей, утирая платком взмокшую шею, пробурчал:

— Я же говорил, что ему это не понравится.

Исмаил юлой вертелся вокруг турка и приговаривал:

— Ах он мерзавец! Душить человека вздумал! Да мы его!.. Хорошо ты придумал. Вот сейчас мы посмеемся!..

В этот самый миг перед Исмаилом вдруг предстал Саид Хелли-Пенжи.

— Ты предлагал нечестивцу помочь совершить побег? — заорал Исмаил.

— Я?!

— Подлец! — Исмаил с маху ударил его плетью по лицу. Брызнула кровь. — Так вот ты каков? А я-то! Пригрел змею!..

Казалось, Саид Хелли-Пенжи не стерпит столь оскорбительного отношения и вот-вот бросится на Исмаила. Но нет.

— Дай же мне объяснить, — взмолился он, — я хотел вызвать у него доверие, чтобы он раскрылся, а потом бы я уж все тебе доложил. Он и мне враг, не только тебе! — выкручивался Саид. — Ты не должен сомневаться в моей преданности. Привыкший к свободе, я бы и дня здесь не пробыл, если бы не решил служить тебе верой и правдой. Бежать-то от тебя ведь ничего не стоит. Я и не из таких ловушек уходил...

ПОКУПАТЕЛИ КОРАНА

Почтенные куймурцы теперь частенько приходили к слепому Ливинду посидеть, послушать, как Ника-Шапи читает удивительную книгу, поразмыслить и порассуждать о жизни.

Вот и сегодня собрались они, расселись в круг на балконе ветхой сакли Ливинда. Муумина подала им лесных груш и грецких орехов. Заодно принесла несколько небольших камней — колоть орехи.

Ника-Шапи день ото дня все больше увлекался чтением. Наблюдая, как радушно потчует их Муумина, старик словно бы специально открыл книгу на той самой странице, где говорилось о добрых, достойных хвалы горских обычаях.

— «Почтенный горец,— читал Ника-Шапи,— если тебя не поприветствовал чей-нибудь сын, будь он малым дитятей или взрослым мужчиной, останови его и сам поздоровайся. И если краска стыда ляжет на его лицо, значит, он понял свою ошибку. Но если он ничего не сумел понять, не забудь об этом случае и непременно сходи к его отцу, а нет отца — к старшему из родичей, и скажи о проступке сына. Стоит хоть в малом расслабить узду,— чего доброго, потеряем высокочтимое в наших горах уважение к старшему... И сын, и брат, и всякий младший при отце и при любом из старших по возрасту должен быть сдержанным и почтительным, готовым услужить. Ни курить, ни пить при старших не смеет малый. Суровой кары заслуживает нечистый на руку. Не подсудны лишь кража яблок из чужого сада и моркови с грядки соседа, да еще кража книги... Не подсудны, потому что в двух первых случаях это суть детское озорство, а утаившего чужую книгу не грех и поощрить, ибо, значит, он жаждет познания...»

Ника-Шапи, закашлявшись, прервал чтение. И затем с улыбкой сказал:

— Выходит, почтенные, я мог бы украсть эту мудрую книгу у нашего Ливинда, и вам ничего бы не оставалось, как похвалить меня за эдакое...

— Да, да! Выходит, что оно так...— заулыбались вокруг.— А ты что на это скажешь, Ливинд?

— Всё берите,— взмолился слепец,— только книгу оставьте мне!..

— Так уж и быть, Ливинд! — успокоил его Ника-Шапи. — Оно, конечно, хорошо, что кража книги не возвращается. Но дело не только в этом. Главная мысль здесь куда глубже. Смысл изречения в том, что всячески приветствуется стремление к знанию...

— Читай дальше, Ника-Шапи! — попросили вокруг. — Очень добрая книга. Не иначе, святой ее писал!..

Ника-Шапи перелистнул страницу, надкусил спелую, сочную грушу и снова углубился в чтение:

— «Прежде чем сесть за еду, соверши омовение, за хлеб-соль принимайся с именем аллаха на устах и при этом забудь обо всем злом. Пусть на душе у тебя будет светло и да не оскудеют твои закрома. И упаси тебя аллах, никогда не прикасайся к хлебу ножом. Ломай его руками, да так, чтобы все до единой крошки остались в твоих ладонях. И возблагодари при этом земледельца, подарившего тебе это добро»... Очень все хорошо сказано! — оторвавшись от книги, заметил Ника-Шапи.

— Что и говорить! Такую бы книгу да в каждый дом, чтобы люди с раннего детства учились по ней, как жить надо. Все бы тогда стали чище и благородней...

— Жаль, что она у нас одна...

Тихую беседу гостей Ливинда вдруг оборвал крик куймурского мангуша-глашатая Юхарана. Аульчане уж и не помнят, с каких оно пор, словно бы вечно — и при царе, и при Советах, и вот теперь, бог знает при ком — все новости им объявлял с верхней крыши все тот же Юхаран.

Слепой Ливинд всполошился, кликнул Муумину, что сидела поодаль и обшивала белый башлык серебристой тесьмой, остававшейся еще от матери. По всему видно, готовила подарок Хасану из Амузги.

— Сходи-ка, дочка, послушай, что там глашатай объявит, какую еще печаль обрушит на наши головы...

Муумина тотчас выбежала за ворота. Вернулась она очень скоро и рассказала, что Юхаран сообщил, будто у него в сакле остановились важные люди, которые скупают кораны. За книгу с медной застежкой обещают особо высокую плату.

— Пятнадцать баранов.

— Да это же целое богатство! — воскликнул слепой Ливинд. — Слышите, почтенные, — пятнадцать баранов!

И кончилась бы наша полунищенская жизнь за счет закнята!¹

— Так-то оно так! — закивал головой Ника-Шапи.

— А что, добрые люди, — с улыбкой спросил Ливинд, — уж не медная ли застежка на нашей книге?

— Медная, медная, отец! — выдохнула Муумина, опередив явно чем-то взволнованных куймурцев — гостей отца.

— Неужто, дочь моя! Может, на этот раз аллах смилостивился и правда ниспослал нам удачу?! Шутка ли, такое богатство — целых пятнадцать баранов! Пяток из них мы прирезали бы. Мяса хватило бы на всю зиму, а из шкур сшили бы новую шубу. Остальных десять можно сберечь, весной они приплод дадут, пусть каждая овца хоть по ягненку принесет, и то сколько добра! — размечтался Ливинд.

— И не жаль тебе такую книгу! — сказал один из гостей.

— Жаль-то оно, может, и очень жаль, — развел руками слепой Ливинд, — да ведь и дочку мне жаль. Посмотрите, в какую ветхость пришла моя сакля, того и гляди скоро совсем развалится. А Муумина уже, видите, совсем взрослая. К тому же и белый всадник объявился, скоро...

— Прости нас, Ливинд, — прервал излишние слезы хозяина Ника-Шапи, поднимаясь с места, — ты так нас раззадорил своими мечтами, захотелось и нам у себя дома посмотреть — не залежался ли и там коран с медной застежкой.

— И верно, надо и нам посмотреть, — всполошились все гости, — человек мечтает — судьба смеется!..

Куймурцы разошлись. Отец с дочкой остались одни.

— Где наша книга, Муумина? — спросил слепой Ливинд.

— Вот она, отец, у меня в руках.

— Та самая, по которой Ника-Шапи читал? Не подменили ли ее ненароком?

— Нет, отец, никто не подменил. Я как вошла, сразу взяла книгу у Ника-Шапи.

— Отнеси, доченька, ее тем людям. Хоть и очень мне жаль расставаться с такой мудрой книгой, но делать не-

¹ З а к н я т — пожертвования мечети в пользу нищих.

чего... Только бы она оказалась именно той, за которую хотят дать баранов!..

— А может, не надо этого делать, отец?..

— Как же не надо! Ведь если за нее и правда дадут столько добра, кончится наша бедность. И свадьбу тебе надо играть, приодеться тоже надо... Иди, дочка... Иди, а я буду молиться, чтоб книга наша оказалась той самой, за которую овец со двора Юхарана пригонят к нам.

— Хорошо, отец, я пойду!

— Смотри только, чтобы тебя не обманули. Боюсь я, как бы во всем этом подвоха какого-нибудь не было. За одну книгу и столько овец!.. Ну да ладно, иди.

— Иду, отец...

Муумина, с той поры как рассталась с Хасаном, очень переменилась. Теперь она все больше грустит. А как уйдет в лесок со своими четырьмя овечками, там, втайне от чужих глаз, чтоб подальше от недобрых речей, все упражняется в метании ножа. Раньше она бы ни за что не поверила, что это может быть так увлекательно. Наигравшись с ножом, Муумина прятала его в дупло дерева на опушке и снова задумывалась над тем, что ее ждет, шептала цветам и деревьям имя Хасана, напевала все одну и ту же печальную песню без слов. А то, бывало, сядет у речки и слушает ее неумолчное бормотание, горестно опустив голову. Дома тоже Муумина теперь была неразговорчива, и отец часто сетовал на ее молчаливость. Но потом она вдруг совсем неожиданно начинала вслух мечтать о будущем, обсуждать с отцом, как они заживут...

Словом, девушку будто кто подменил. В ней поселилось извечное чудо любви.

С прижатой к груди книгой Муумина побежала к сакле глашатая Юхарана, толстого старика с длинной седой бородой и вздутыми, как у зурнач, щеками. Он и в самом деле отменный зурнач, ни одна сельская свадьба без него не обходится.

Еще издали Муумина увидела, что у сакли Юхарана выстроилась длинная очередь, куймурцы решили попытать счастья — вытащили из сундуков всевозможные табтары¹.

Муумина сразу увидела Юхарана. Он стоял на бал-

¹ Табтар — книга.

коне второго этажа, у самой лестницы. А рядом топтались его щедрые кунаки. Овцы сгрудились во дворе под деревом. Муумина сначала не рассмотрела, кто эти люди. Но, приглядевшись попристальнее, она вдруг замерла. Нет, сомнения быть не могло. Подле Юхарана стояли те самые люди, которые пытались умыкнуть ее и от которых она спаслась благодаря Хасану!..

От ужаса Муумина побелела как полотно. Что же теперь делать?.. Ей стало ясно, что пришельцы ищут именно ту книгу, которую она сейчас держит в руках. Выходит, книга та представляет для них особую ценность. Не за медную же застежку злодеи готовы отвалить целых пятнадцать баранов? Не иначе, тут сокрыта какая-то тайна... И вдруг эта тайна связана с Хасаном? У Муумины с некоторых пор все думы о Хасане...

Девушка подняла глаза. По лестнице к Юхарану в этот миг поднимался Ника-Шапи. Он протянул потрепанную книгу. Застежка и на ней была медная, но...

— Нет, старик, не та у тебя книга,— покачал головой один из «искателей».

— Жаль,— с досадой проговорил Ника-Шапи. И вдруг, словно бы спохватившись, добавил: — Я, пожалуй, знаю, что вы ищете, и знаю, где это искать...

— Где? У кого?..

— У нашего слепца Ливинда. Очень мудрая книга. Я и сам с удовольствием ее читал...

— Как она могла попасть к слепому? — недоверчиво в два голоса спросили пришельцы.

— Не знаю, он говорит, что пророк ему ниспослал...

Муумина не слышала, о чем шла речь дальше. Она выбралась из толпы и бросилась бежать. Не ведая, куда и зачем она бежит, Муумина очнулась только там, где в тот раз укрывалась с Хасаном. Она теперь частенько забредала сюда, когда ей хотелось побыть одной. Сейчас Муумину привел сюда страх. «Нет,— решила она,— ни за что не отдам я им эту книгу! Ни за что!» И Муумина принялась палкой рыть между камнями яму. Вырыла, обложила ее сухим дерном, опустила книгу, прикрыла ее небольшим плоским камнем и засыпала яму. Осмотревшись вокруг и запомнив место, Муумина сровняла поверхность, завалила свежевзрыхленную землю камнями и только тут облегченно вздохнула. «Пусть теперь ищут!» — не без злорадства подумала девушка. В этот миг она была так

хороша — сними с нее головной платок, чуть обнажи шею, и впору воскликнуть: «Не с нее ли писал своих мадонн великий Рафаэль!» Само небо, сама природа, одарив ее небывалым неизбывным очарованием, словно бы дали людям повод для размышлений о сути прекрасного...

И ГРЯНУЛА БЕДА

Слепой Ливинд лежал на тахте у себя на балконе и тоже думал о том, что, видать, судьба ниспослала ему совсем не простую книгу, — а то, что люди искали именно его книгу, не вызывало у старика никакого сомнения, — и потому, надо полагать, ищут его коран, что уж очень мудростей в нем много. Вон уж сколько дней Ника-Шапи читает, а мудрости в книге все не иссякают. Сколько в ней житейских наставлений, необходимых для человека, не лишённого разума и способного взять то, что дает ему книга. «Лучший памятник отцу — его сын, — вспомнилось Ливинду изречение из книги, — но это не значит, что сын не должен заботиться о доброй памяти отца». «А есть ведь сыновья, — подумал слепой Ливинд, — когорые, если б знали, что отца постигнет неожиданно скорая смерть, променяли бы его на кисет махорки... Чего только в жизни не бывает...»

Много, очень много мудростей в книге с медной застежкой. «Если ты вернулся в аул из дальней поездки, — сказано в книге, — можешь, и за это никто тебя не осудит, не являться туда, где была радость рождения сына, радость свадьбы или суннат — праздник обрезания. Но явиться со словами сочувствия в дом, где прошлась своим черным крылом смерть или хвороба тяжкая кого ододела, — твой человеческий долг. В этом твое лицо. Ибо, запомни, есть сакли, где ни разу не гремела свадьба, но нет такой сакли, куда хотя бы единожды не заглядывало горе горькое».

Вспомнились слепому Ливинду и такие слова: «Ссориться или попросту пререкаться с женой недостойно носящего папаху. Но если все же случится, что трудно тебе будет избежать ссоры, и тогда сдержи себя: выйди к друзьям, отвлекись. А вернувшись в дом, не вспоминай о причине ссоры. Жена поймет и оценит твою сдержанность и впредь постарается не досаждать тебе...»

Чем больше вспоминал слепой Ливинд мудростей из

корана, тем горше делалась досада на то, что жизнь вынуждает его расстаться с такой книгой. Ну, а о том, что добрая эта книга может принести в его саклю горе и несчастье, Ливинд и помыслить не мог...

Неожиданный шум отвлек слепца от размышлений. На балкон поднялись Ника-Шапи и те двое, что прибыли за кораном. Это, понятно, были Аждар и Мирза, получившие от хозяина своего, Исмаила, двадцать пять овец на выкуп за коран и решившие десяток из них утаить для себя. Именно потому-то им особенно не терпелось найти злополучный коран с медной застежкой.

Ника-Шапи объяснил слепому Ливинду, кого и зачем он к нему привел, на что удивленный старик сказал:

— Так я же отправил к вам свою дочь с этой книгой!..

— Не было ее там,— развел руками Ника-Шапи,— я искал ее, даже по имени кликал, не отозвалась. А мне сдается, что эти люди ищут именно твою книгу...

— Откуда она к вам попала, почтенный?..— спросил Аждар, взяв при этом с блюда сразу четыре ореха и раздавив их в ладонях без особого усилия.

— Явился мне как-то ночью ангел и оставил в моем доме эту мудрейшую из книг,— ответил слепой Ливинд.

— И что он при этом сказал?

— Ничего.

— Странное дело. Явился, принес коран и, ничего не сказав, скрылся?.. А когда же это было?

— В ту ночь, наутро после которой у старой башни нашли убитых,— ответил за Ливинда Ника-Шапи.

Аждар с усмешкой тронул локтем в бок Мирзу, видишь, мол, как все получается.

— Муумина, наверно, вот-вот вернется,— сказал Ливинд,— возьмете тогда книгу и дадите мне обещанных овец, на том и разойдемся. А сейчас пока присаживайтесь, угощайтесь грушами и орехами. Дочка сама их в лесу собирала.

— Книгу мы у вас возьмем, почтенный, а овец вы не получите! — проговорил, как отрубил, Аждар.

— Это почему же? — встревожился Ливинд.— Как же так, вы ведь объявили через глашатая при всем народе? За что такая несправедливость? У мужчины двух слов не должно быть. Честность превыше всего.

— А разве это честно — выдумывать всякие небыли-

цы? Ангел, видите ли, принес ему коран. Присвоил ты, старик, чужую вещь, и все тут!

— Моя это книга, не чужая! — взмолился слепец, ругая себя в душе за то, что придумал сказку про ангела.

— Не твоя, а наша! Это на нас в ту ночь налетели бандиты у старой башни. Мы едва спаслись от них, а коран выростили. Там он и остался, у разрытой ямы, — на ходу придумал Аждар и, похлопав Мирзу по плечу, добавил: — Вот и свидетель мой. А у тебя есть свидетель? Кто видел твоего ангела?

— Никто... — растерянно промолвил слепой Ливинд.

— То-то же! Благодарю лучше аллаха, слепец, что мы не ославим тебя вором перед всем народом.

— Это клевета! Никакой я не вор. За всю свою жизнь к чужому пальцем не прикоснулся. Ника-Шапи подтвердит, что я говорю истинную правду!..

В то самое время не подозревающая о незваных гостях Муумина взбежала по лестнице, неся в руках плетеную корзиночку, полную ежевики, собранной с придорожных кустов.

Увидев ненавистные лица, Муумина отпрянула. Не меньше удивились и пришельцы, узнав в ней ту самую девушку, которую они тогда упустили у речки в камнях. И Аждар и Мирза — оба подошли к ней.

— Где книга? — жестко бросил Аждар.

— Какая книга? Я ничего не знаю! — на лице девушки было написано вполне искреннее недоумение.

— Слышишь ты, слепой, что говорит твоя дочь? Прикажи ей не медля, по-доброму отдать нам книгу, не то...

— О чем они, отец? О какой книге речь?

— Пусть подавятся ею, отдай, доченька, отдай! Не было в нашей сакле радости, и ждать ее теперь уже нечего. Такие-то вот злые люди всю жизнь не дают солнечному лучику проникнуть в наш дом, осчастливить...

— Отец, у меня нет никакой книги!..

— Ты разве не взяла ее с собой? Я ведь из-за нее и посылал тебя к Юхарану.

— Скажи им, дядя Ника-Шапи, что не было у нас другой книги! — взмолилась Муумина, выхватив у него из рук старенький истрепанный коран. — Скажи, ты ведь эту читал! Правда же?..

Муумина во что бы то ни стало хотела привлечь ста-

рика на свою сторону. Но тот, обомлев от страха, упорно молчал.

— Не дурачь нас. Признайся лучше, где книга? — Аждар свирепо глянул на нее, рукоятью плети приподнял за подбородок голову и, воззрившись в лицо девушки, теперь уж ничуть не сомневался, что она и верно та самая, которая тогда ускользнула от них.

— Говорю же, не знаю я, о какой книге речь. Нет у меня ничего.

— В последний раз говорю, отдай книгу! — заорал Аждар, да так, что старики от страха вздрогнули. — Не заставляй нас прибегать к жестокости.

— Делайте что хотите, нет у меня никакой книги! — продолжала стоять на своем Муумина.

— Ну что ж, если так, пойдешь с нами! — сказал Аждар, хлестнув плетью о ладонь левой руки. — Как, Мирза, возьмем? У Исмаила, я думаю, она заговорит, а?

— Никуда я не пойду! — Муумина рванулась, хотела выбежать, но ее схватили. Схватили белую куропаточку грубыми черными лапами.

— Ну нет, уж на этот раз ты от нас не уйдешь!

— Отец, что они делают! Ника-Шапи, скажи им...

— Правоверные, — вскричал слепой Ливинд, — прошу вас, пощадите нас, бедных, оставьте в покое, дочка, видно, потеряла книгу!.. Прошу вас, оставьте ее! Сжальтесь, прошу!..

Он поднялся и ощупью стал пробираться туда, откуда слышался голос дочери. Но Аждар оттолкнул его и со всей силой ударил по лицу, да так, что несчастный слепой отлетел, ударился головой об стену и словно обмяк.

— Отпустите меня, во имя аллаха. Умоляю вас! Отпустите! Люди, люди! Неужели вы не слышите? Помогите! — кричала Муумина.

Но никто не пришел ей на помощь, никто не заступился за бедную девушку. И слуги Исмаила увели ее. Потеряв последние силы, Муумина прибегла к единственной своей надежде: «Хасан из Амузги, — прошептала она, — я жду тебя!» Бедняжка и вправду верила, что, как по волшебству, вдруг появится на белом коне ее Хасан и сурово накажет злодеев. Уж на этот раз он не отпустит их. Но всадник не появлялся. Зато Мирза и Аждар, услышав ее мольбу, от души расхохотались.

— Мы и не знали, что так угодим тебе! — сказал

Мирза.— К нему и доставим. Если он, конечно, не болтается уже на веревке и вороны не выклевали ему глаза.

Поистине верно говорят: камень летит к груди камней, беда к тому, кто в беде...

Дорога казалась бесконечной. На первом же привале, глотая слезы, Муумина заговорила со своими мучителями.

— Прошу вас, вы все же люди! — взмолилась она. — Постарайтесь понять меня, представьте, что я сестра ваша и такая беззащитная. Разве вы, братья, позволили бы кому-нибудь так обращаться со своей сестрой? Вот у тебя, брат мой, — сказала она Аждару, — была магь, ты же любил ее?

— Я не помню свою мать.

— Ну сестра была!..

— Никого у меня не было.

— А у тебя, брат мой?

— У меня была... Сестра, — сказал Мирза. — На моих руках умерла. Оскорбил ее... мерзавец один. Но я отомстил ему! Жестоко!

— Ты очень ее любил?

— Она была у меня единственная...

— Ты должен понять меня, у тебя доброе сердце, раз ты любил. Вы оба видели моего отца. Он слепой, беспомощный. Без меня — как дитя без матери. Сжальтесь надо мной, отпустите. Будьте мне братьями, я молиться за вас стану, все грехи ваши перед богом возьму на себя! Милые, добрые! — Муумина говорила так, что и камень смягчился бы.

Мирза и верно прослезился. Он глянул на Аждара, словно бы говоря: «Будь человеком, давай отпустим несчастную».

— А что мы скажем этому?.. — будто прочитав его мысли, зло пробурчал Аждар.

— Скажем, не нашли, да и только! — обрадовался Мирза. — Давай отпустим ее?!

— Не поверит он. Говорил же, без книги не возвращайтесь...

— Давай и вернемся с книгой, возьмем у того старика коран. Скажем, этот и нашли. А другой ему нужен, пусть сам ищет!..

— Ну, а почему бы ей не признаться нам, куда она девала тот коран, что мы ищем?..

— Пусть в вас заговорит доброе, пощадите! Вы же храбрые и благородные, не отдавайте меня на растерзание дурным людям. Вы добрые, я верю. Эти люди сделали вас злыми...

Аждар и Мирза переглядывались. В них боролись жалость к этой беззащитной девушке и страх перед Исмаилом...

РЕШИМОСТЬ ПРИ ОПАСНОСТИ

Жители Талгинского хутора и приезжие из других сел стали свидетелями позорной расправы над Хасаном из Амузги. Только мало кто верил в то, что человек этот действительно Хасан. Все считали, что очумелый от злости Исмаил поймал первого попавшегося и выдал его за Хасана из Амузги, на страх всем своим врагам.

...Расправа была поистине чудовищной. Вот уже три дня подряд Хасана привязывали веревками из конского волоса к спине шелудивого осла и вывозили в село на позорище. Нате, мол, смотрите, каков он, Хасан из Амузги.

Весь в кровоподтеках и синяках, Хасан страдал не столько от физической боли, сколько от бессильной ярости. Глаза пылали ненавистью и досадой. Простить он себе не мог, что так глупо попался во вражьи силки. Ведь с легкостью мог бы бежать, спастись от позорного унижения...

В первый день кое-кто бросал в несчастную жертву камнями и всем, чем попало. На второй день этого уже почти никто не делал. А на третий люди с сожалением и сочувствием отворачивались...

Сегодня в качестве сопровождающего рядом шел, подгоняя осла, Саид Хелли-Пенжи.

— Ты хотел выдать меня Исмаилу? — спросил он.

— Напротив, своей откровенностью я рассчитывал расположить его и к себе и к тебе. Ну, а как теперь, ты все еще готов оказать мне услугу?

— Да, готов. Я ненавижу Исмаила и потому хочу помочь тебе!..

— Пожалуй, этому я могу поверить. Но что ты хо-

чешь в оплату за свои «заботы»? Даром-то ты ведь никому не служишь, ни черту, ни дьяволу?

— Сейчас бы ты мог обойтись и без упреков, черт возьми, жизнь ведь твоя на волоске! Исмаил сказал, что если ты еще сегодня не преклонишь перед ним колени с мольбой о прощении...

— Никогда этому не бывать!

— Имей терпение, дослушай. Тебя не убудет, а время выиграешь. Надо дотянуть до завтра. Ну, не на колени, так хоть признай его...

— И чем ты тогда поможешь мне?

— Друзья тебе помогут.

— Какие друзья?

— Сыновья Абу-Супьяна. Они здесь, поблизости, в окрестных лесах...

— Ах, вот как! А я-то думаю, что это с тобой. Теперь понятна твоя услужливость.

— Ну и понимай. Что верно, то верно, я боюсь их мести. Абу-Супьяна я не убивал. Помогу им спасти тебя, а ты спасешь меня!

— Что ж, давай попробуем,— сказал Хасан.— Веди осла к твоему Исмаилу.

— Сейчас время молигвы...

— Отвяжи меня, по крайней мере. И дай одеться...

— Смотри только глупостей не наделай.

— Мы теперь с тобой одной веревкой связаны, негодяй. Я в твоей власти, а ты — в моей. Будешь полезным, я, может, и прощу тебе все... И знай, слово Хасана из Амузги — верное.

— Потихе ты, нас могут подслушать! — взмолился Саид и шепотом добавил: — Я видел ту шкатулку. Исмаил прячет ее под подушкой.

— Мне нужен ключ.

— Постараюсь достать его. Но сейчас главное — спасти тебя.

И Саид Хелли-Пенжи, словно опомнившись, толкнул осла вперед и стал хлестать плетью Хасана. Делал он это с таким усердием, что Хасан, озверев от боли, все повторял про себя: «Ну и негодяй!» Однако сейчас Хасан готов был вынести и не такое, лишь бы удалось уйти, одурачить торжествующих врагов, подвергших его унижительному позору. Одурачить их и хоть одним глазом подсмотреть, как они при этом будут выглядеть!..

Хасана тем временем подстерегала еще одна неожиданная неприятность, которая любого другого на его месте сломила бы вконец... Страдая от унижения, он тем не менее не раз с чувством, близким к радости, думал, что, слава аллаху, Муумина, эта наивная, славная девушка, которой свет еще представляется в радужных красках, не видела его позора, не видела, как зло могут глумиться люди, подчинившиеся воле сильного, не видела, как бесноватая толпа с гиканьем кружилась вокруг него, забрасывала грязью...

Едва осел вошел во двор Исмаила и отвязанный Саидом Хасан малость пришел в себя, перед ним словно из-под земли вырос Ибрахим-бей.

— Ну, что скажет нам пленник? — злорадно полюбопытствовал он. — Надеюсь, твои люди теперь откажутся от тебя, если у них, конечно, есть головы на плечах. После такого позора ты уже не сможешь быть им полезным. — И, обернувшись к хозяину дома, добавил: — Что, Исмаил, может, отпустим его?

— Вытолкайте со двора, под зад коленом! — приказал своим людям Исмаил. — Пусть убирается на все четыре стороны. С человеком, перенесшим такой позор и оставшимся после этого жить, я словом не перемолвлюсь. Другой размозжил бы себе голову о стену, а он даже на это не способен!

— Никуда я отсюда не пойду! — твердо проговорил Хасан. Он понял, что его решили уничтожить — выведут за околицу и прикончат.

— Еще как пойдешь! Чего тебе здесь делать? Мне ты не нужен! — Губы Исмаила зло скривились.

— Тебе не нужен, может пригожусь турецкому эпсуру¹. Ибрахим-бей довольно улыбнулся, — мол, вот как спесь сбивают.

— Почисть-ка мои сапоги! — приказал он.

Хасан с подчеркнутой готовностью, поспешно вышел на террасу, отыскал сапоги, начистил их до блеска и вернулся в дом. Ибрахим-бей выставил ногу, — надевай, мол. Ничего не поделаешь, Хасану пришлось и с этим смириться. Но едва он стал натягивать сапог, турок вдруг принялся неистово бить Хасана этим самым сапогом прямо в лицо, в живот... Бил и все приговаривал:

¹ Э п с у р — офицер.

— Будешь еще хватать турецкого офицера за горло? Будешь?..

Хасан упал, изо рта его хлынула кровь, он застонал. А перед глазами вдруг возник отец, амузгинский кузнец Ибадаг. Ибадаг — это значит пророк. И он был пророком. В своем деле отец был искусней всех других мастеров. Он ковал особой прочности сабельные лезвия с чеканным изображением змеи на них, ковал и лезвия для кинжалов со звездой и полумесяцем. И не случайно, когда Ибадаг работал, сын — тогда еще юноша — всегда был при нем: сидя в седле на коне, он ждал мгновения, когда можно схватить раскаленную саблю за рукоять и умчаться, размахивая ею изо всех сил, — это придавало стали особую прочность.

«Хорошо, что отец не дожил до моего позора!» — подумалось Хасану... Пересиливая боль, он попытался подняться. В это время распахнулась дверь, и вернувшиеся из Куймура Аждар с Мирзой втолкнули в комнату девушку. Хасан встал. Не поверив глазам своим, он встряхнул головой. Перед ним была Муумина. Она бросилась к нему со слезами:

— Хасан! Хасан! Я же звала тебя! Почему ты не пришел?.. Они били меня! Спаси!..

Хасан еле держался на ногах.

— Муумина!..

О, если бы кто-нибудь видел лицо Хасана из Амузги в этот миг! Что только не пережил он. И стыд, и страх за это безвинное существо!.. Все перепугалось в нем.

— Хасан!

— Это еще что! — вскочив с места, подлетел к растерянным Аждару и Мирзе Исмаил. — Зачем вы привели сюда эту девчонку? И где то, что я от вас ждал?..

— Вот затем... мы и привели ее, — забормотали прислужники. — Она знает, где коран, но не говорит, уважаемый Исмаил.

— Кто она?

— Дочь одного куймурского слепца.

Исмаил рванул Муумину за руку. Девушка, жавшаяся к Хасану, не удержалась на ногах, оглетела и повалилась на тахту. И, тут же вскочив, взмолилась:

— Что вы хотите от меня? Я ничего не знаю. Никакого корана и в глаза не видала! Отпустите, люди добрые! — Муумина бросилась в ноги Ибрахим-бею: — От-

пустите меня! Дома слепой отец. Он совсем один, пропадет без моей помощи.

Ибрахим-бей поднял девушку, утер своим платком слезы на ее щеках и сладострастно воззрился на трепещущее от страха создание.

— Я и подумать не мог, что в этих суровых горах водятся такие чудесные цветы! — Турок крутанул ўс и добавил: — Это же сама гурия, суженая праведнику в раю после смерти! И откуда она такая взялась?

— Наш край не столь скуден, как тебе кажется, уважаемый Ибрахим-бей, — подобострастно склонился перед гостем Исмаил. — Что, нравится?

— Еще бы. Она достойна украсить гарем могущественного султана. Хвала ей!

— Что ж, по нашему обычаю, все, что ласкает глаз кунаку, принято дарить ему. Так тому и быть! Вот только вытянем из нее, где упрятана святая книга!..

Исмаил говорил, а сам торжествующе поглядывал на Хасана. Наконец-то этот человек покорен и к тому же, конечно, страдает из-за девушки. Это-то Исмаил понял сразу, и сейчас он с удовольствием делал свое любимое дело — добивал жертву.

— ...Валлах-биллах¹, эта девушка очень даже мила, — сказал он с похотливой ухмылочкой. — Ну, дочь моя, скажи, где находится коран с медной застежкой, и мы отпустим тебя...

— Не говори, Муумина! — крикнул Хасан. И голос его звучал так, словно требовал: «Умри, но молчи», а лицо выражало только одно: «Что будет, что будет с бедной девушкой?!»

— Уведите его! — приказал Исмаил. — Да смотрите в оба, чтоб не сбежал, он еще понадобится мне для потехи. А ты, Саид Хелли-Пенжи, останься здесь!

Хасан побледнел. Последнюю надежду на помощь он связывал с Саидом...

Аждар и Мирза вывели Хасана. Во дворе Хасан увидел своего белого коня: оседланный, со свисшей на землю уздечкой, словно бы только прискакал. Оно и верно. Бедный конь три дня искал хозяина, ждал его на окраине села. А как-то ночью еле спасся от волков и вот наконец забрел сюда.

¹ В а л л а х - б и л л а х — ей-богу.

Узнав хозяина, конь радостно заржал и стал отчаянно бить копытом о землю.

— Дайте с конем попрощаться,— сказал Хасан, зло глянув на Исмаиловых слуг. Он простить себе не мог, что в свое время не прикончил этих головорезов.

— Иди, иди! — подтолкнул его Аждар.

— Пусть попросается, видишь, конь как жалобно смотрит,— посочувствовал Мирза.

— Ну, ладно. Прощайся.

Хасан из Амузги подошел к коню. Тот заржал еще радостней и еще сильней забил копытом о землю. Хасан погладил его по шее, незаметно огляделся по сторонам и... «Другого такого случая не представится,— решил он,— терять нам с тобой нечего, мой верный друг, надо рискнуть!..» В мгновение ока Хасан взлетел в седло, на ходу рванул у турка-стражника винтовку и ураганным вихрем унесся в открытые ворота.

И такое тут поднялось, словами не передать. Началась пальба со всех сторон. Неистово ревел Исмаил. Готовый рвать на себе волосы, он что есть силы поочередно хлестал плетью то Аждара, то Мирзу, оставляя на их лицах кровавые рубцы. Похожий на разъяренного буйвола, Исмаил ничем не мог унять свой гнев. В его глубоко затаившиеся зрачки, не умеющие, как говорят горцы, улыбаться, выплеснулась вся необузданная жестокость убогой души.

— Стреляйте же! — кричал он.— Холодные кишки мертвой овцы! Всех по одному перебью! Во что бы то ни стало. Живым или мертвым приведите его ко мне, чтоб род ваш передох! Негодяи!

Выхватив из кобуры маузер, Исмаил разрядил его в Аждара. Мирза тем временем успел вскочить на коня и умчаться вслед за беглецом...

Хасан из Амузги держал путь в сторону водопада, к лесу, где, по словам Саида Хелли-Пенжи, были сыновья Абу-Супьяна. А погоня все ближе и ближе. Стреляют уже совсем рядом. И вдруг из лесу тоже раздались выстрелы. Хасан оглянулся и удивился: преследователи один за другим слетали с коней, ряды их редели. Вот уже только один продолжает погоню. Хасан разглядел — это Мирза. На скаку он выстрелил в Хасана. Пуля про-

жужжала над ухом. Хасан обернулся, прицелился и дал ответный выстрел. Мирза, словно бы напоролся на что-то, откинулся, слетел с коня, прокатился по земле и успокоился в выжженной солнцем траве, широко раскинув руки... А в лесу Хасана встретили друзья. И он, будто только и ждал этого мига, чтобы наконец расслабиться, потерял сознание. Его отвезли в Агач-аул, в саклю Мустафы, куда в тот же день прибыли посланцы комиссара Али-Баганда — его брат Муртуз-Али и Умар из Адага.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КОВАРСТВО БЕЗ ЛЮБВИ

Побег Хасана из Амузги надолго вывел Исмаила из равновесия.

А Саид Хелли-Пенжи был и ради не рад. Радовался он тому, что не оказался рядом с Исмаилом в минуту, когда гнев того достиг предела, — продырявил бы, как Аждара. А огорчало Саида то, что побегом своим Хасан из Амузги был обязан не ему, Саиду, и потому он опять же не избавлен от страха, что сыновья Абу-Супьяна рано или поздно расправятся с ним. Голова шла кругом, что предпринять. Не зря говорят горцы, что человек только тогда ощущает всю сладость жизни, когда над ним нависает угроза расставанья с ней. И Саид подумал о девушке из Куймура. Вот за чье спасение Хасан избавит его от страха!.. По приказу хозяина она заперта в дальней угловой комнатухе нижнего этажа. Саид сам ее запер, еще тогда, в суматохе, когда бежал Хасан...

Целый день Исмаил не находил себе места, ломал в злобе пальцы, поносил кого мог и в душе больше всех упрекал себя в том, что сразу не удушил большевика, послушался этого турка, который вообще-то изрядно ему надоед. Исмаил уже чувствовал, что Ибрахим-бей постепенно ведет себя в его доме совсем как хозяин. Кунак бывает кунаком три дня, говорят горцы. «А эту упрямую девчонку, — решил Исмаил, — я задержу у себя, будет приманкой для Хасана. Пока она здесь, он непременно объявится».

Солнце еще не скатилось за горы, когда к Ибрахим-бею прибыл гонец от командующего всеми вооруженны-

ми силами Дагестана — так называл себя некий Хакки-паша. Гонец передал приказ, которым Ибрахим-бею предписывалось на рассвете вместе с отрядом Исмаила выступить с юга на Шамиль-Калу¹ и изгнать оттуда бичераховцев.

— Слава аллаху,— воскликнул Ибрахим-бей,— наконец-то нам предстоит настоящее ратное дело! Слышишь, Исмаил, завтра выступаем на Шамиль-Калу, твои люди должны быть готовы.

— Я прикажу племяннику...

— Вели, чтобы всех хорошо накормили! Бой предстоит серьезный... Солдаты Бичерахова — это тебе не босые большевики с кинжалами. Они хорошо вооружены и испытаны в боях.

— Тем ожесточеннее мои люди будут воевать с ними. Объявим, что вся добыча им, и они пойдут в огонь и воду. Захватим город и дадим людям право сутки делать все, что захотят...

— А сегодня я бы предпочел отдохнуть. Надеюсь, что предоставишь мне возможность скоротать ночь с райской пташкой? — ухмыльнулся Ибрахим-бей.

— Имзешь в виду эту куймурскую красотку?

— Кого же еще?

— Что ж, давай. Но только не вздумай прикончить ее к рассвету, как некий падишах из сказки. Она еще мне нужна, с ней связана тайна.

— Может, мне попробовать потянуть ее за язык?..

— Это я сделаю сам.— И Исмаил кликнул Саида Хелли-Пенжи.— Где девушка? — спросил он, когда тот вошел.

— Там в угловой, внизу.

— Покорми ее и дай кувшин воды, а дочери моей скажи, чтоб придела девчонку. Как стемнеет, отведешь ее в тавхану²!

— Хорошо! — почтительно сказал Саид. Он понял, что девушке грозит бесчестье, а в таком случае ему не с чем будет предстать перед Хасаном из Амузги и вряд ли тогда удастся выскользнуть из рук сыновей Абу-Супьяна...

— Прости, что я тогда погорячился, ты, оказывается,

¹ Так турки называли город Порт-Петровск.

² Т а в х а н а — гостиная.

достоин уважения. Я, может, и в самом деле женю тебя на своей дочери...— Исмаил испытующе посмотрел в глаза Саиду.

«А почему бы мне и правда не жениться на пухленькой розовощекой дочери этого богатея? — подумалось Саиду. Но он тотчас отогнал эту мысль.— Э, нет, такой хомут не по моей шее, уважаемый Исмаил. Это похуже, чем водить по аулу осла с привязанным на нем человеком. Ты хитер, но не думай, что у других головы набиты соломой. Поживи, еще услышишь обо мне, дорогой тестюшка». Саид Хелли-Пенжи отнес девушке поесть и заодно повстречался с той, что хозяйин прочил ему в жены, со старшей дочерью Исмаила. И только тут Саид приметил, что она хоть и молода да румяна, а раскосая: один глаз, как говорят горцы, смотрит на море, другой в горы.

Саида неожиданно пронзила дерзкая мысль, от которой он чуть было не бросился в пляс: проникновенно посмотрев на зардевшуюся хозяйскую дочку, он зашептал ей в ухо:

— Подыщи во что бы нам переодеть пленницу и, как стемнеет, принеси в угловую комнату. Я там буду ждать тебя,— Саид многозначительно подмигнул девице. Она с готовностью опустила ресницы в знак согласия. Саид уже казался ей почти женихом. Девушка конечно же подслушала слова, сказанные отцом, и в душе не без радости согласилась с такой своей участью, сожалея только о том, что не тотчас все сделается. А ей ой как не терпелось стать женой этого пригожего парня. Саид пожал локоток своей предполагаемой невесты, и она, смущенно прикрываясь уголком головного платка, убежала...

Саид Хелли-Пенжи вошел к Муумине, положил перед ней на табурет хлеб, кусок мяса и кувшин с водою. Муумина посмотрела на него с испугом и мольбой...

— Не бойся меня, поешь,— ласково сказал Саид.

— Они убили его? — со слезами на глазах спросила Муумина.

— Кого? — не сразу понял Саид.— Ах, Хасана? Нет. А тех, которые тебя сюда привезли, сегодня похоронили. Ты не тревожься, Хасан на воле и ждет тебя! Белый конь его спас. Дьявольский конь!

— Разве меня выпустят отсюда?

— Я помогу тебе,— сказал Саид, приложив палец к губам, и как бы случайно спросил: — А ту книгу ты на самом деле нашла?

— Ничего я не находила...— настороженно посмотрев на Саида, ответила Муумина.— И не нужно мне никакой твоей помощи! Хасан сам спасет меня! Он же знает, что я здесь, у этих злых людей, обязательно спасет!

— Сегодня же ночью мы с тобой убежим отсюда!..

— Никуда я не убегу...— Она не могла верить человеку, который спрашивает о коране. Хасан ведь сказал ей, что об этой книге никому нельзя ни слова говорить. А этот спрашивает. Значит, тоже хочет обхитрить ее, выведать тайну...

Саид Хелли-Пенжи тем временем испугался, как бы упрямство этой девушки не расстроило его планов. Он не знал, как убедить ее, чтобы поверила и согласилась бежать. «Зачем я только заговорил о коране?!» — подосадовал Саид и снова повторил:

— Не бойся меня, поешь...

— Не хочу!

— Я принесу тебе мужскую одежду, ты переоденешься. Умеешь ездить на лошади?

— Да...

— Сегодня же ночью я обязан доставить тебя к Хасану. Я обещал ему!..

— Он просил тебя об этом? — уже с надеждой в голосе проговорила девушка.

— Да, просил.

— Это правда?

— Правда.

— Если ты обманешь, я убью тебя! — вдруг решительно сказала Муумина и, испугавшись своих слов, тут же поправилась: — Не я, конечно, но Хасан отомстит за меня!

— Согласен! Твой кинжал — моя шея. Идет?

— Ладно,— кивнула девушка.

— А теперь поешь. Голодная ведь...

— Очень,— и Муумина взяла хлеб...

Саид вышел.

Исмаил и Ибрахим-бей выстроили свои отряды на площади и проводили поверку. Тут же резали и освежевывали баранов, разжигали костры и варили в больших казанах мясо.

— В честь чего такой пир? — спросил Саид, подходя к одному из костров.

— И сам не понимаю,— сказал человек, разделявавший барана.— В бой надо голодных гнать, злее будут, а они зачем-то решили накормить людей.

— В какой бой?

— Завтра на рассвете выступаем на Шамиль-Калу, будем выбивать оттуда англичан. Потому сегодня и будет пир. Скрыга Исмаил зря не расщедрится.

— А что ему жалеть? Столько добра, на десять жизней хватит,— пожал плечами Саид Хелли-Пенжи.

— Ну, раньше, бывало, у него огня не выпросишь очаг запалить. Может, так и надо, может, это мы бережливость и расчетливость называем скупостью? Не знаю... Жизнь стала какая-то непонятная, все в ней кипит, как в котле. Где правый, а где неправый, не поймешь... Все говорят, дело идет к лучшему. А если завтра мне голову снесут, на черта мне тогда это лучше?

— Зачем же в таком случае ты идешь туда, где сносят головы?

— Что делать-то, когда голод из дому гонит, а нагота в дом. Долг я Исмаилу плачу — дал он мне три барана, прирезал я их, семью обеспечил, сыты будут, а я, если жив останусь, коня получу. Вот затем и иду, куда денешься. Каждому свое, а луковице слезы подавай.

— Незавидная доля, ничего не скажешь.

— Твоя-то завиднее? В холуях ходишь!

— Все мы холуи у времени, все на службе у обстоятельств.

— Вот я все и думаю, зря погибать не хочется. Знать бы, за что жизнь отдаешь? За три овцы вроде маловато. Съедят их мои домочадцы и снова станут бедствовать, особенно если меня не будет... Ясно хочется знать, чем все это кончится, есть ли надежда, что моей семье когда-нибудь станет лучше. Если бы верил в такое, и минуты не жалел бы свою жизнь...

— Подавайся тогда к большевикам, у них, говорят, все ясно...— поджав губы, процедил Саид Хелли-Пенжи.

— Да я и то думал. Пошел даже с ними весной. А вон как получилось, и лошадь потерял, и самого ранили... Землю они раздали всем, и мне досталось. Последние штаны продал, посеял. А большевики вдруг взяли да и ушли. Хозяин земли вернулся, и урожай теперь ему со-

бирать... Вот чем все это кончилось. Нищему и подвиг совершить трудно.

— Д-да, горькая у тебя судьба.

— Хуже не придумаешь. И ничего, по-моему, у нас не выйдет, пока один тянет туда, другой сюда, а третий еще куда-то, в другую сторону... Если бы все к одному шли, всем миром, тогда, может, и получилось бы.

— Вот ты и обрел ясный смысл, за это и борись! — ухмыльнулся Саид Хелли-Пенжи и зашагал вперед, к Исмаилу, увидев, как тот, заложив руки назад, важно расхаживает перед своими наемными людьми, объясняя им что-то значительное, верно уговаривал, как без размышлений надо сложить голову за Порт-Петровск.

Подойдя поближе, Саид услышал, о чем речь.

— ...Сегодня наш враг бичераховцы, чтоб их род передох! И мы будем их бить, как били всех, кто приходил к нам в горы с оружием! — говорил Исмаил с таким видом, будто он самолично не раз отражал нашествия многих иноземных армий.

В азарте он схватился за саблю, не свою, правда, а чужую, неизвестно как у него оказавшуюся (на ней была надпись: «Его В. Г. И. Всероссийский Николай I всемилостивейший пожаловал сию саблю Абу-Султану в 1829 г.»). Хотел Исмаил своей лихостью похвалиться, помахать над головами у людей, да сабля, оказалось, заржавела — лезвие осталось в ножнах, и только рукоять была зажата в поднятом кулаке. Исмаил побагровел от досады, а турецкий офицер с трудом удержался, чтобы не рассмеяться, только улыбнулся и глазами словно бы сказал: «Ну и дурак, только опозорился». Но это уже скорее просто показалось Исмаилу.

Сумерки сгустились, люди стали расходиться. Исмаил вернулся в дом вместе со своим кунаком и Саидом Хелли-Пенжи. Жена Исмаила приготовила добрый ужин — и пироги мясные, и пироги с тыквой, и плов с черносливом. Непривычная щедрость мужа, видно, передалась и ей, а может, она просто умнее и, понимая, что затея мужа ни к чему не приведет, решила, пусть, мол, добро в дело пойдет.

Саид Хелли-Пенжи не стал мешать беседе двух «военачальников». Улучив момент, он сходил к Муумине,

передал ей добытую раскосенькой Зейнаб мужскую одежду и велел, чтобы была готова. На обратном пути на балконе он снова столкнулся со своей «невестой», разодетой в новое платье — это мать ей сшила из ткани, подаренной Ибрахим-беем. Саид ущипнул ее, попытался обнять, она кокетливо повела плечами и ласково глянула на него, видишь, мол, я созрела, можешь сорвать меня, вкусную, спелую ягодку.

А в доме за ужином Исмаил уже совсем разошелся, выпил изрядно огненной воды, заодно и турка щедро угостил да все приговаривал:

— Пей, тебе сегодня предстоит нежить райскую птицу.

Он вроде бы завидовал турку и в душе упрекал себя, что уступил ему девушку. Она ведь из Куймура, славного красавицами, которым нет равных в нежности и белотелости лилейно-стройных станов.

Саид Хелли-Пенжи не зашел в дом. Он потянул за собой Зейнаб. Она для видимости засопровтивлялась, но тут же и подалась. Саид увел ее под лестницу... Девушка вся горела от предвкушения чего-то необычного — мужские руки касались ее впервые. Полная нетерпения, она вдруг спросила: «Что ты хочешь?» «Что я хочу?» — призадумался Саид Хелли-Пенжи. На миг ему стало жаль ее. Но только на миг. Такая уж у него натура — с легкостью делать дурное. Девчонка глупа и доверчива, ластится словно кошка, грех не воспользоваться этим. Саид прижал Зейнаб к груди. Стал целовать. Она попыталась высвободиться, но лишь для виду, а губами тоже тянулась к нему. Тянулась и горячо шептала:

— Нельзя ведь до свадьбы! стыдно...

— Ничего, сыграем и свадьбу. Ты уже мне жена и должна сегодня быть моей.

— Ой, что ты! — забилась у него в руках Зейнаб. — Давай подождем до свадьбы...

— Сегодня или никогда! — Саид, чтобы подзадорить ее, даже отстранился. — Не хочешь сейчас, а завтра меня, может, и вовсе не будет. Убьют или убегу. Ищи тогда себе мужа.

— Нет, нет! Тебя не убьют. Ты нужен мне. Ты останешься. Я... — Щеки у девушки запылали, она робко опустила ресницы.

— Пуля не спрашивает, нужен я тебе или нет. Зато

если ты сегодня станешь моей, я уж точно знаю, что останусь тогда живым и вернусь к тебе.

— Но я хоть маме скажу!.. — наивно проговорила Зейнаб.

— Да, да, иди! И отцу заодно скажи, дурища! — зло буркнул Саид.

— Ты не сердись. Ты... Ну хорошо! — с трудом вымолвила Зейнаб.

— Я сейчас отведу тебя в ту комнату, в тавхану. Жди меня там, как совсем стемнеет, приду.

— Но там спит наш гость?..

— Сегодня ему не до сна — завтра на рассвете выступаем в бой. У них с твоим отцом много дел. Поняла?

— Да. Но я боюсь...

— Не бойся, я буду с тобой. — И он потянул ее в тавхану. Усадил там на диван и ласково сказал: — Ты поплачь. Говорят, слезы девушки обернутся ей в радость, когда станет женой.

— Мне не хочется плакать, я сегодня такая счастливая! — Зейнаб прижалась к Саиду.

А он про себя подумал: «Ничего, еще поплачешь!» И собрался уходить.

— Ты скоро придешь?

— Скоро.

— Я буду ждать! А ты любишь меня? Ну ладно, не говори, я знаю... Только почему ты сердитый...

Саид Хелли-Пенжи уже не слушал ее. Он вышел, закрыл дверь, зажал ключ в кулаке и спустился с лестницы. Навстречу ему вывалились хмельные Исмаил и Ибрахим-бей.

— Ну я пошел, хи-хи! — многозначительно хмыкнул Ибрахим-бей, обнимая за плечи Исмаила.

— Эй ты, Саид Хелли-Пенжи! — крикнул Исмаил заплетающимся языком. — Отведи к нему эту стерву, чтоб род ее передох.

— Она уже в тавхане! — ответил Саид. Голос его дрогнул. «Не помешал бы мне этот пьянчуга сотворить задуманное».

— Какой предусмотрительный! — удивился Исмаил. — Молодец! А теперь на коня и проверь все посты! Понял? Потом доложишь мне! — Исмаил широко зевнул и, пошатываясь, направился к себе...

— Уважаемый Исмаил, разреши мне еще кого-нибудь прихватить с собой. Небезопасно одному...

— Возьми любого! — И Исмаил ушел. Ему свят свой очаг, а до горестей других дела нет.

Саид Хелли-Пенжи, предупредительно провожая Ибрахим-бея, шепнул ему:

— Ты огня не зажигай. Она уже там. Со светом хуже. Да действуй посмелее. Будет плакать, рваться, не обращай внимания...

— Не учи меня... Когда ты этим делам обучаться ехал, я с учебы возвращался. Иншаллах! — расхохотался турок, потирая руки в предвкушении удовольствия.

— Тихо ты... Не испугай райскую птичку... — Саид подвел турка к двери, отпер ее, втолкнул к бедной, охваченной трепетным ожиданием Зейнаб и, закрыв дверь на ключ, одним махом сбежал во двор. Вывел двух ранее оседланных лошадей и сходил за Мууминой. Переодетая, она ждала его. Саид помог девушке сесть в седло и, приказав ей не отставать, направил своего коня в сторону выхода к морю. Первый встречный постовой, ничего не заподозрив, пожелал им провести ночь без неприятных приключений и, сказав, чтобы проверили и самые дальние посты, пришпорил коня. Саид тоже рванул.

За ним следовала Муумина. Постовых Саид Хелли-Пенжи боялся меньше всего. Не встретить бы сыновей Абу-Супьяна, уж они-то не дадут ему исполнить задуманное. Раб своих инстинктов, Саид Хелли-Пенжи был способен и на добро и на зло. Все зависело от того, какие порывы двигали его изменчивой душой в ту или иную минуту, с какой силой воздействовали на струны его сердца удары желаний.

КОГДА СМЕЕТСЯ СУДЬБА

Исмаил, не раздеваясь, повалился на тахту и уснул. Встревоженная тем, что куда-то задевалась старшая дочь, которая и за плетень дворовый не часто выходила, жена Исмаила тщетно пыталась растолкать мужа, отправить его на поиски.

А Зейнаб между тем билась в лапах пьяного турка. Она сразу, едва тот подсел и протянул к ней руки, узнала, кто перед ней, и поняла, как жестоко обманул ее че-

ловек, которому она доверилась всем своим наивным девичьим сердцем. Зейнаб в ужасе рвалась, кричала, колотила кулачками в дверь, но все напрасно. Ибрахим-бей снова и снова бросал ее на тахту, она билась в его объятиях, как куропатка в когтях коршуна, до крови укусила его за руку, и тогда, озверев, он стал избивать ее. Зейнаб уже выбилась из сил и только жалобно стонала. Ее по-прежнему никто не слышал, а хоть бы и услышал, так едва ли пришел бы на помощь. Ведь все знали, что к турку на ночь должны привести бедную пленницу, вот бы и подумали, что это она кричит...

Зейнаб охрипла, свернулась как котенок и горько плакала. Турок тоже устал. Сердце тяжело ухало, на висках надулись вены, как-никак, а ему уж без малого пятьдесят... Убедившись, что девушка обессилела и сопротивляться, пожалуй, больше не будет, он разделся, подложил под голову подушку, лег рядом с ней, обнял за плечи и затих, выжидая, может, в ней проснется желание. А она вдруг отпрянула, снова вскочила, подбежала к двери и закричала: «Откройте! Мама, спаси меня! Мама!» Но крика не получилось. Зейнаб задохнулась — Ибрахим-бей вскочил, рванул девушку к себе, разодрал на ней платье, отбросил его в сторону, содрал и шаровары, и несчастная Зейнаб, неумело прикрывая наготу, опустилась на пол. Он поднял ее... и стал неистово целовать, потом понес на тахту и уложил, она еще билась у него в руках, но это были ее последние усилия, потом все задавило потное грубое мужское тело, волосатая грудь и руки...

Зейнаб больше не сопротивлялась, она стонала в беспамятстве. А он... огорошенный своей мужской беспомощностью, злой как зверь, юлой вертелся над целомудренным девичьим телом, осыпал жадными сладострастными поцелуями ее налитые нетронутые груди, шею, плечи, пока наконец не откинулся на спину и не забылся тяжелым сном...

Жена Исмаила, которая все еще тормозила мужа с лампой в руке, вдруг прислушалась к крику пленницы, что доносился из тавханы, и голос на миг показался ей знакомым. Но она и в мыслях не могла допустить, что это может быть ее Зейнаб, что благовоспитанный турецкий офицер, который не ровня ее неотесанному мужу, способен на такое в доме хозяина. На ее месте никакой

другой матери тоже не пришло бы в голову, что гость может допустить такое вероломство.

Исмаил наконец встряхнул голову, как лошадь на водопое, с трудом открыл глаза и приподнялся:

— Что такое, что случилось?

— «Что случилось», — передразнила его жена. — Тебя и пушечным выстрелом не разбудишь. И это в такое время, когда надо спать одним глазом, а другой чтоб бодрствовал. Дочь наша старшая потерялась, вот что случилось... Зейнаб не вернулась...

— И из-за этого ты меня разбудила, такой сон перебила, чтоб твой род передох! — И он уже снова хотел повернуться на другой бок, да жена ему не дала:

— Пойми ты наконец, пропала Зейнаб. Домой не вернулась, понимаешь?

— Куда она могла деться? — Тревога жены постепенно передавалась и ему.

— Жду, а ее нет.

— Куда она ушла?

— Если бы я знала!

— Может, у какой-нибудь подруги заночевала?..

— Да что ты говоришь? Какая еще подруга! Ты же знаешь, что она и за ворота не часто выходит. Да и нет у нее подруг!

— А может быть, может быть...

— Что может быть, говори же толком?

— Откуда я знаю, что может быть с твоими дочерьми, родила бы сыновей, не пришлось бы тревожиться.

— Да она же не только моя, но и твоя дочь, пойми ты!.. — Женщина заплакала, поставила лампу на каминную полочку и села на тахту.

— Может, она любовь с кем крутит? Неудивительно, парней кругом полно, а она уж в возраст вошла... — Исмаил, видно, и сам испугался своего предположения. Он вдруг схватился за голову: — Не дай бог такого позора, я ведь обещал отдать ее за Саида Хелли-Пенжи...

— Я уж ходила к нему, — сказала жена, — но его и самого нет.

— Похитил? Но зачем похищать, если я обещал отдать ему Зейнаб. Непонятно... Что-то здесь не то...

Первая от ужаса вскрикнула жена Исмаила. Небывалый страх охватил и его. Он оцепенел, не мог с места двинуться: через окно в комнату впрыгнул Хасан из

Амузги с наганами в обеих руках, а за ним сын Али-Шейха Мустафа, брат комиссара Али-Баганда Муртуз-Али и Умар из Адага.

— Тихо, без шума,— приказал Хасан из Амузги,—не то продырявим вас обоих насквозь! И отправитесь вы в рай, ходить голыми и есть райские яблочки...

— Я не ты, смерти не боюсь! — вдруг осмелев, закричал Исмаил.— Ах, жаль, поверил турку, не уничтожил тебя!

— Я кому сказал, тихо! Мне не до шуток! Где Муумина? Ты знай, Хасан из Амузги дважды кинжала из ножен не вынимает! Где Муумина?..

Едва придя в сознание в доме Али-Шейха, Хасан из Амузги заговорил только об одном, о том, что надо спасти Муумину. К счастью, на подмогу к нему прибыли от комиссара верные люди. Не открывая своих чувств, Хасан из Амузги сослался на то, что, мол, с именем этой девушки связана тайна исчезнувшего корана, и люди комиссара, не задумываясь, последовали за Хасаном...

К дому Исмаила они подошли со стороны крутого песчаного косогора, откуда никто никого ждать не мог. Стоявших на посту двух турок сняли без звука: закололи кинжалами. Подставили лестницу и подобрались к окну. А все эти ходы Хасан из Амузги запомнил, еще когда его водили на позор вокруг дома, заметил он и лестницу в огороде...

Хасан торопил друзей, боялся опоздать, он-то знал, что Муумину ждет насилие. Душа у него горела от боли. «Неужели не успею? — твердил он себе.— А еще хвалился, что спасу ее от всех бед!» Как назло, так долго молчит этот готовый лопнуть от страха каникус. Хасан притянул его к себе, встряхнул за грудки:

— Я тебя спрашиваю, где девушка?

— Она!.. Она!..— Как он мог сказать, где она? Но сказать надо. Эти люди не отстанут...— Она у Ибрахим-бея...

— Где? — вырвался крик у Хасана из Амузги.

— В тавхане!

— Веди меня туда. Да живо! Ты, Умар из Адага, останься здесь, остальные со мной! — И, подталкивая дрожащего Исмаила, Хасан вышел на балкон.— Ско-рее!

Он прижал к спине Исмаила дуло не знавшего осечки нагана.

Исмаил, поначалу на миг расхрабдившийся, только теперь по-настоящему оценив свое положение, потерял дар речи от страха. Он знал, что Хасан из Амузги явится за девушкой, знал, но не предполагал, что это случится так скоро, а потому не принял мер предосторожности, и теперь вот получай... Он послушно подвел не прошенных пришельцев к тавхане. Хасан из Амузги рванул к себе дверь, но она была заперта.

— Открывай! — закричал он.

— Изнутри, наверно, заперся! — проговорил Исмаил.

— Разбуди этого негодяя и вели, чтоб открыл. Только без шума, иначе рассвета ты не увидишь...

Исмаил подошел к двери и стал стучаться, тихо звать Ибрахим-бей. Голос у Исмаила срывался. Турок слишком долго не откликался, и тогда нетерпеливо забарабанил кулаками Хасан из Амузги. Ясное дело, свершилось то, чего он больше всего боялся. «Ну, держитесь, мерзавцы! Не будет вам от меня пощады!» — подумал про себя Хасан, а сердце выстукивало: «Муумина, Муумина!»

За дверью послышалась наконец какая-то возня. Затем кто-то хриплым голосом, вроде бы женским, взмолился:

— Не прикасайся ко мне!

И только после того Ибрахим-бей спросил:

— Кто там?

— Это я, уважаемый Ибрахим-бей, Исмаил...

— Что случилось?

— Дело есть, неотложное. Открой!

— У меня нет ключа, твой слуга запер меня, — сказал Ибрахим-бей. Он тем временем крепко держал девушку, прикрыв ей ладонью рот, чтобы не кричала.

— Надо ломать дверь! — бросил Хасан.

— Дайте-ка я... — Мустафа сын Али-Шейха рванул изо всей силы за ручку, дверь слетела с петель, и они ворвались в комнату.

Увидев в лунном свете неизвестных вооруженных людей, Ибрахим-бей выпустил из рук девушку. Нагая, она бросилась на колени и зарыдала.

— Муумина! — крикнул Хасан из Амузги. Девушка

вскочила, отбежала в угол и сжалась в комочек... Он подошел к ней: — Муумина!..

— Звери, звери, звери! Что вам нужно от меня?! — забившись в угол, вскричала девушка.

Это была не Муумина, это не ее голос, и лицо не ее. Тревога Хасана постепенно перешла в удивление, а удивление в недоумение.

— Это не она! — сказал Хасан из Амузги, обернувшись к Исмаилу, который стоял, как неживой, будто потолочная балка упала ему на голову и выбила всякое сознание.— Где Муумина?!

— Так это... же моя дочь?! Зейнаб! — Он кинулся к ней, она вскочила и ударила отца кулачками в грудь.

— Ненавижу тебя! — крикнула Зейнаб и бросилась вон из комнаты. И на миг наступила такая тишина, словно в арык с лягушками бросили камень.

— Ты, ты, мерзавец! — вдруг, очнувшись от оцепенения, взревел Исмаил и с пеной у рта бросился к столь им уважаемому кунаку.— Это же моя дочь, это Зейнаб, моя дочь!

— Откуда я знал! — вырвалось у обалдевшего Ибрахим-бея, который стоя в одном исподнем, в растерянности воздел к небу руки.

— Где Муумина? — грозно подступил Хасан из Амузги к турку, оттолкнув хозяина дома. Его вдруг пронзила мысль: «Неужели они убили ее?»

— Ко мне привели вот эту девушку. Саид Хелли-Пенжи привел. Когда я вошел сюда, она уже сидела на тахте, была ночь, я не разглядел!..— виновато проговорил турок.

Исмаилу было от чего рвать на себе волосы, ломать пальцы, кататься по полу в отчаянном припадке горя. Такое вовек не забудешь. Он понял наконец, что пригрел у себя на груди змею и она же его ужалила.

— Зарежу! Сдеру шкуру, а кости перемелю и на ветер пушу! — кричал Исмаил в истерике.

Хасан из Амузги долго не мог понять, что же произошло. Только когда Исмаил наконец злорадно прорычал: «Твою Муумину увел Саид Хелли-Пенжи! Он увел ее. Ха-ха-ха!» — только тогда до него дошел смысл всего случившегося, и теперь уже впору было смеяться Хасану из Амузги. Но он тут же заволновался, кто еще зна

ет, как поступит с Мууминой этот Саид Хелли-Пенжи. От него тоже добра не жди.

— Надо торопиться! — сказал Хасан.

А турок тем временем выскочил в окно. Но стрелять ему вслед никто не стал. Не до него было.

— А этого мы возьмем с собой! — кивнул Хасан на Исмаила.— Вставай-ка!

— Не надо, лучше здесь его прикончим! — запротестовал Муртуз-Али.

— Мерзавцы, негодяи! Да чтоб род ваш передох, думаете, я вас боюсь? Все равно умирать, стреляйте! — рванув ворот рубахи, вскочил Исмаил.— Стреляй, Хасан из Амузги, будь проклято твое появление на свет!

— Э, нет! Ты еще, почтенный, скажи мне, где шкатулку спрятал?

— Будьте вы прокляты, не видал я никакой шкатулки...

— Видал, и сейчас же скажешь, где она!

— Неужели Саид Хелли-Пенжи и ее стащил? — неожиданно вырвалась у Исмаила пронзившая его мысль.

— Вот видишь, оказывается, шкатулка у тебя! А ну, быстро, веди туда, где она есть.

Исмаилу больше ничего не оставалось. Он послушно побрел в ту комнату, где его застали ночные гости. Открыв дверцы стенного шкафчика, Исмаил увидел пустую полку.

— Он, он, все...— Исмаил обмяк и рухнул как подкошенный.

Во дворе раздались выстрелы. Хасан из Амузги и его люди выскочили в окно и по заросшей травой тропе, благополучно миновав преграды, скрылись. А в ущелье их ждали кони.

Хасан из Амузги хотел верить в лучшее. Он надеялся, что Саид Хелли-Пенжи сотворил все случившееся с намерением спасти Муумину и этим оправдать себя перед ним, Хасаном, чтобы потом просить его о посредничестве в улаживании отношений с сыновьями Абу-Супьяна. Однако тревога не оставляла его. Что, если этот вероломнейший из людей захватил с собой и шкатулку, и Муумину, которая знает, где находится коран, и постарается выпытать у нее все и сам распорядится тайной. Тогда и нынешнее рискованное предприятие ничуть не

приблизит их к цели. Высказать эту свою мысль друзьям Хасан не решился. Он, напротив, стал уверять, что Саид Хелли-Пенжи вот-вот самолично явится к нему.

КАК БЫ НЕ ОШИБИТЬСЯ

Саид Хелли-Пенжи не ожидал такой удачи. Он уже далеко отъехал от талгинских мест и, слава аллаху, не встретился с сыновьями Абу-Супьяна. «Неужели все позади?» — не верил он себе. И вдруг холодный рассудок перевернул в нем все, о чем он думал: «Зачем мне теперь Хасан из Амузги». Коварная мысль все крепла и крепла в его сумбурной голове. Он уже строил новые планы. Радовало то, что он сумел перехитрить всех. Недаром турок повторял: «Хитрость — великое оружие». От намерения появиться с Мууминой перед сыновьями Абу-Супьяна и перед Хасаном не осталось и следа. «Ведь если в тайнике золото, мне не страшны тогда ни сыновья Абу-Супьяна и ни этот дьявол Хасан из Амузги, — думал Саид Хелли-Пенжи. — Только бы завладеть со-держимым тайника, а уж распорядиться им будет совсем просто. Возьму эту славную куймурскую девушку и уеду с ней в чужие дальние края, в Мисри — Египет, например. Пусть они тогда ищут меня...» И Саид погнал коня в сторону родного аула этой девушки.

— Мы едем к Хасану? — спросила Муумина. Ею все больше и больше одолевали тревога и сомнение. Тот ли это человек, за которого она его приняла? Не ошиблась ли, доверившись ему?..

— Да, к Хасану, он ждет нас! — солгал Саид Хелли-Пенжи.

— А я бы хотела проведать отца... Что там с ним, с бедным? — робко сказала Муумина, даже не подозревая, как это ее желание на руку Саиду.

— Так мы туда и едем. В Куймур. Уже к вечеру ты будешь у отца.

— А как же Хасан из Амузги?..

— Он тоже должен быть там. Так он мне говорил, — еще с большей доверительностью сказал Саид Хелли-Пенжи.

А в душе он уже неотступно думал, как бы ему склонить девушку на свою сторону, как завоевать у нее расположение и доверие. Пока-то она вроде верит, но не-

известно, как еще поведет себя дальше?.. Да, он ехал с ней в Куймур. Ехал туда потому, что злополучный рукописный коран находится в том ауле.

У родника Саид остановил коня и спешился. Неподалеку молодой, в латаном бешмете, безоружный горец готовился к молитве. Он снял бешмет, расстелил его на траве, разулся, совершил омовение, после чего опустился на бешмет и, видимо вдруг позабыв, в какую сторону ему, правоверному, следует при этом обратить взор, спросил у Саида Хелли-Пенжи:

— Скажи, добрый человек, куда мне обратить взор при молитве, чтобы не ошибиться?

Саид Хелли-Пенжи взгляделся в него. Лицо этого человека показалось ему чем-то очень знакомым. Но вспомнить, кто он, Саид никак не мог. Да и мало ли людей, похожих друг на друга?

Человек повторил свой вопрос, и тогда Саид Хелли-Пенжи с усмешкой сказал:

— Чтобы не ошибиться, дорогой, обрати лучше свой взор туда, где ты разулся, туда, где лежит твоя обувь! Это я тебе по горькому опыту советую. Со мной бывало, когда обращал взоры к Каабе, неизвестно куда исчезала моя одежда, и мне приходилось продолжать путь босиком.

Незнакомец что-то недовольно буркнул, покачал головой и, может сам сообразив наконец, куда ему повернуться, быстро прочитал молитву, собрал свои вещи, перекинул через плечо хурджин и, тяжело опираясь на палку, зашагал дальше и скоро скрылся в лесу.

Стоял жаркий полдень, надо было напоить лошадей, да и самим немного передохнуть и успокоить во чреве голодного червя. Спешила и Муумина, выглядевшая в своей чуть мешковатой мужской одежде прекрасным юношей.

Здесь было так хорошо в этот полуденный час! От речки веяло прохладой. Трава все еще зеленела, речка чистая как слеза, полуразвалившаяся чаша родника, видно, совсем не присмотрена.

Похоже, что тропа теперь проходит очень далеко от этого родника, потому-то и решился Саид Хелли-Пенжи устроить здесь привал. Он достал из хурджина узелок, в который были завернуты зачерствевшие ломти чурека, брынза и небольшой кусок мяса: наверно, еще на-

кануне вечером получил все на ужин, на всякий случай запаса, и вот пригодилось. Саид разложил весь припас на камне у родника, поглядел на девушку в мужском обличье, подставившую под холодную прозрачно-чистую струю, что стекала с берестяного желобка, свои не знавшие поцелуя губы.

— А тебе идет этот наряд,— заметил Саид Хелли-Пенжи,— к нему бы еще усы и саблю — совсем сошла бы за настоящего джигита. Брат у тебя есть?

— Нет.

— А сестра?

— Никого нет, кроме слепого, беспомощного отца. Он сейчас, наверное, голодный, без меня за ним некому присмотреть.

— Я тоже, Муумина, один на свете. Всех родных — только тетка-старуха, совсем бедная, живет в далеком ауле Нахка. Вот уже четыре года, как я не видал ее. Не знаю даже, жива ли, нет ли.

— Так почему же ты ее не проведаешь?

— Жизнь у меня такая. Совсем закрутила. Поехал добра искать по свету...

— И как, нашел?

— Пока нет. Но надежды не теряю. Верю, что не сегодня, так завтра найду. Вот тогда и обрадую свою тетку. Знаешь, я поклялся ей, что вернусь богатым и веселым.

— Да поможет тебе аллах!..

— Будем надеяться. А пока давай-ка присаживайся, перекуси.

— Не хочется мне...

— Дорога у нас с тобой еще долгая, обязательно надо поесть, чурек зачерствел, но его можно размочить водой.

— И неужели всегда так будет на свете? — то ли про себя, то ли обращаясь к спутнику, проговорила Муумина.

— Что будет так?

— Жизнь. Неужели она всегда будет такая? Люди ненавидят друг друга, убивают, оскорбляют, унижают. И все больше бедных, беспомощных...

— Что и говорить, это ужасно... А ты хотела бы быть богатой, Муумина?

— Не знаю...

— Ну что бы тебе хотелось?

— Чтобы сбылась моя сказка.

— А ты, выходит, мечтательница? Только какие же сказки... Жизнь так завертела, не знаешь, куда податься.

— Все уже чуть не сбылось, но злые люди вдруг помешали!..

— Ты у отца одна, а я у тетки один. Мне бы ничего больше не хотелось, Муумина, вот только этот клочок земли, с этим родником, и чтобы никого вокруг не было... Ты и я... И привезли бы мы еще стариков да зажили, лучше некуда...

— О чем это ты? — удивленно и даже испуганно спросила Муумина.

Она посмотрела на него, и по губам ее невольно прошла тень презрительной улыбки: где ему выдержать сравнение с вечной мечтой Муумины, с белым всадником. Саиду стало не по себе от ее взгляда. Он невольно отвел глаза, а про себя подумал: «И чего я так робею перед этой девчонкой?»

— Спокойной жизни мне хочется! — проговорил он уже вслух.

А в душе Саид стал досадовать. Уж очень неподатлива эта куймурская красавица. Ни на чем с ней не поладишь, сразу настораживается и, словно еж, выпускает колючки. Ни про коран ни слова не выбьешь, ни от мыслей о Хасане не отвлечешь. Под личиной кажущейся сдержанности и покорности в этой дикарке таится великая решительность и готовность к действию, которые только ждут своего часа, чтобы выплеснуться наружу.

— Нам пора ехать! — сказала она и, вскочив на коня, медленно двинулась вперед.

— Постой, я сейчас! — Саид Хелли-Пенжи быстро все собрал, уложил в хурджин и нагнал ее. — Ты права. Нам лучше засветло добраться до Куймура. И отца твоего поскорее обрадуем.

— Бедный, он, наверное, не знает, что и подумать обо мне, не ведает, как злодеи со мной обошлись!..

— А что, если и я окажусь злодеем? — вдруг выпалил Саид Хелли-Пенжи. Душа его наполнилась противоречиями.

— Нет! Ты не можешь быть злодеем. Ты мне как брат. У меня ведь нет брата, а у тебя нет сестры... —

очень искренне сказала Муумина и, посмотрев на него, добавила: — Если бы я не поверила тебе, ни за что бы не поехала.

— А все-таки я еду с тобой, а на уме у меня одно... Ну, да ладно, шайтан с ними, с моими мыслями! — Саид уже чуть было не раскрыл себя, подумал, пусть, мол, знает, чего я от нее хочу, но почему-то вдруг сдержался и, изо всех силогрев плетью коня, рванулся вперед, за ним понесся и конь Муумины. Спустя немного Саид остановился и подождал, пока девушка подъехала к нему.

— Ты очень наивна, ты доверчива, ты... — он не договорил.

— Скажи! Скажи, брат мой, все, что ты думаешь, все, что у тебя на уме. Я знаю, те изверги хотели меня растерзать. Ты спас меня, но если тебе хочется моей смерти, если это даст тебе желанный покой и поможет встретиться с твоей старушкой теткой, — поступай как знаешь, как сердце тебе повелит!..

— Тебе известно, где книга с медной застежкой? — вместо ответа спросил Саид Хелли-Пенжи.

— Да, я ее спрятала, — гордо сказала Муумина.

— До сих пор ты утверждала, что ничего о ней не знаешь?

— Ну, а теперь вот сказала правду.

— Где же книга? — хмуро глянув на Муумину, промолвил Саид.

— Я ее спрятала.

— И ты знаешь тайну, связанную с ней?

— Тайны не знаю. Но знаю, что это очень мудрая книга, что в ней все-все написано. Написано, что человек рожден для счастья, что люди должны жить на земле, как братья, делать друг другу только приятное и доброе...

— Муумина, послушай!.. — И Саид рассказал ей о том, что случилось с ним в злополучную ночь у старой башни, близ Куймура...

— Эта шкатулка сейчас у меня, — закончил он. — В ней есть ключ, а от каких он замков, этот ключ, написано в той книге, которую ты спрятала... Вот и рассуди сама...

— Я понимаю тебя, ты спас меня, чтобы завладеть книгой...

— Чтобы завладеть тобой и тайной о том, где хранится богатство. Тогда мы оба станем богатыми, Муумина! И я увезу тебя в сказочный мир...

— Я уже сказала, Саид Хелли-Пенжи, поступай, как велит тебе сердце...— И впервые девушка пожалела, что не носила с собой нож, подаренный ей Хасаном из Амузги.

— Скажи, где ты спрятала книгу?

— Нет, этого я тебе никогда не скажу! — необычно суровым тоном проговорила она.

— Почему?

— Потому что белый всадник велел мне молчать! До этого запрета я не знала, что книга чем-то связана с именем Хасана и что в ней скрыта тайна. Теперь, когда я вижу, как все, и ты тоже, хотят завладеть книгой, я особенно поняла, как важно сохранить ее для Хасана... Будь по-твоему, брат мой, я понимаю, что ты обманешь меня, ну и что ж...— Она горько вздохнула.— Я беззащитна. Расправиться со мной куда легче, чем убить птицу.

— Разжалобить меня хочешь? «Брат мой»! — не без иронии сказал Саид, хотя слова, с которыми к нему никогда и никто не обращался, отозвались в его душе невольным теплом. Но Саид не дал себе расслабиться. В глазах его вспыхнули злые огоньки.

— Я заставлю тебя сказать, где ты спрятала книгу! — и он взмахнул плетью над ее головой...

Муумина глазом не повела. Она смело и гордо смотрела ему в лицо и готова была на смерть. И вдруг как гром прогремел.

— Не тронь! — раздался чей-то грозный голос, и откуда ни возмись из зарослей выскочили с разных сторон четыре всадника. Огорошенный неожиданным окриком, Саид Хелли-Пенжи медленно опустил руку с плетью. Будь он мудрее, ему бы не следовало забывать, что смерть идет за ним по пятам.

Перед ним предстали сыновья Абу-Супьяна. Саид даже не потянулся к оружию, застыл на коне как изваяние, угрюмо насупившись, опустил голову и положил обе руки на переднюю луку.

Муумина ничего не понимала. Кто эти люди? Какие-то новые злодеи? Лесные братья — качаги?..

— Вот и настал твой час, Саид Хелли-Пенжи! — по-

слышался глухой голос, будто донесшийся откуда-то из неведомой дали.

— Братья! — заговорил один из четырех всадников, тот, что помоложе других — почти юноша. Сейчас он очень походил на Муумину в ее мужском одеянии... — Братья мои, я младший из вас, знаю, ваш гнев не меньше моего, но позвольте мне сразиться с врагом нашего рода один на один! Прошу!..

— Самому младшему — последнее слово, таков наш обычай, и не нам его нарушать. Я — старший. И после смерти отца все его долги на земле первым платить мне. С убийцей отца рассчитаюсь я! Слезай с коня, Саид Хелли-Пенжи, вызываю тебя на кинжальный бой! — Назвавшийся старшим легко и пружинисто спешился, отложил в сторону винтовку, отвязал пояс с пистолетом и кинжалом, вынул из ножен кинжал с блестящим лезвием и рукояткою слоновой кости... — Я жду тебя, храбрый против стариков и детей! — Под детьми он, как видно, подразумевал Муумину, приняв ее за юношу.

А Муумина между тем не могла глазам своим поверить, как вдруг изменился Саид Хелли-Пенжи. Лицо его сделалось саванно-белым. Он медленно сошел с коня и, не поднимая глаз, дрожащим голосом взмолился:

— Выслушайте меня, достойные сыны почтенного отца!..

— Хватит с нас. По горло сыты твоими лживыми речами, подлец! — вскричал один из братьев.

— Но перед смертью ведь каждому дается право сказать свое последнее слово?

— Говори, только покороче!

— Во-первых, сейчас вы застигли меня на том, что я выполняю задание Хасана из Амузги... — начал Саид Хелли-Пенжи. — Это связано с тайной, ключ к которой он тщетно ищет. Я выкрал у коварного Исмаила шкапулку. Мне думается, в ней-то и скрыта разгадка тайны. Не случайно же Хасан из Амузги так просил меня добыть ее. Во-вторых, в руки к тому же Исмаилу каким-то образом попала девушка из Куймура по имени Муумина... — Он поднял голову и с мольбой посмотрел на Муумину, словно бы просил не предавать его. Братья тоже глянули на нее, только теперь поняв, что перед ними вовсе и не юноша. — Исмаил и Ибрахим-бей этой же ночью истерзали бы несчастную, но я спас ее... — про-

должал Саид.— Между прочим, она невеста Хасана из Амузги.

Щеки у девушки загорелись, ее будто ожгло стыдом, хотя слышать такое для Муумины было очень приятно.

— ...Прошу вас, поверьте! Если не мне, то хотя бы девушке. Она подтвердит, что это я достал ей мужскую одежду и провел мимо всех Исмаиловых дозорных...

Муумина слушала его и думала, какой же у него змеиный язык. И ведь она чуть не доверилась такому извергу...

Братья не перебивали Саида, хотя с их лиц не сходила ироническая усмешка: мол, если надеешься и на сей раз ускользнуть, это не удастся.

А Саид немного пришел в себя и продолжал уже почти без страха:

— На мне долг — я обязан, как обещал, доставить к Хасану из Амузги шкатулку и эту вот девушку...— Он помолчал.

Лица братьев сделались грозными и угрюмыми. И Саида вдруг снова прошиб холодный пот. Воздев руки к небу, он грохнулся на колени и запричитал:

— Всемогущий аллах, ты один лишь свидетель, что я не убивал почтенного Абу-Супьяна. Вразуми их поверить мне!..

— Вставай, гнусное животное! Этими мольбами ты нас не разжалобишь. Поднимайся!

— Я же говорю вам истинную правду! Поверьте мне!

— Вставай и обнажи кинжал!

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Никуда я от вас не денусь. От судьбы не уйдешь. Но прежде выслушайте, что скажет Хасан из Амузги...— И он так молил, что добрая Муумина вдруг пожалела его. Какой бы ни был, но человек ведь! И конечно же ему тоже не хочется умирать... Она уж подумала, не попросить ли ей всадников сжалиться над ним?..

— Хасан из Амузги наш молочный брат,— сказал старший из братьев,— но в этом деле мы советуемся только со своей совестью.

— Вставай, пока мы не прикончили тебя, как ползучего гада!— Один из четверых хотел поднять его, но Саид подполз на четвереньках к коню Муумины.

— Что же ты молчишь? — вскричал он. — Скажи им, пусть пощадят меня до встречи с Хасаном, я рабом твоим буду. До встречи, а потом пусть...

— Что скажешь, сестра наша? — спросил старший, тот, что стоял с обнаженным кинжалом в руке.

— Что я могу сказать, братья мои? Если он на самом деле повинен в смерти вашего отца, он должен принять смерть! — Муумина посмотрела на Саида, лицо его исказил ужас. — Но он утверждает, что не убивал. Вдруг это так? Не берите на свои души грех. Пусть будет, как он просит. С присущим вам великодушием исполните его последнее желание, дайте встретиться с Хасаном из Амузги, может, это и вам принесет ясность...

— Что ж, быть по-твоему! — Братья поговорили между собой, после недолгих споров и пререканий они решили послушать совета девушки. — Могила нашего отца жаждет, чтобы мы окропили ее кровью наглого убийцы. Так оно и будет! А сейчас поехали!

ГНЕВ, РОЖДАЮЩИЙ БЕЗУМИЕ

Исмаил пришел в себя. На тахте рядом с ним, съевшись, сидела сломленная обрушившимся на них оскорблением его жена. Кто бы мог предположить, что этот изверг так трагически воспримет позор своей дочери. За несколько часов он постарел на десять лет. В уголках глаз углубились веером расползшиеся морщины, и в самих глазах-то вдруг появилось что-то человеческое! Как святыню оберегал он свой очаг и не задумывался, что вокруг рушится мир старых представлений и что эта разрушительная сила может коснуться и его очага. И вот порвалось звено в той цепи, что прочно сковывала его привычные взгляды...

А по комнате, скрипя сапогами, расхаживал готовый к походу Ибрахим-бей. Заложив руки за спину, он держался так, будто ничего и не произошло.

Исмаил не сразу сообразил, кто перед ним. Но поняв, что это турок, он вскочил с тахты, похлопал себя по бокам, но при нем, увы, не было ни кинжала, ни маузера, которым он так гордился...

— Застрелю подлеца! — взревел он и кинулся с голыми руками на Ибрахим-бея, но тот вмиг скрутил ему

за спиной руки. От гнева у Исмаила вздулись вены на висках.

— Остуди свой рассудок, почтенный!

— Подлец! Я принял тебя, приютил, оказал почет и уважение, а ты здесь же, в моем доме...

— Ты должен благодарить меня.

— За что еще? Не за то ли, что дочь мою обесчестил?

— Не велика цена дочери, которую ты готов был выдать за этого сына дьявола,— сказал Ибрахим-бей, имея в виду Саида Хелли-Пенжи.— А меня ты должен благодарить за то, что я избавил тебя от комиссаров...

— Где они? Их поймали?— Только сейчас Исмаил вспомнил, что Хасан из Амузги и его люди знают о его, Исмаила, позоре.

— К сожалению, нет. Они успели скрыться. Хотели, кстати, и тебя прихватить...

— Да, муж мой,— вспомнила жена Исмаила,— они и верно хотели увести тебя с собой, а он...— она кивнула на турка,— подоспел со своими людьми, вот ты и дома...

— А где моя несчастная дочь?— спросил Исмаил.

— Я старалась ее успокоить, но она все плачет, там в другой комнате...

— Как же ты мог не отличить мою дочь от той стервы?!— ломая пальцы, проговорил Исмаил, и самому эти слова показались странными.— Какой позор! Какой позор!..

— Скоро рассвет, нам пора собираться...— Ибрахим-бей никак не хотел признаваться в своем мужском бесилии, в том, что дочь их, Зейнаб, цела и невредима. Какой смысл? Для горянки великое бесчестье и в том, что побывала в руках мужчины.— Скоро рассвет, пора в путь...

— Плевать я хотел на твой рассвет!— крикнул Исмаил.

— Это приказ не только генерала Хакки-паши...

— Плевал я и на вашего генерала и на...

— Это приказ Горского правительства.

— На всех я плевал. Мое правительство— это я. Понял? Эй, жена!— обратился он к покорной подруге жизни.— Позови-ка сюда муллу и командира моего, племянника!..

Женщина вышла.

— Это еще зачем?— удивился Ибрахим-бей.

— Не хочу встречать рассвет опозоренным, сейчас же женишься на моей дочери!

— Ты в своем уме? Бой на носу, неизвестно еще, останемся мы живы или нет...

— Тем более!

— Но у меня есть жена, и дети есть.

— Ничего, не беда! Будет две жены!

— Но я не хочу жениться на твоей дочери!

— Ты не хочешь смыть оскорбление, что нанес мне?

— Не хочу.

— В таком случае я вызываю тебя на бой! Ты мой первый враг, личный враг! У меня двести человек, у тебя и восьмидесяти нет, и мы посмотрим, кто кого...

— Ты сошел с ума! — Ибрахим-бей был похож сейчас на того бычка, которого вели кастрировать,— бычок думал, его резать собираются, и когда люди повалили несчастного наземь и стали возиться не там, где следовало, бычок, говорят, возопил человеческим голосом: «Что вы делаете, шея у меня в другом месте!»

— Напротив, я очень даже поумнел!— Исмаил повернулся к двери, услышав, что вошел его племянник Сулейман, бывший царский офицер.— Сын мой, случилась беда! Этот негодяй, этот турок обесчестил твою сестру и теперь отказывается на ней жениться... Я объявляю ему бой, подними всех людей, я хочу быть честным!— И он сверкнул глазами на Ибрахим-бея:— Прикажи и ты своим, чтобы были готовы...

Ибрахим-бей стал молить Сулеймана ничего не предпринимать, но тот был полон решимости. Его с первых же дней бесило присутствие наглого турка.

Явился в сопровождении жены Исмаила и старик дибир — духовный судья. Входя в дом, он спросил:

— Чем я могу служить тебе, Исмаил, в такой поздний час?

— Этот «кунак»...— зло бросил Исмаил,— явился к нам и хочет жить по своему аршину. А у нас свои обычаи, и он должен им подчиниться!..

Исмаил объяснил служителю мечети, почему его беспокоили.

— Тревожные настали дни...— хмуро проговорил ди-

бир, почесывая голову под чалмой,— у всех теперь свои аршины.

Ибрахим-бей не знал, как же ему поступить в этих более чем странных обстоятельствах. Размышляй не размышляй, а другого выхода нет, придется соглашаться, иначе, он знал, не сносить ему головы. Исмаил как раненый зверь, в нем сейчас бушует поток оскорбленных чувств, и в слепом гневe он готов на все.

— Хорошо, я согласен жениться! — заявил наконец Ибрахим-бей.

— Позови и своего свидетеля! — властно приказал Исмаил.

Сейчас он почувствовал себя, как полководец, выигравший тяжелый бой. В душе он даже считал, что это, пожалуй, честь иметь такого зятя. Как-никак турецкий офицер. К тому же еще неизвестно, чем вся эта свара закончится. Если дело повернется к худшему, смекнул толстосум,— не такой уж у него куцый ум, как думают многие,— то он, чего доброго, подастся в Турцию, под крылышко к родственнику. Ну, а если этому зятю не суждено будет остаться в живых, и то не беда. У него ведь есть родичи, они приютят. Исмаил вмиг все обдумал.

Ибрахим-бей вызвал своего доверенного человека — это был лекарь его сотни. Прежде чем приступить к шариатскому обряду, Исмаил повелел жене привести и дочь. Все притихли в ожидании свершения обряда. Тишину эту вдруг прорезал отчаянный крик жены Исмаила. Все выбежали. Дверь в ту комнату, где находилась несчастная Зейнаб, была открыта. Мать рвала на себе волосы, царапала лицо, а дочь... висела в петле, переброшенной через балку в потолке,— не вынесла бедная девушка позора. Ибрахим-бей в душе поблагодарил покойницу за то, что избавила его от насильственной женитьбы.

А в это время рассвет рождал новый день, ждать больше не имело смысла, и Ибрахим-бей, выразив Исмаилу свое сочувствие, добавил:

— Мне пора, человек я военный и обязан подчиниться приказу.

— Ты убил мою дочь и сейчас хочешь устроиться? — рассвирепел Исмаил.— И это называется единством! Да ты хуже любого гяура!

— Ну хватит. Я должен выступить со своими людьми! — Ибрахим-бей направился к лестнице.

— Объяви всем, — приказал Исмаил своему племяннику Сулейману, — чтобы ни единого турка не выпустили отсюда. Да пусть еще и разоружат их!

— Будет исполнено! — с горячностью отозвался бывший царский офицер.

— А этого мерзавца арестовать! — добавил Исмаил. — Голова у него не с того конца подрублена, надо подправить дело!

Ибрахим-бей и его лекарь, не оглядываясь, ускорили шаг. Они спешили присоединиться к своим аскерам, которые уже свернули палатки, навьючили лошадей и ждали распоряжений.

Сулейман нагнал их и подчеркнуто вежливо попросил сдать оружие. Ибрахим-бей показал бы этому царскому офицеру, как турки сдают оружие, но трезвый рассудок подсказал ему, что в данных обстоятельствах лучше уступить. Эх, если бы он подоспел к своим бойцам и они были бы уже на конях, Ибрахим-бей знал бы, что ему делать! Но он опоздал... Не предугадал, что этот негодяй Исмаил может такое выкинуть.

— По какому это праву? — попробовал было воспротивиться Ибрахим-бей. — Оружие дано мне моей страной, и посланы мы сюда для борьбы с иноверцами, в ваших же интересах. Если вам не по пути с нами в этой священной войне, мы вас не насилуем, но не мешайте нам сложить свои головы в правом бою сегодня...

— Сдать оружие! — словно бы не слыша его, повторил Сулейман и, расстегнув кобуру из блестящей желтой кожи, достал наган, велел объявить тревогу, поднять всех талгинцев и снова обратился к турку: — Заруби себе на носу: ни один турецкий солдат не покинет хутора без особого на то распоряжения Исмаила...

— Вы с ума сошли с вашим Исмаилом! Еще ответите за самочинство перед Горским правительством. Даром вам это не пройдет! Вы... вы нарушили приказ!.. — скрежетал зубами Ибрахим-бей, вынужденный подчиниться слепой воле вчерашнего своего «кунака», безмозглого «правителя» вонючей долины Талги.

Он сдал оружие, и лекарь сдал свой пистолет, после чего Сулейман отвел их обратно в дом и запер в

ту комнату на нижнем этаже, где накануне держали Муумину. Затем Сулейман рьяно взялся разоружать турецких аскеров, хотя понимал, что это уже совершится не столь безболезненно. Но он надеялся на силу и численное превосходство своих людей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПУТИ-ДОРОГИ, ТРОПИНКИ УЗКИЕ

Хасан сын Ибадага из Амузги ждал. Ждал с нетерпением. Неужели и на этот раз не оправдаются его надежды, неужели Саид Хелли-Пенжи снова обманет?.. В Хасане была такая слабость, верил он в людей. Уж очень хотелось думать, что каждый человек носит в себе зерно добра. Потому он никогда не спешил убить даже противника. Убить человека легко, наставить на верный путь — куда труднее. Горцев и без того немного. А что от них останется, если сами они станут уничтожать друг друга? Хасан из Амузги внутренне уговаривал себя. Да, он, этот Саид Хелли-Пенжи, однажды хотел предать его, вернее, убить. Там, в Большом ореховом лесу, из-за алчности своей.

Не зная, не ведая, что в тайнике, только мечтая о богатстве, он готов был убить человека!.. Тогда Хасана спасла предусмотрительность. И он мог жестоко расправиться с Саидом, но не сделал этого. Неужели совесть и на этот раз не заговорит в негодые... Умар из Адага, Муртуз-Али и вслед за ними и сын Али-Шейха Мустафа утверждают, что черная шерсть от мытья не белеет, что второго такого отпетого мерзавца, мол, не рожала еще на земле горянка и довериться ему нельзя... Но Хасан из Амузги уговаривал их подождать еще немного. Уж очень хотелось верить, что Саид добровольно явится к ним с Мууминой. И к тому же не плохо бы такого матерого волка привлечь на свою сторону. Он мог бы пригодиться им в деле...

— Слушай, Хасан,— прервал его раздумья Умар из Адага,— я послан комиссаром Али-Багандом не для того, чтобы сложа руки сидеть и ждать, что выкинет какой-то мерзавец... Горцам нужно оружие!

— По-моему, и я прибыл сюда с этим же зада-

нием. К тому же раньше вас! — нахмурился Хасан из Амузги.

— Оберегать твою любовь и сентиментальничать нам сейчас недосуг! — угрюмо и даже раздраженно бросил Муртуз-Али.

— Что ты сказал?! — как ужаленный вскочил Хасан из Амузги и схватил брата комиссара за ворот бешмета. — Я спрашиваю, что ты сказал?

— Чего мы ждем? Пока ты убедишься, что твоя куймурская красотка в безопасности?

— Смотри! Меня не остановит то, что ты брат комиссара! — вскипел Хасан из Амузги.

В последнее время из-за своих неудач он стал очень раздражителен. Вот и сейчас, не вмешайся Мустафа сын Али-Шейха, не миновать бы серьезной ссоры.

Все это происходило на террасе сакли в Агач-ауле.

— Успокойтесь, только того и не хватает, чтобы мы друг друга перестреляли. Ты не прав, — обращаясь к Муртузу-Али, сказал Мустафа, — все в этом деле одной ниткой скручено. Где рукописный коран с медной застежкой, известно только Муумине, а о том, где шкатулка, знает Саид Хелли-Пенжи, и нечего корить Хасана! Однако надо действовать...

— Об этом я и говорю.

Вдруг в голове Хасана из Амузги пронеслась тревожная мысль: «Где коран, знает Муумина, где шкатулка — Саид Хелли-Пенжи, и оба они вместе. Саид Хелли-Пенжи никогда еще не был так близок к тайне, как сейчас... В такой ситуации только круглый идиот не воспользуется случаем! Неужели Муумина не раскусит этого негодяя? Он, конечно, постарается всячески завоевать ее доверие, попытается расположить к себе... Куда он мог с ней направиться? Конечно же в Куймур, ведь книга с медной застежкой там!..»

— Вы правы, надо действовать! — сказал Хасан. — На коней! Не будем больше ждать. А ты, Муртуз-Али, прости меня. Я стал не в меру раздражительным, по каждому поводу готов сорваться, как пружина. Будто зверь в меня вселился...

— Я не сержусь на тебя, Хасан из Амузги. Поверь, у меня душа болит за тех людей, которые ждут нас... — виновато проговорил Муртуз-Али. — Узнай о них любой враг, разгонит, как стадо. Они ведь понятия не имеют, с

какого конца стреляет ружье, никогда пороха не нюхали.

— Думаешь, я не знаю этого? Или, может, считаешь, что мне нравится сидеть сложа руки?..

Вчетвером они выехали из Агач-аула и направили своих коней на юг. Им предстояло пересечь талгинские холмы. Ни в коем случае не обнаружив себя ни перед турками, ни перед людьми Исмаила, пройти подальше от хутора. Но едва они, придерживаясь лесочка, спустились к речушке в ущелье, тотчас услышали треск ружейных выстрелов, глухим эхом отдающихся в скалах. И стреляли не где-нибудь, а именно на хуторе. Что бы это значило? Притаившись в кустах, всадники переглянулись между собой. Стычка эта была по шуму серьезная. Бились не двое, трое, а десятки людей. Похоже, что бесноватый Исмаил не простил оскорбления. И хотя вина была на Саиде Хелли-Пенжи, но бесчестье дочери невольно нанесено турецким офицером, которого Исмаил гостеприимно приютил у себя в доме. Вот потому, наверно, он и решил расправиться с ним...

— Что будем делать?— спросил Мустафа, словно бы разгадав мысли Хасана и подтверждая их.— Клянусь кораном, который мы должны найти, это исмаиловские люди сражаются с турками.

«Я же говорил, что Саид Хелли-Пенжи бросил между ними горящее полено. Вот оно и вспыхнуло! — хотел воскликнуть Хасан из Амузги, но сдержался, ибо недостойно джигиту хвастаться, к тому же бывает очень досадно потом, если случится ошибка.— А может, ночью Саиду с Мууминой не удалось выбраться из хутора и сейчас весь этот тарарам из-за них?»

— Пройдем к тому лесу на склоне! — показал плечью Хасан из Амузги, и, повинуясь одному его жесту, белый скакун понесся вперед, увлекая за собой и остальных коней с их седоками.

Преодолев вброд речку, всадники стали подниматься вверх по крутому склону, сплошь поросшему невысокими кряжистыми дубками.

Вот он, Талгинский хутор, виден как на ладони. Так оно и есть: вчерашние единоверцы, разделявшие не только идеи пантюркизма, но и хлеб на подносе, сегодня столкнулись в лютой ненависти друг к другу.

Турецкие аскеры, узнав об аресте своего командира,

поначалу пришли в замешательство, но, увидев, что люди Исмаила во всеоружии взбираются на коней и выстраиваются на майдане, учуяли что-то уж совсем неладное и насторожились. А когда к ним подъехал Сулейман, они потребовали от него объяснения, за что арестован их командир, турецкий офицер Ибрахим-бей.

— Он нарушил закон гостеприимства и осквернил дом нашего уважаемого Исмаила!— громко, чтобы слышали все, сказал Сулейман.— А вам, аскеры, я советую без лишнего шума сложить оружие, иначе...— и он показал на свои готовые к бою отряды, без лишних слов давая понять, что станется иначе.

Туманное объяснение причины ареста Ибрахим-бея не убедило аскеров в его виновности, а потому сложить оружие они отказались, и тогда... Тогда-то началась эта потасовка, по поводу которой позже острословы шутя говорили: били своих, чтобы чужие боялись. Не успевшие сесть на коней турки рассыпались кто куда и начали стрельбу... Одной из первых же пуль ранило Сулеймана, и он слетел с коня... Увидев, что их командир вышел из строя, Исмаиловы люди в остервенении выхватили из ножен сабли и стали налево-направо рубить фесконосцев...

Эта-то сцена и предстала со склона взорам четырех всадников.

— И эти люди собирались сегодня под одним знаменем выступить против бичераховцев!..— с иронией заметил Хасан из Амузги.

— Кстати, это их выступление было бы нам на руку,— сказал Умар из Адага.— Бичерахов сейчас и наш враг.

— Отары сойдутся — собаки дерутся, собаки разойдутся — чабаны дерутся! — буркнул Муртуз-Али.

— Что будем делать? — словно сам себе задал вопрос Хасан из Амузги.

— Когда двое дерутся, третий среди них лишний,— проговорил Муртуз-Али.— Там нам делать нечего. Мы нужны своим живые, а не мёртвые.

— А если для пользы...— Хасан не торопился с разъяснением.

— Вообще-то не мешало бы прибрать к рукам людей Исмаила. Я тебя понял, Хасан из Амузги! — сказал Мустафа.

— И правильно понял! Турки, хоть их и меньше, сдаваться, похоже, не собираются... Вон они уже даже теснят горцев. Смотрите, горцы дрогнули!.. Да их всех перебьют! Двинемся на помощь?

— У нас важное задание!..— попробовал удержать его Муртуз-Али.— Мы не имеем права рисковать...

— Но они же бьют горцев. А люди нам очень нужны. Да и совесть потом покоя не даст... За мной, братья, испытаем на турках острие дамасской стали!

Выхватив саблю, Хасан из Амузги понесся к хутору, друзья последовали за ним. Они подскакали со стороны, откуда турки никак не ждали удара. Всего четыре всадника, а им показалось, будто ураган налетел. Турки даже опомниться не успели... Подбодренные неизвестно откуда взявшейся подмогой, горцы мгновенно обошли турок с двух сторон, и окруженный враг сдался. Одни повалились на колени, моля во имя аллаха о пощаде, другие, побросав оружие, подняли руки, третьи, кому удалось выскользнуть из кольца, устремились в лес.

Всех обезоруженных турок согнали на майдан. Здесь уже местный знахарь возился с раной Сулеймана. Ранение оказалось легким, а с коня он слетел больше от страха. Предусмотрительным оказался бывший царский офицер, под бешметом у него была надета кольчуга. Пуля прорвала всего несколько звеньев у правого предплечья и застряла в мякоти. Лекарь с легкостью извлек ее и, приложив листья подорожника к ране, сделал перевязку. Сулейман встал, поправил бешмет, огляделся вокруг. К нему, в окружении горцев, шел Хасан из Амузги со своими друзьями...

— Это они? — спросил Сулейман у своего помощника, настороженно рассматривая непрошенных гостей.

— Да, — ответил помощник.— Исход боя решили они.

— Не они, а я решил! — сурово отрезал Сулейман и, обернувшись к Хасану из Амузги, спросил: — Чему обязан столь торжественным появлением?

— Здорово ты расправился с ними! — сказал Хасан из Амузги, понимая, что такая лесть придется ему по нраву.— Я рад приветствовать смелого человека. Если не ошибаюсь, тебя Сулейманом зовут?

— Да. Здравствуй, Хасан из Амузги.

— Кто тебя надоумил на такое?

— Ненавижу их!..

— А где же Ибрахим-бей? Неужели убит?

— Арестован он.

— А Исмаил?

— У него своя беда. Из-за этого турка дочь повесилась. Надеюсь, вы не ищете с ним встречи? А за содействие спасибо!

— Это наш долг. Думаю, и ты поступил бы точно так же...—многозначительно произнес Хасан.

— Не знаю,— буркнул с холодностью Сулейман.— Не будь такого оборота, я обязан был бы арестовать вас. Но примите мое великодушие и продолжайте свой путь.

— А может, путь-то у нас один? У всех горцев он один. Подумай, Сулейман. Ты человек отважный. Видишь, как народ наш терзают всякого рода иноземцы. Стонет под ними земля... Ты сам хорошо понимаешь, что к чему. Будь с народом, с горцами. Вот с ними...

— У меня есть на то свои соображения...

— Я знаю, что ты порвал с белогвардейцами. Если ты не с ними, то должен быть с нами, иного пути нет.

— Эй, вы!..— крикнул Сулейман бойцам, которые возились с турками.— Оружие аккуратно сложите вон у того стога и их отведите всех туда, а лошадей в загон.— Он взялся за голову: — Трещит, проклятая, крови, что ли, много потерял? Разделаюсь вот со всеми этими турками и потом...

— Что ты хочешь с ними делать?

— Прикажу расстрелять! Отвести вон к той пропасти и расстрелять.

— О, это не годится, Сулейман.

— А я никого не спрашиваю, годится или не годится. У меня с ними свои счеты...

— Хорошо, я не требую, чтобы ты спрашивал нас. Но сам рассуди, если хочешь сбережь своих людей: сегодня ты расстреляешь турок, а завтра генерал Хакки-паша расстреляет всех этих людей. А Хакки-паша, ты знаешь, уже близко.— Хасана внимательно слушали окружающие его воины отряда Исмаила.— Сейчас каждый человек на счету. Решающие бои впереди.

— Наши люди готовы умереть!..— сказал Сулейман. По тому, как воины смотрят на Хасана из Амузги и как

его слушают, он понимал, что люди эти уже настроены встать на его сторону. Но Сулейману не хотелось сдаваться так сразу. Внутренне он и сам соглашался с доводами амузгинца, а признаться в этом самолюбие не позволяло.

— За что же они готовы умереть? — Хасан из Амузги повернулся к бойцам: — Вот ты или ты, хотите вы завтра умереть?

— Если придется...

— А за что?

— Я обязан... В долгу...

— Перед кем?

— Исмаилу должен. Ему обязан...

— Да чтоб ваш род передох, как говорит Исмаил! — возмутился Хасан из Амузги. — Самое дорогое у человека жизнь, а вы заложили ее в долг... Добровольно надели на себя хомуты. «Я обязан...», «Если придется...» Хоть один из вас подумал о родном крае, о горах, о кунаках, о жизни вообще. О том, что она может быть прекрасной, доброй вот в этих наших горах...

— Улыбнулась нам советская власть, и нет ее... — сказал один из бойцов. — Вот если бы вернуть... За это можно бы всем миром пойти.

— Так о том же я и толкую! Была советская власть. Да, она улыбнулась нам. Но враги не дали ей расцвести. Вот чтобы вернуть ее, нам надо собраться с силами... Ваш командир Сулейман еще не решил, с кем он. А вот ты или ты, с кем вы?

— А как же Исмаил? Он мне три барана дал...

— Да Исмаил-то один, а вас много, и всех нас в горах много!

Горцы вдруг зашумели. Человек-то ведь дело говорит?!

— Сулейман, у тебя доброе сердце...

— Сулейман, ты наш командир...

— Мы тебе верим...

— Ударьте по рукам с Хасаном из Амузги, и ты увидишь, мы нигде и никогда не дадим тебя в обиду...

Они знали Сулеймана. Он суров, но справедлив. Никогда не давал Исмаилу самодурствовать, удерживал от бесчинств, и за это люди его уважали. Вот и сейчас. Верили, потому и уговаривали.

— Хасан из Амузги, так и быть, я скажу тебе всю

правду. Характер у меня дрянной... вот пока вы не появились, задумка у меня одна была: покончить с турками и податься с этими людьми к вам, к комиссарам. Ты пришел, словно бы на зов мой объявился, а во мне вдруг гордыня заговорила, самолюбие... Ну, да ладно... Вот тебе моя рука.

Хасан из Амузги крепко пожал его руку.

— Друзья мои, спасибо. Кто не со всеми, тот пусть и не в могиле, а покойник.

— Только одна у меня просьба,— сказал Сулейман.— Не трогайте старика Исмаила, я сам с ним все улажу. Горе у него...

— Пусть будет по-твоему, Сулейман!— Хасан сел на коня.

— Ура! — прокатилось в рядах.

— Сулейман, с тобой мы оставим Муртуза-Али, брата известного тебе комиссара Али-Баганда. Думаю, ты примешь его...

— Ну уж, если он брат комиссара, пусть и сам будет комиссаром.

— Советчиком тебе будет, поможет разобраться, как дальше поступить с турками.

— Хорошо.

— А нам пора!

— Счастливо!..

Хасан из Амузги ехал довольный тем, что все уладилось, что вот теперь и здесь будут надежные люди на случай будущих боев. Умар из Адага попробовал было высказать недоверие этому бывшему царскому офицеру, но Мустафа не согласился. Офицер не офицер, а деваться ему некуда. Он понял, что его люди не очень-то хотят проливать кровь неведомо за что. Вон как Хасана слушали...

Втроем они скоро преодолели талгинские холмы и уже спускались к долине Каменной Черепахи — так называют одинокую скалу у полустанка Инчхе в степи, — когда навстречу им из-за поворота вдруг показались шестеро всадников.

— Это сыновья Абу-Супьяна,— сказал Мустафа сын Али-Шейха.— Но с ними еще двое, кто бы это мог быть?

— Ослепнуть мне на месте, если один из них не Саид Хелли-Пенжи! — воскликнул Хасан из Амузги.— Но где Муумина? — Тут же радость оттого, что он уви-

дел Саида Хелли-Пенжи, которого так ждал, сменилась волнением и беспокойством за судьбу девушки, перед которой он чувствовал себя виноватым. Хвастался: «...Позови меня, и я явлюсь» — а сам предстал перед ней в позоре...

Тревожная мысль заставила Хасана рвануться с места. И понеслись они навстречу всадникам, поднимая пыль за собой. Подъехав, Хасан резко потянул узду, конь вздыбился и остановился. Глянув в упор на хмурого Саида, Хасан спросил:

— Где Муумина?

— Я здесь! Здесь, Хасан! — вырвался у девушки радостный возглас, и она подъехала к нему.

— Муумина, это ты? А что на тебе надето?

— Саид меня так обрядил, когда выбирались из хутора.

— Саид Хелли-Пенжи, я приветствую тебя! — это прозвучало как благодарность. В душе Хасан дважды торжествовал: вот он и не обманулся.

— Я рад услышать от тебя приветствие, Хасан из Амузги! — с поклоном ответил Саид.

— Гордые сыны Абу-Супьяна, вы всегда на пути моих удач, поклон вам, братья!

— Слава тебе, Хасан из Амузги, — ответил старший брат. — Этот человек — убийца нашего отца, и нам непонятно такое расположение нашего брата к врагу нашему. У тебя, верно, на то есть свои причины, объясни их нам, Хасан из Амузги. Твое имя он трижды назвал с надеждой. Мы сохранили ему жизнь до встречи с тобой...

— Я обязан вам за любовь ко мне, сыновья Абу-Супьяна, и моя сабля всегда на вашей стороне... Вы и на этот раз были великодушны... Сойдем с коней, братья...

Все спешили. Хасан из Амузги отвесил почтительный поклон старшему сыну Абу-Супьяна, затем обнял его за плечи и сказал:

— Поверьте мне, никогда не желавшему вам боли и печали, поверьте, что этот человек, которому я простил то, что не прощается, понял, осознал все и к тому же еще совершил полезное для всего нашего общего дела. Я понимаю, что и это не повод для сыновей, чтобы они могли простить убийцу отца. Но поверьте мне и в том,

что он не убивал уважаемого Абу-Супьяна... Я говорю это потому, что хочу, чтобы вы избежали ошибки, которую потом себе не простили бы...

— Ты знаешь наше уважение к тебе, Хасан из Амузги, ты нам как брат, но на сей раз позволь нам поступить так, как велит наша честь. Убийце — смерть!

— Убийца получил свое, он мертв, сыновья Абу-Супьяна!

— Он не отнял кинжала у убийцы, а вложил его ему в руку! Тот, кто вкладывает кинжал в руку убийцы, страшнее самого убийцы. Убийце — смерть!

— Братья мои, пусть заговорит в свое оправдание этот человек, свершивший почти подвиг во искупление своей вины!..

— Могила нашего отца взывает о мести, уважаемый Хасан из Амузги.

— Прошу вас, братья, внять моим словам! Отступитесь на сей раз от своего решения!

— Нет, Хасан из Амузги. Убийце — смерть!

— Я дал ему слово, что вы сохраните ему жизнь! Я, Хасан из Амузги, дал такое слово, вы понимаете или нет? А может, вы хотите, чтобы Хасан из Амузги не сдержал своего слова, когда он... — Хасан ткнул плетью в грудь Саида Хелли-Пенжи, — когда этот человек, о котором нельзя сказать, что он ангел, сдержал свое слово?!

— Хасан из Амузги, твое слово дорого нам, но есть ведь еще и наше слово. Убийце — смерть! И он умрет! Здесь, сейчас! Скажут, что гора у горы в гостях была, поверь. Но верить, что у этого человека изменится натура, — бессмысленно!..

— Вы не хотите внять моим словам, братья, ну что же... Будь по-вашему! Но... только после того, как вы одолеете меня, братья мои! Только после этого вы расправитесь с ним! — и он рывком выхватил из-за пояса наган и кинжал.

В решительные минуты Хасан из Амузги становился похожим на леопарда, почуявшего опасность. Он яростно сверкнул глазами, готовый к прыжку.

— Итак, достойные сыны Абу-Супьяна, я к вашим услугам.

И в руках у четырех братьев вдруг оказалось оружие. Ни Умар из Адага, ни Мустафа сын Али-Шейха

пока не принимали участия в споре. Кто прав, а кто виноват, понять было не легко. Пожалуй, обе стороны были одинаково правы. Но и Умару и Мустафе было понятно одно: что в столь ответственное время и горячность Хасана из Амузги, и настойчивость сыновей Абу-Супьяна не в пользу общему делу.

Больше других всем происходящим была встревожена Муумина. Она не могла понять, почему Хасан так усердно защищает этого недостойного человека, зачем заступает за него. Муумина во время перепалки Хасана с сыновьями Абу-Супьяна заметила, как насторожился Саид Хелли-Пенжи, пытался перехватить ее взгляд, чтобы взглядом же просить ее забыть все, что с ней произошло. Он понимал, что, если она скажет, как он, Саид, хотел с ней обойтись, Хасан не станет его защищать.

Муумина подбежала к Хасану, который стоял широко расставив ноги, взъерошенный и готовый в ответ на любое движение метким ударом сразить нападающего.

— Не надо, Хасан, не надо, желанный!..— взмолилась девушка.

— Муумина, не подходи, прошу тебя!..

— Неужели вам тесно на этой большой земле? Почему вы все ненавидите друг друга!..— Муумина сглотнула горькую слюну и всхлипнула...— Если вы не можете обойтись без крови, так убейте меня и успокойтесь. За меня вам никто не станет мстить, я бедная дочь слепого отца... Насытитесь моей кровью, и будет вам...— утирая слезы полой бешмета, она опустилась на колени.

— Встань, Муумина! — подошел к ней Мустафа. Затем, обернувшись к Хасану, сказал: — Мне дороги сыновья Абу-Супьяна, как дорог и ты, Хасан из Амузги. Но позволь узнать, где гарантия, что этот человек, привыкший убивать из-за угла, предавать любого,— что он еще раз с легким сердцем не предаст тебя или нас?

— Он должен достать у Исмаила шкатулку с ключом. Он знает, где она находится и достанет ее...— сказал Хасан из Амузги.

— Шкатулка с ключом у меня в хурджине, Хасан из Амузги,— ответил Саид Хелли-Пенжи.— Я знал, что она нужна вам, и я ее выкрал...— «Мне бы только сейчас спастись от них, а потом...» — пронеслось у него

в голове. Уж очень не хотелось ему умирать. Сыновья Абу-Супьяна не простят, но только бы сейчас Хасан из Амузги спас его и только бы не заговорила эта девушка...

Зрачки Саида Хелли-Пенжи метались в страхе...

— Я же говорил вам! — воскликнул Хасан из Амузги. — В нем проснулась совесть! Человек понял свои промахи и осечки. Он хочет стать на верный путь, на путь добра и света. И этому человеку вы хотите здесь, сегодня, навсегда закрыть глаза?.. Совесть тоже требует мужества, поймите вы...

— Сыновья Абу-Супьяна! — обратился к ним Мустафа. — Я понимаю вас и сердцем был на вашей стороне!.. Но, может, на сей раз послушаем Хасана из Амузги? А Саид Хелли-Пенжи пусть запомнит: если на него падет хоть малейшее подозрение... Шелк крепок в узле, а мужчина в слове.

— Да тогда я сам разорву его на две части или ошкурю, как змею, с головы до хвоста одним махом! — крикнул Хасан из Амузги. — На колени перед сыновьями Абу-Супьяна, заблудшая душа!

Саид Хелли-Пенжи спешился, затем, склонив голову, опустился на колени. «Кажется, пронесло», — не веря себе, подумал он.

Старший брат молча обменялся взглядом со своими братьями, те согласно кивнули ему. Он вынул из ножен кинжал, подошел к Саиду Хелли-Пенжи. Хасан из Амузги тоже подошел поближе. На лысой голове Саида оба скрестили свои кинжалы в знак того, что на сей раз он прощен, но, если еще что злое сотворит, кинжалы свершат правый суд. Затем Хасан из Амузги потребовал у Саида шкатулку. Саид извлек ее из хурджина. Она была открыта. Все сгрудились над заветной шкатулкой, подняли крышку, в ней лежал небольшой железный ключ. Закрыв шкатулку, Хасан из Амузги передал ее Умару из Адага со словами:

— Пожелайте мне доброго пути. Мы с Мууминой едем в Куймур. А вы ждите меня завтра к полудню в Агач-ауле.

Они разъехались в три стороны, Хасан из Амузги и Муумина поскакали в Куймур, Умар из Адага и Мустафа сын Али-Шейха направились в сторону Агач-аула, а сыновья Абу-Супьяна двинулись в горы.

Остался на диком поле один Саид Хелли-Пенжи. Поодаль паслась его лошадь. Он все еще стоял на коленях, униженный и оскорбленный. Сердце бешено колотилось в груди. О чем он думал, что собирался делать дальше? В эти минуты никто бы, и он сам, не ответил на такие вопросы. Слишком много роилось мыслей и желаний в его голове и слишком он был унижен, чтобы трезво судить о дальнейшем своем пути.

Ноги заныли, Саид растянулся на желтой траве, широко раскинул руки и уставился в облачную высь.

Небо, как оно притягивает взгляд человека, как ласкает своей безбрежной голубизной. Только сейчас Саид Хелли-Пенжи глядел в него и ничего не видел. Он задумался. «Сколько раз приходилось мне умирать и спасаться, не брезгуя ни позором, ни унижением. Жизнь стоит борьбы. И почему эти люди не могут меня понять? — удивлялся Саид. — Они ищут добро. Я тоже. Только я ищу его для себя».

И не мог он уразуметь, что добро, которое ищет и находит он, обычно уже принадлежит кому-то, не ему.

Подошел конь, влажной мордой он прикоснулся к лицу хозяина, словно говоря: вставай, и нам пора в путь!

...Добро! И невдомек Саиду Хелли-Пенжи, что так, само по себе оно, это добро, не существует. Что все на земле рождено трудом и все кому-то уже принадлежит, а он, Саид, хочет просто отнять его у тех, кому оно принадлежит по праву. Потому ему и не везет. Но Саид Хелли-Пенжи этого не осознает, и кажется ему, что все вокруг несправедливо его ненавидят. Оттого и друга верного у него тоже нет.

ЧУДО, СОВЕРШЕННОЕ ДЬЯВОЛОМ

В тот страшный день, когда Аждар ударил слепого Ливинда и несчастный старик потерял сознание, Ника-Шапи не поспешил ему на помощь. Едва разбойники ушли, он, даже не посмотрев, что с бедным слепцом, кинулся в комнату искать книгу с медной застежкой. Ника-Шапи был уверен, что Ливинд прятал ее в доме. Но поиски были напрасны. Остервенелый Ника-Шапи перевернул все вверх дном, изорвал подушки, матрацы, и тщетно.

А между тем слепой Ливинд постепенно пришел в себя, сознание медленно вернулось к нему. Старик открыл отяжелевшие веки, словно бы хотел напоследок взглянуть на мир, и... о чудо! Открыл глаза и тут же закрыл их от страха... Сильнее заколотилось сердце в груди, готовое вырваться сквозь ребра... «Нет! Не может быть!..» На лице у Ливинда отразились боль и страдание, смешанные с робкой радостью. Он еще раз медленно приоткрыл веки. Да, это правда! Он видит мир! Но каким? Совсем не таким, как представлялось целую жизнь. В воображении слепца все было окрашено в серые тона, а на самом деле сколько света! Даже больно смотреть. Названия цветов для Ливинда всегда оставались только названиями. И сейчас он пока не знал, как распознать их в многоцветье, но то, что все это изумительно, Ливинд уже понимал.

— Люди, я вижу! — закричал он.

Нет, не он, а кто-то другой из глубины его души в невольном восторге все повторял:

— Вижу, я вижу!

А из комнаты, весь дрожа от испуга, выбежал Ника-Шапи. Услышав пронзительный крик, он думал, что Ливинд видит, как он рыщет по дому. Надо бежать, не оберешься стыда, если люди узнают, чем почтенный Ника-Шапи занимается в сакле слепого Ливинда...

— Эй, ты кто? — спросил Ливинд, боясь шевельнуться с места. Перед ним стоял странный человек, невесть во что одетый, — может, это и есть шуба и папаха...

— Я? — голос у Ника-Шапи сорвался. — Я это...

— Ах, Ника-Шапи?

— Да, да!..

— А я тебя теперь вижу!

— Ты слепой, ты не можешь видеть. Что ты видишь? Ты ничего не видишь... Ты... Эти злодеи, эти разбойники у тебя в доме все перерыли. Я хотел... — забормотал Ника-Шапи, тряхая с себя пух.

— А где моя дочь? Моя Муумина?

— Они увели ее.

— Куда и зачем?! — Ливинд вскочил.

Мир, который он чудом увидел, вдруг показался ему страшным. Он закрыл глаза: так привычнее. Так все понятно. Потом снова открыл...

— Не знаю. Не знаю, куда и зачем.

— Ты какой-то смешной,— сказал Ливинд, подходя к Ника-Шапи.— Я представлял тебя совсем другим, когда не видел.

— Ты? Ты слепой!..

Суеверный страх обуял Ника-Шапи.

— Нет, я вижу, вижу тебя, Ника-Шапи! Вижу мир, мир... Ты понимаешь, я вижу!..

— Ты шайтан, тебе дал зрение дьявол!

— Пусть, пусть! Я и самому дьяволу скажу спасибо, низко поклонюсь ему, что дал мне увидеть мир. Какой он прекрасный... А вы, зрячие, делаете его печальным. И не совестно вам? Берегите мир, люди! Он такой прекрасный!.. Я боюсь, что это только наваждение, а не на самом деле. Милые вы мои, люди, целую жизнь видите такую красоту и зачем-то ссоритесь, враждуете!

— Эй, соседи! Скорее сюда, Ливинд выжил из ума! В него вселился дьявол!..— закричал Ника-Шапи, дрожа от страха.

— Да что ты говоришь, Ника-Шапи. Вовсе я и не сошел с ума, я стал видеть. Видеть стал. Свершилось чудо!..

На крики сбежались все соседи: мужчины, женщины и дети. Они удивленно уставились на старика Ливинда, который попеременно то открывал, то закрывал глаза...

— Люди, здравствуйте! Я вижу все!.. Вижу! Вот ты, женщина! Ты кормишь ребенка грудью? А ты, почтенный, обстругиваешь пожом палку? Вот этот мальчик хочет в меня что-то кинуть... А, яблоко...

Ника-Шапи спустился с лестницы и стал шептать в ухо то одному, то другому:

— Таба, таба! Астапируллах!¹ Он отдал дьяволу душу! Будьте осторожны, люди...

— Что же нам делать, что?

— Уходите, убегайте от греха подальше!

Все ринулись со двора.

— Куда же вы? — закричал Ливинд.— Не уходите, помогите мне. У меня же несчастье. Посочувствуйте мне, помогите вернуть мою единственную дочь. Ее увели разбойники. Люди, не будьте жестокими!.. — Он осторожно сошел с лестницы.

¹ Астапируллах — боже упаси.

Трудно ему было привыкать ко всему. И ходить тоже было трудно, труднее, чем раньше.

Он вышел на улицу, люди разбегались с криками:

— Шайтан, шайтан! Таба! Таба!

Странное дело, Ливинд никак не мог понять, отчего это, когда он стал зрячим, его называют шайтаном, а был слепым, никому такое и в голову не приходило. Но сегодня он ни на кого не сердился. Шутка ли сказать, такая радость. Видеть свет!.. Вот если бы еще дочь была с ним... Что с ней? Жива ли, бедняжка, его надежда и счастье, друг в тяжелой судьбе отца, в его одиночестве... Все перемешалось в сознании старого Ливинда: и радость прозрения, и горе за судьбу дочери. А жизнь вокруг удивляла его и умиляла. Вот курица с цыплятами, грязная лохматая собака, вон что-то сверкает на солнце... А это жуки в навозной куче... Ласточки? Да, это они так низко пролетают. А деревья, а травы!.. Как шуршат на ветру... «Как хорошо видеть, как хорошо видеть!..» — отбивало в груди торжествующее сердце. «Бедная девочка, бедная Муумина. Где она сейчас? И почему не сказала про ту книгу? Куда она ее дела, может потеряла и испугалась? Но в ее голосе был не испуг, а что-то другое. Она вроде бы предупреждала, просила не говорить о том, что знает о книге... Да, горько все это, дочь моя. И куда увезли тебя эти злодеи? Мир-то ведь, оказывается, очень велик. А ты и за аул одна не ходила...» И почему Муумина тогда не позвала Хасана из Амузги? Ведь она же говорила, что он обещал явиться по первому ее зову?.. Чем больше Ливинд думал, тем больше проникался надеждой. Аллах милостив, не может он одновременно и радовать и карать — не сделает он несчастной Муумину... Ливинду вдруг вспомнилось, что сказка, им самим придуманная для дочери и для себя, когда после смерти жены он коротал без сна одинокие ночи, теперь сбывается! Да, да! Не все сбывается, но часть. Вот стал же он зрячим? В той сказке говорилось, что явится белый всадник, взмахнет рукой — и станет Ливинд зрячим. Взмахнет другой рукой — исчезнет старая, полуразрушенная сакля и вместо нее как из-под земли возникнет удивительно светлая, новая, двухъярусная, с двумя дымоходами из белого камня. Сказка сбывается, а значит, и с Мууминой тоже ничего плохого не случится! «Да, но почему же тогда так тревожно на ду-

ше? И почему люди сторонятся меня? Я ведь не причинил им зла? Неужели просто не хотят, чтобы я их видел? Но почему? Почему они видят меня, а я их не должен...»

Ливинд шел к людям, а они и в самом деле, не отвечая на его приветствия, прятались в подворотнях и оттуда с опаской наблюдали, куда он дальше путь держит, будто злодея глазами провожали...

— Что с тобой? — обратился Ливинд к мальчику, который опрометью убежал от него и спрятался за горкой уложенного на улице кизяка. — Я же тебя вижу, вон ты выглядываешь оттуда!..

— Не подходи! Ты шайтан! — закричал малыш.

— Да нет же, никакой я не шайтан. Ты разве меня не знаешь, я слепой Ливинд? Просто я теперь вижу, как и ты. Зачем же ты дразнишь меня, а вчера тянул за полу бешмета, когда я шел по улице, и подкладывал мне под ноги булыжники, чтобы я споткнулся?

— Не я это делал, мой брат, — ответил чуть осмелевший мальчишка и вышел из-за кизяка.

— Вот видишь, ты меня знаешь? Я не шайтан, я Ливинд! Вот смотри, ты же знал меня и раньше. Разве во мне что-нибудь изменилось?

— Ты молишься дьяволу.

— Ну зачем повторяешь глупые речи?

— Это он сделал тебя зрячим?

— Нет...

— А кто же?

— Не знаю...

— Значит, дьявол! Все так говорят. Теперь, говорят, будет конец света...

— Врут они! Ты не верь им, мальчик.

— Разве так бывает, все врут и только один правду говорит? — искренне удивился мальчик.

— Но я же никому не желаю зла... Если бы я был дьяволом, так я бы должен тебя съесть!..

— Все равно не съел бы. Я бы убежал.

От этого разговора еще тоскливее стало на душе у Ливинда, но он все же пошел в сторону мечети, где, как ему казалось, есть почтенные люди, мудрые, набожные. Они уважают его, не раз снисходили побеседовать с ним, как с равным.

А они, эти набожные фанатики, вернее часть их, тем

временем собрались у михраба мечети и вместе с Ника-Шапи думали-гадали, как теперь быть с Ливиндом, за прозрение продавшим душу дьяволу... Едва Ника-Шапи рассказал им о случившемся, они потеряли покой. Мыслимое ли дело, человек, столько лет не видевший света божьего, вдруг стал зрячим?! Тут конечно же не обошлось без сверхъестественной силы — правоверные ничем другим такое событие объяснить не могли. По их представлениям, все действенное в природе относилось на счет дьявола, а аллах словно бы ничего и не совершает.

Куймурцы вдруг вспомнили случай, когда слепой Ливинд сообщил им об убитых у старой башни...

— Наверное, тут скрыта какая-то темная, необъяснимая история!..

— Разве козни дьявола объяснимы?

— А помните тот коран с медной застезкой... — заговорщически бросил Ника-Шапи, перебирая в дрожащих руках четки. Он ловко втягивал людей в ералаш.

— Да, да, это тот, что будто бы ангел ему ниспослал?

— Врет он! Никакой не ангел, это дочь его в то утро нашла коран около ямы, которую кто-то вырыл у старой башни... А может, даже и не дочь, сам нашел.

— Но он же тогда еще не был зрячим?..

— А кто его разберет, может вовсе никогда не был слепым, просто притворялся...

— Нет, нет, что ты!.. Не мог он всех нас обмануть, солгать почтенным служителям веры!..

— Что делать-то будем? Ведь как бы он не навлек на нас беды.

— Да, да, кадий! Ты решай.

— Легко ли такое решить? Надо пока что засадить его в яму, там, в мечети, — сказал Ника-Шапи. — Давно мы туда никого не сажали. Потом решим, как дальше быть с ним... — И Ника-Шапи обернулся к двум молодым людям, сидевшим поодаль, и попросил: — Вы сильнее и помоложе, подойдите к нему с двух сторон, подведите к яме, столкните и тотчас задвиньте решетку. Пусть посидит.

Ливинд вошел в мечеть и не удержался от восклицания, такое уж у него было настроение.

— Во дворе так светло, — сказал он, — а здесь совсем темно! Всегда тут так?

— О чем ты, слепой Ливинд?

— Я уже не слепой, я вижу, почтенные! Говорю, темно очень в мечети. Здесь же должно быть светло, чтобы аллах видел все грехи на лицах молящихся.

— Не кощунствуй, дьявол!

— Я не дьявол, я Ливинд! Я вижу, понимаете? А пришел сюда, чтобы вы порадовались со мной тому, что я вдруг стал зрячим. Свершилось чудо, и я, братья мои...

Он поискал, где бы ему присесть.

— Иди сюда, сюда... — это его манили те, кому поручено было привести в исполнение жестокий приговор. Они зажали старика между собой, подвели к яме и... столкнули.

— Люди, что же вы со мной делаете, зачем это?!

Но над ямой уже проскрипела ржавая железная решетка. Ни мольбы, ни стенания несчастного старца не помогли. Правоверные оставались глухи. И тогда Ливинд стал припоминать все известные ему грехи этих людей и слать проклятья на их головы. «Вы испугались,— кричал Ливинд,— что, став зрячим, я рассмотрю ваши грязные души!» Этим он еще больше ожесточил своих противников. Но нашлись в Куймуре смельчаки, которые не побоялись дьявольского наваждения и отважились просить служителей мечети о снисхождении к несчастному Ливинду. Только их просьбы ни к чему не привели. Ливинд сидел в яме, а дни шли. Он уж горло надорвал от крика, но ему никто не отвечал. Спустят кусок хлеба да кувшин воды, и нет никого. Только в часы молитв, когда куймурцы приходили в мечеть, они слышали, как Ливинд взывал к ним.

— Вы молитесь, просите аллаха о милости,— говорил он,— но нет, не видать вам милостей... Вы, кому дано созерцать такой прекрасный мир, запираетесь в темноте, боитесь, как бы аллах не увидел ваши черные души!..

— Замолчи, дьявол! — кричали ему сверху, но он не молчал.

— Вы слепые и ваш аллах тоже слепой! Вы обманываете его, а он вас! Да поразит всех вас неизлечимый недуг! Одно слово, что вы зрячие, на самом деле вы-то и есть слепые! Чтоб вас холера взяла, чтоб вы околели от судорог!..

— Слышите, что он говорит? Да это же не наш смиренный Ливинд! Это сам дьявол!

— Конечно же не Ливинд! Конечно, это сам дьявол!

— Вы хуже всякого дьявола. Это вы возмутили мою душу. В вас нет ни жалости и ни совести! Чтоб на вас чума грянула, как гроза.

Так продолжалось до пятницы, когда большой совет мечети принял наконец решение о том, что продавшего душу дьяволу отступника Ливинда надо строго осудить.

Какой только кары ему не придумывали: одни предлагали заживо закопать в землю, другие требовали сжечь на костре, третьи хотели четвертовать... И только Ника-Шапи предложил не лишать его жизни, чтобы не возбуждать население и не накликать бы еще какой беды. Ника-Шапи посоветовал выколоть Ливинду глаза, чтобы он уж поистине никогда больше никого и ничего не видел. Это предложение сочли наиболее приемлемым и мудрым. И вот Ливинда выволокли из ямы на свет божий.

— Отпустите меня! Заклинаю вас именем аллаха и его пророка, отпустите. Мне надо отыскать мою дочь, вызволить ее из беды...—взмолился несчастный старик.—Что я вам сделал дурного? За что вы меня так терзаете? Никогда не думал, что все вы такие бессердечные!..

— Грязным своим языком ты поносил аллаха и его верных служителей! Как только не оскорблял почтенных людей. Болезни всякие призывал на их головы.

— А вы? Разве вы не оскорбили, не обидели меня? Ни в чем не повинного бросили в яму, да еще хотите, чтобы аллах над вами смилостивился? Ну нет! Погодите, он еще вас покарает...

Расправу над Ливиндом снова поручили тем двум парням. Старик вырывался у них из рук, сопротивлялся... Но только до той минуты, как вышли на улицу. Тут он обо всем забыл. Вокруг снова был мир чудес, мир красоты...

БЕЛЫЙ ВСАДНИК

От дороги печали к Куймуру свернули два всадника. Дорогу эту называют так потому, что именно по ней после осенних работ горцы спускаются на плоскость и уходят на заработки: в города, на рыбные промыслы, к нефтяникам. Уходят с большими надеждами, а весной,

едва потеплеет, возвращаются разочарованными, опечаленными новой неудачей. И возвращаются-то не все. Сколько их осталось лежать в чужедальних землях и придорожных могилах? Не счесть...

Душа Хасана из Амузги наполнилась разными словами и чувствами, которые ему хотелось бы выразить Муумине. Но он так и не мог ничего сказать. Только взглядом ласкал, любовался ею, радовался, вбирая в себя свет ее улыбки. Так молча они и подъехали к аулу — два всадника на разгоряченных конях. Видно было, что всадники спешили. Один на белом, сейчас запыленном, скакуне и в белой же, с красной перевязью, чалме. Такая чалма — необходимая принадлежность в одеянии всякого правоверного, на случай внезапной кончины из нее же шьется саван. Только самый что ни на есть бедняк не имеет чалмы...

Второй всадник чуть помоложе. Он на гнедом рысаке и в смушковой папахе.

Это Хасан из Амузги и Муумина, еще в мужской одежде.

Аул словно вымер, на улице ни души. Муумина встревожилась. Ворота в домах настежь. Куры роются в грядках, собаки рыщут по узким проулкам, а людей нет. Как будто только что покинули свои обжитые гнезда.

— Скорей к нашей сакле! Здесь что-то стряслось... — сказала Муумина и подстегнула плетью коня. — Отсюда ближе, Хасан!

— Не следует верхом въезжать в аул. Это не принято, сочтут за непочтение к жителям, — попытался было остановить ее Хасан из Амузги.

— Людей же нет, не видишь разве? Кого нам почитать? Скорее, прошу тебя! — Предчувствие подсказывало Муумине: случилось недоброе.

Они погнали лошадей к знакомой сакле, за речкой. Подъехали, спешили. С криком «Отец!» Муумина поднялась по лестнице, но никто ей не отозвался. Она кинулась в комнаты. Что это? Все перевернуто, перерыто. Во всем какая-то заброшенность. «Отец, где ты?!» Муумина сбежала с лестницы.

— Неужели в ауле никого не осталось? Люди, соседи, есть тут кто-нибудь? — крикнула она, но в ответ донесся только лай собаки. — Куда же все подевались?

Скрипнули соседские ворота, и оттуда выглянула сгорбленная, полуслепая старушка.

— Кого вы ищете? — прошамкала она беззубым ртом.

— Где весь народ? — спросил Хасан.

— Там они, — костлявой рукой старуха подняла свою сучковатую палку вверх, — у мечети, дьявола казнят...

— А где мой отец, тетушка?

— Какой еще отец?

— Слепой Ливинд.

— Он-то и есть дьявол!.. — буркнула старуха и исчезла за воротами.

— Это еще что?.. — в недоумении пожал плечами Хасан.

— Любимый, скорее! Чует мое сердце, беда с отцом! — взмолилась Муумина. Слезы застыли в ее глазах.

— Я сейчас! — крикнул Хасан, пораженный переменной в девушке. Она стала бледная, как туман.

Хасан взлетел на своего усталого, но, как всегда, готового исполнить волю хозяина коня и помчался по узким переулкам туда, где виднелся вонзившийся в небо минарет.

А на площади перед мечетью и капле дождя негде было бы упасть: и стар и млад — все здесь. Народ всюду — и на плосккрыших саклях, и на деревьях, и даже на минарете. В центре площади высился столб, к нему был привязан несчастный Ливинд. Рядом развели костер, это чтобы раскалить железные щипцы, которыми собирались выжечь глаза внезапно прозревшему Ливинду. На лице у бедного старика был написан ужас, и он все шептал:

— Люди, сжальтесь надо мной! Люди, я же ваш односельчанин, на мне нет никакого греха, а хоть бы и был, пощадите, простите... Лучше убейте меня. Не могу я больше жить слепцом... Оставьте мне глаза!.. — При одной мысли, что он снова не будет видеть, кровь стыла в жилах Ливинда. — Неужели среди вас нет ни одной доброй души?.. Так будьте вы прокляты!.. Хасан из Амузги, где ты? Приди, спаси меня! — крикнул он в отчаянии.

Вокруг стоял невообразимый гвалт. Слова Ливинда ни до кого не доходили. Люди словно бы потеряли свое

человечье обличье. Все были как одурманенные. Во всех своих бедах, во всех болезнях и напастях они теперь винили Ливинда, считая, что это он дьявольскими наваждениями навлек на них немилость аллаха. И почти каждый был полон кровожадного вожделения увидеть своими глазами, как будет корчиться от боли мнимый виновник их невзгод. Ослепленные гневом люди всегда страшны. Религиозные фанатики в таких случаях страшны вдвойне. А здесь, в Куймуре, именно религиозный фанатизм нашел свое крайнее проявление.

И вдруг во всем этом кошмаре до слуха Ливинда, как сквозь сон, донеслись слова:

— Белый всадник, белый всадник!..

Это кричали дети. Затем возглас подхватили и старшие. И площадь загудела с новой силой, а из-за поворота действительно появился, как в сказке, белый всадник. Люди расступились, освобождая дорогу мчащемуся всаднику, и он влетел на майдан.

— Остановитесь!—крикнул всадник, и его голос словно бы пронзил сердца взбешенных людей и приковал всех к месту. Закружился белый всадник на вздыбившемся коне, разбежались те, кто калил на костре шипцы, отступили к мечети почтенные правоверные во главе с ковыляющим Ника-Шапи,—говорят ведь, у ничтожного человека и шаг неровен. Бедняга Ливинд сияющим взором, восхищенно глядел на белого всадника... Тот легко спешился, подошел к столбу и, выхватив кинжал, ловко разрезал веревку, освободил отца Муумины, затем, уже почти спокойно, обратился к растерянными куймурцам:

— Пусть подойдет ко мне самый почтенный и уважаемый из вас! Если, конечно, от потери рассудка вы еще не лишились памяти...

Наступила тишина. Все словно онемели от столь неожиданного явления спасителя. Никто не решался подойти к этому ангелу. Да, да, многие уже шептали, что это наверняка ангел-спаситель Джабраил. Наконец вперед вышел Ника-Шапи, робко пододвинулся к всаднику...

— Ближе!—сказал, как отрезал, Хасан из Амузги и, когда тот подошел совсем вплотную, проговорил:— Что же это ты, уважаемый, допускаешь такое? Святого человека обижаешь!..

— А с кем имею честь говорить, хотелось бы мне знать?— с трудом приходя в себя от первого испуга, спросил Ника-Шапи.

— Ну что ж, хочешь, так знай, я — сын Ибадага¹,— ответил Хасан из Амузги и показал в небо.— Понятно?

— Да, да! Но...

И тут свершилось самое неожиданное, Ника-Шапи вдруг повалился на колени. Хасан из Амузги поднял его и проговорил:

— Скажешь людям о том, что услышал от меня, как только мы уйдем!— С этими словами Хасан подошел к Ливинду и обнял его за плечи.— Я рад приветствовать тебя, почтенный Ливинд! За что они так с тобой? В чем твоя вина?

— Моя вина? Вот...— Он дрожащими от радости руками потрогал свои глаза, потом посмотрел в небо.— Я вдруг стал видеть!.. Людей!.. Тебя вижу, белый всадник!..

— И что же это вы, почтенные?..— обернувшись к народу, сказал Хасан из Амузги.— Сами, что ли, ослепли? Радоваться надо вместе с ним, а вы решили его казнить! Как же так! У человека такое счастье, а вы его... Откройте пошире свои глаза. Посмотрите, как прекрасен мир и как много в нем места для всех!..

— Удивительный мир! Его нельзя не любить. Им нельзя не дорожить!— уже совсем смело и спокойно сказал Ливинд.— Ах, если бы моя дочь была здесь!..— Он намеренно громко высказал свое великое желание, в надежде, что этот волшебный человек, который все может, услышит его и совершит еще одно чудо...

— Она скоро будет здесь, уважаемый Ливинд!— сказал Хасан из Амузги...

И не успел он договорить, как по той же дороге на майдан прискакал еще один всадник. Спрыгнув с коня, он подбежал к Ливинду...

— Отец!..

— Муумина! Голос твой, а... Что это?..

— Что, отец?

— На тебе мужская одежда.

— А как ты узнал, отец?— удивилась Муумина.

— Я вижу, дочь моя!

¹ И б а д а г — пророк.

— Это правда, отец? Ты видишь меня?— Ее большие сияющие глаза засветились радостью.

— Да, дочь моя, я вижу тебя!

— И других видишь?!

— Да, и белого всадника тоже...

— Отец, отец! Родной мой, добрый, хороший, как я рада за тебя! Слышите вы, люди, мой отец больше не слепой!.. А за что же они тогда хотели тебя казнить?

— За то, что я стал их видеть, за то, что тебя и твое счастье хотел видеть, Муумина...— и он обнял ее, прижал к себе.— А знаешь, я тебя такой и представлял, дочь моя!

— Пойдем домой, пойдем, отец!— и Муумина потянула его за собой.

Ведя на поводу сразу двух лошадей, пошел за ними и Хасан из Амузги. На майдане остались пораженные и недоумевающие куймурцы. Им было чему удивляться. Такого в Куймуре еще не случалось. Суеверные души людей охватил трепет. В них перемешались разные чувства: радость и зависть, разочарование и удивление...

Едва Хасан из Амузги скрылся из виду, народ хлынул к Ника-Шапи. Он повторил им то, что сказал белый всадник. Слова полетели из уст в уста со скоростью молнии. Все переполошились. Одни перепугались, что могут, чего доброго, и пострадать от гнева всевышнего за чрезмерное свое усердие, другие стали утверждать, что они, дескать, были против надругательства над божьим человеком, и во всем происшедшем обвиняли одного только Ника-Шапи. А те, кто вместе с ним судили и рядили, как им поступить с Ливиндом, теперь отказались от него и, больше того, решили изгнать из мечети. Недаром ведь говорится: жизнь — колесо и, как оно, крутится.

Ника-Шапи, чтобы избежать лишнего возмущения и нарастающего гнева, который, того и гляди, мог прорваться в народе и обернуться расправой над ним прямо тут на майдане, молча подчинился и поспешил убраться, решив, видно, что бегство — лучшее спасение от гнева.

Муумина места себе не находила от нежданной радости. Вся светилась, как может светиться истинное,

чистое и непосредственное дитя природы. Только войдя в дом, она на минуту изменилась в лице, стыдливо зарделась оттого, что перед Хасаном во всей обнаженности предстала их крайняя бедность. За те дни, что Ливинд сидел в яме, у них растащили последнее, даже кизяка не оставили, чтобы разжечь огонь в очаге, не говоря уже о том, что увели овец и единственного козла.

— Чем же мы угостим нашего желанного и дорогого гостя, дочь моя?—забеспокоился Ливинд.

— Даже яиц у нас нет, чтобы хоть яичницу приготовить, и хлеба тоже нет... Ничего нет!—развела руками Муумина.— Ну и люди! Свои ведь, ладно бы чужие...

— Ничего мне не надо, мои добрые! Не беспокойтесь. Мы с тобой, Муумина, должны поспешить...

— Да, да, я сейчас!—Девушка хотела переодеться, но оказалось, что и одежду ее растащили.

— Вы что, уезжаете?—с грустью посмотрел на гостя и на свою дочь Ливинд.

— Пока нет. Дело тут у нас одно. Да и ты знаешь, уважаемый Ливинд... Нужен мне тот коран, с медной застежкой.

— Но его ж нет, дочь моя? Ты ведь потеряла?.. А... Ты, выходит, тогда просто не сказала им?..

— Да, отец! Потому что они были плохие люди.

— А куда же ты дела книгу?

— Спрятала. Я знала, что она нужна белому всаднику.

— А ты у меня, оказывается, умница, доченька! Ну, в добрый час. Что делать, я знаю, вы голодные, но...

— Ничего, скоро все будет!—многозначительно сказал Хасан из Амузги.

Они выехали, а на террасе стоял Ливинд и провожал их взглядом. Он любовался ими, а сам невольно думал, что с ним поистине творятся чудеса: в тот день, когда от удара злодея Аждара он потерял сознание, к нему вдруг вернулось зрение! Что это было? Чудо? Или оттого, что он ударился о камень, в нем что-то произошло?.. Потом этот ужас: заточение в яму и надругательство односельчан. И, наконец, чудесное избавление с помощью белого всадника — Хасана из Амузги — и обретение дочери, которую Ливинд уж и не чаял увидеть... Столько всего на одну голову обрушилось. Не много ли? Ливинд с ужасом вспомнил, с какой слепой яростью люди готовы были

вновь лишить его возможности видеть мир. Нет, нет! Лучше умереть, только не это! В задумчивости Ливинд не расслышал, как заскрипели ворота и во двор вдруг вошли люди. Склонив головы, они несли в руках какие-то вещи. «Ах, вон что! Совесть заговорила»,— подумал Ливинд.

Несли медные котлы, кувшины, одежду и даже старый сундук... Молча, ничего не говоря, один за другим пришельцы поднимались по лестнице и ставили всё на свои места. А какая-то женщина предложила даже прибрать в комнатах, подмести... Мол, если мы не позаботимся о нашем святом, так кто же еще это сделает.

И вот те же самые люди, которые всего какой-нибудь час назад с исступлением фанатиков обвиняли Ливинда в сговоре с дьяволом и готовы были предать жестокой казни, сейчас со смиренностью агнцев провозглашали его святым и всячески старались угодить. Да и как не признать святым человека, которого само небо, по воле аллаха, спасает от расправы и возвращает ему дочь?..

Терраса Ливиндова дома скоро была забита всякой всячиной. Несли кур, яйца, масло, кто-то тут же во дворе прирезал и освежевал барана. А кто-то из женщин замесил тесто, развел огонь в очаге и поставил котел...

Ливинд смотрел на все это и удивлялся: подумать только, людей как подменили... Спустя какое-то время к воротам подтащили упирающегося Ника-Шапи, и, крепко зажав его в цепких руках, обращаясь к Ливинду, люди спросили:

— Скажи, святой, что нам сделать с ним, как поступить? Как ты скажешь, так и будет! Это он, и только он, возмутил души правоверных и вверг нас в пламя гнева, ввел в заблуждение, да обрушится кара аллаха на его голову. На колени, злодей, на колени перед святым... — и люди насильно повалили его в грязь на колени.— Молись за нашего Ливинда! Мы же говорили, небо не оседлаешь, а солнце не взнуздаешь. Но он твердил свое!..

— Люди добрые! — заговорил Ливинд, и все замерли.— Люди добрые, дорогие сельчане, не надо корить в дурном других. Каждому из нас есть в чем упрекнуть и себя. Давайте лучше возвращать в наших душах то, что есть в нас, в людях, хорошего.

— Но он же хотел с тобой расправиться?!

— Не это страшно. Его беда в том, что, когда я про-

зрел, он ослеп! А с этим ничего не поделаешь! Многие из вас ведь тоже были заодно с ним...

— Это он нас попутал...

— Если бы вы не послушались его, почтенные, один он ничего не смог бы сделать...

— Скажи, как нам его наказать!

— Никак. Поднимите его из грязи, и пусть себе уходит. За ним тоже есть добрые дела. Вспомните, к примеру, что, когда у кого-нибудь в сакле смерть, он первым является выразить сочувствие и за это не просит ничего. Он же и молитвы читает... Добро надо помнить. Отпустите его. Сотворите, люди, и вы доброе... От доброты светлее станет на земле, и будет она прекрасна.

— Истинные слова! Куймурцам такое не часто приходилось слышать!..

— Слава нашему Ливинду!

— Мудрому слава! Трижды слава! Да простит он нас всех!

— И еще у меня к вас просьба, дорогие куймурцы: никогда не унижайте другого человека и сами не унижайтесь. Не преклоняйте колени ни перед кем. Это стыдно. Даже перед аллахом не делайте этого... — Все слушали его затаив дыхание. — Знайте, что и аллах велит почитать людей гордых и достойных. То, что вы сейчас подносите мне в дар, в другое время я бы не принял. Но у меня в сакле, вы знаете, дорогой гость. Помните мою сказку? Он человек из этой самой сказки. Ради гостя я с благодарностью принимаю ваши дары!..

Куймурцы никогда еще не слышали таких слов. Им вечно внушали, что перед сильными и святыми надо быть покорным, надо служить им, перед ними должно склоняться в поклоне, а этот бывший слепой Ливинд говорит им добрые, простые слова, от которых на душе становится светло.

Люди готовы были слушать его бесконечно, но он вдруг замолчал. На повороте показались возвращающиеся Хасан из Амузги и Муумина. Они извлекли из тайника коран с медной застежкой и вот вернулись домой.

Муумину вдруг пронзил чей-то взгляд. Она вздрогнула и шепнула Хасану:

— За нами кто-то следит.

Он схватился за оружие и огляделся вокруг, но никого подозрительного не заметил. И вдруг перед ними

как из-под земли вырос Саид Хелли-Пенжи. Они не сразу узнали его. Тот быстро свернул в лесок и исчез.

Увидев во дворе перед своей саклей огромное множество народу, Муумина встревожилась, не случилось ли чего? Но, встретившись глазами с улыбающимся отцом, она успокоилась.

— Все ли у вас благополучно, дети мои? — встретил их вопросом Ливинд.

— Да, отец! А что это столько народу у нас собралось?

— Совесть в них заговорила, дочь моя, доброта поднялась со дна душ! Дайте-ка мне взглянуть на эту книгу, — попросил Ливинд, — в руках бывала, а видеть я ее не видел...

— Э, да тут как на свадьбе! А вы боялись, как бы мы с голоду не пропали, — улыбнулся Хасан, глядя на всю снедь, что грудилась на террасе. — А это вам коран с медной застежкой, — и он протянул Ливинду книгу.

— Вот она какая, таинственная книга, приносящая людям счастье.

— Смотря кому, отец! — Хасан из Амузги впервые назвал Ливинда отцом.

— Это и правильно! Пусть злодеям она не приносит радости. Что ж, дети мои, можно и поесть. Смотри, белый всадник, вон сколько нам даров принесли в твою честь.

— Скорее в твою честь, почтенный Ливинд.

— А что ты сказал там на майдане на ухо этому Ника-Шапи? — тихо спросил Ливинд.

— Сказал, что я сын Ибадага. Отца моего и в самом деле так звать.

— Вот оно что? Теперь мне все понятно!

— Святой Ливинд, — обратились к нему люди, — пусть белый всадник и нам что-нибудь скажет. Попроси его...

— Скажи, сын мой. Скажи им доброе слово.

— А ты разве не говорил уже?

— Говорил, но они и тебя хотят услышать.

Хасан из Амузги подошел к перилам террасы.

— Почтенные куймурцы, что вам сказать. Наш гордый и мужественный народ вступил на трудный путь, на путь борьбы за право расправить плечи, смело смотреть жизни в лицо. Борьба эта будет стоить нам крови и потерь. Но те, кому дороги честь и совесть народа, не по-

щадят сил. Имя им — большевики! А власть, за которую борются большевики, зовется советской властью. Вы тут передавали из уст в уста, будто я ангел, всадник из сказки. Так знайте! Никакой я не ангел, я сын бедного кузнеца Ибадага из Амузги. И еще я — большевик, один из тех, кто борется за свободу народа. А всякий свободный человек и сам может сделать жизнь сказкой. Мой отец как-то рассказал мне случай из своей жизни. Ехал по плодородной долине Таркама богач, повстречался ему в пути мой отец — шел он в чужие края искать избавления от голода. Богач посадил его к себе в фургон. А в фургоне том рядом с богачом лежал хурджин. И из хурджина торчал румяный свежее испеченный чурек. Богача потянуло на разговор.

«Если ты не дурак, — сказал он, — отгадай-ка мою загадку: круглое, желтое, и не яблоко, и не айва. Что это?»

«Чурек!» — не задумываясь ответил мой отец.

«Не угадал. Золотая монета, что лежит у меня в кармане. А скажи, что, по-твоему, дорогое и сверкающее, не роса и не стекло?»

«Чурек!» — опять сказал отец.

«И что ты все заладил — чурек да чурек? Это алмаз в моем перстне».

«А когда же будет загадка про чурек?!» — воскликнул отец, не спуская глаз с хурджина...

Сейчас у всех на устах слова «советская власть», как тот чурек у моего отца. Не все пока до конца знают, что это значит, но все понимают, что за этими словами стоит что-то хорошее, столь же необходимое, как чурек. Вы, жители Куймура, хорошие люди и заслуживаете большого счастья. Ну, а то, что за счастье надо бороться, это, я, думаю, вас не остановит.

— Мы готовы бороться!

— Слава белому всаднику!

— Придет час, куймурцы, и я обращусь к вам за помощью! — Хасан обернулся и увидел шедшую к нему Муумину.

Она уже успела переодеться и даже в своем бедном наряде была так прекрасна, что у него дух захватило. Что может быть прекраснее прекрасного, как сказал бы покойный Али-Шейх. А прекрасное на свете — это человек. Его открытое, чистое сердце, его ясный взгляд, готовность сделать добро себе подобному.

Увидев рядом этих прекрасных людей, прекрасных молодостью, чистотой чувств и помыслов, полных доброты, куймурцы, словно сговорившись, в один голос выдохнули:

— Достойная невеста! Достойн и жених! Да прославится имя его отца!

— Свадьбу! Свадьбу! — прокатилось вокруг.

Розово-белое личико Муумины зарделось. Она потупилась, Хасан из Амузги тоже чуть смутился. Но уже через миг он поднял руку, прося внимания. Приложив ладонь к груди, он вежливо поклонился и сказал:

— Спасибо вам, добрые люди! И для свадьбы придет время. Непременно придет. Но сейчас всех нас ждут великие дела, и я вынужден пока попрощаться с вами. А в добрый час я явлюсь, и мы справим свадьбу. Берегите себя. Берегите друг друга. Уважение между людьми превыше всего!

Еще раз поклонившись, Хасан из Амузги в сопровождении Муумины вошел в дом. Ливинд пригласил к себе на обед всех почтенных людей, вместе с Ника-Шапи. Обед был достойным желанного гостя. И курзе — особые горские пельмени с ароматными травами, и вареное мясо, и бицари — нафаршированные рисом, чечевицей и рубленой печенью бараньи желудки и кишки. Словом, всего было вдоволь, да так вкусно, что, как говорят горцы, от одного только запаха даже мертвый воскрес бы и уселся за эдакую трапезу.

— Ну что ж, после еды пора и в путь-дорогу, — сказал Хасан из Амузги, вставая.

Прощание было недолгим. Почти все жители провожали его до выезда из аула, а дальше, до реки, шли только Муумина и благодарный Ливинд. Муумина просила Хасана взять и ее с собой, но он отрицательно покачал головой, и она отступилась.

— Удачи тебе, сын мой! Во всех делах удачи! — сказал Ливинд, обнимая Хасана из Амузги. — Да поскорее опять найди дорогу к нашей сакле!

— Хасан из Амузги, я жду тебя! — проговорила и Муумина, опустив на плечо отцу свою голову и с нежностью глядя на любимого. Волна счастья поднялась в ее груди от того взгляда, каким он одарил ее на прощанье.

И скрылся за крутыми дальними поворотами белый

всадник. Конь понес его будто на крыльях. Только пыль еще долго висела над дорогой, но и та медленно рассеялась.

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Похоронив свою старшую дочь, Исмаил не сразу оправился от горя. Он, пожалуй, впервые так остро, всем сердцем почувствовал, какая это великая беда — смерть родного человека...

А жизнь делала свое дело. Очнувшись, Исмаил осознал, что в порыве душевной боли и ярости он совершил непоправимую ошибку. Ему и раньше не очень верилось, что племянник Сулейман единодушен с ним во всем. И вот свершилось: Сулейман поистине будто только того и ждал, чтобы получить полную волю. Поди-ка теперь оправдайся перед генералом Хакки-пашой. Да и не только перед ним. Имам из Гоцо и шамхал Тарковский, вернувшие Исмаилу все, что у него было отнято большевиками, тоже не простят ему. И хотя между собой они как кошка с собакой, но против большевиков стоят единой стеной. Исмаил ума не мог приложить, как ему теперь выкрутиться из создавшегося положения. Для начала он велел позвать Сулеймана. Тот не заставил себя ждать, но явился с Умаром из Адага, недавно сменившим Муртуза-Али, которого Али-Баганд отправил на другое задание.

— Это еще что за кожаная куртка в моем доме? — словно бы ничего не зная, угрюмо бросил Исмаил, скривив свое измученное, помятое тяжелым сном лицо. — Комиссар?

— Да, комиссар! — ответил Умар из Адага.

— Большевик?

— Да. Умар из Адага я.

— И что же ищет бывший абрек, а ныне большевик в моем хуторе? — спросил Исмаил, обращаясь к племяннику.

— Я нашел здесь добрых людей и навожу порядок! — вместо Сулеймана ответил Умар из Адага.

— Не тебя спрашиваю! — рявкнул Исмаил. Острым своим нюхом он уже почуял, что, пока он предавался горю, племянник, не раз благосклонно высказывавшийся о большевиках, теперь и вовсе переметнулся к ним. Воз-

мущению Исмаила не было границ.— В моем доме большевистское логово устроил!

— Нам некуда больше деваться, дядя. И ты напрасно возмущаешься! — сказал Сулейман.— К тому же ты ведь и так расстроен, побереги себя. И постарайся поразмыслить, может и сам поймешь, что к чему.

— Ничего не понимаю, о чем ты? Кому это «нам» некуда деваться? — Понимать-то он понимал, но уж очень ему не нравилась самостоятельность племянника.

— Могу объяснить: нам — это нам с тобой. Если мы не с турками, если мы против Бичерахова и если мы не выполняем приказов Горского правительства, то позволь мне спросить, с кем же мы тогда?

— Ни с кем я! Сам по себе! Мои люди и я!

— Смешно... Нет у тебя твоих людей.

— Как нет? А где же они, мои бойцы?

— Ты доверил их мне, вот я и распорядился...

— Отдал их комиссарам?

— Да. Это лучше, чем оказаться ни с чем и ни с кем.

— Безмозглый осел! Да чтоб твой род передох, чтоб тебе ослепнуть, околеть! Ты понимаешь, что ты наделал? Исмаил — и вдруг комиссары, а? Где мои бойцы? Немедленно выстроить их на майдане, я сам спрошу их, с кем они и за кого... Я приказываю, я хочу с ними поговорить! — Лицо его исказилось в злобной гримасе.

— Комиссар, сделай одолжение,— обратился Сулейман к Умару из Адага,— собери людей, а я пока побеседую с дядей. Быка за рога не удержал, теперь, видишь, хочет за хвост ухватиться...

— Мне не о чем разговаривать с родственником, который выбивает столбы из-под фундамента своего же дома.

— Не о чем, а придется. Припомни мудрое слово: лягнешь доброе, останешься со злом. У тебя теперь выбора нет!

— Ты еще и угрожаешь мне? Если бы у кошки крылья... Может, и арестуешь?

— Если понадобится...

— Сын блудницы! Убирайся к себе в Астрахань! — И Исмаил вдруг с размаху потной ладонью своей вlepил племяннику пощечину, да с такой силой, что звук ее долетел даже до комиссара, спускавшегося по лестнице.

В блуждающих, мутных глазах Исмаила перемешались и ненависть и бессильная ярость.

— Ну вот что, дядя! Будь на твоём месте любой другой, я бы не задумываясь застрелил его. Тебе прощаю. Но пусть это будет в первый и в последний раз, что ты беснуешься. Пора во всем разобраться. Не думай, я тоже не дурак. Раз принял такое решение, значит, считаю, что так и надо поступать. Осмотрись вокруг. Постарайся понять, что делается в России. Молодая советская власть борется и побеждает. Идти против народа в таких обстоятельствах равносильно самоубийству. Не думай, что я во всем подчинился большевику Умару из Адага. Просто я понимаю, что правда сейчас на их стороне. И должен тебе сказать, что мне тоже нелегко было с этим согласиться. Но когда я увидел, каким пламенем зажжены люди, я осознал, что с этого пути уже не свернешь... Если мы не пойдём за ними и даже впереди них, они нас растопчут...

— Я давно чувствовал, что из тебя не высечь искры для большого пожара.

— То, что сделал я, пришлось по душе твоим людям. Рано или поздно они все равно отвернулись бы от нас. Так не лучше ли быть с ними, под их защитой, чем оставаться в одиночестве? Пойми же наконец меня!

— И ты уверен, что большевики так сильны?

— Сила не в них одних, она в тех, кто готов идти за ними в огонь и в воду. А это народ...

— «Народ, сила», — раздраженно повторил Исмаил.

И даже в этом раздражении Сулейман уловил нотку здравого смысла. «Неужели что-то поймет?» — подумал он. В это время доложили, что оба отряда построены на майдане. Исмаил осмотрел себя, поправил маузер на ремне и решительно шагнул из комнаты. Сулейман последовал за ним.

Бойцы удивили Исмаила своим необычно бравым видом и даже какой-то выправкой. Люди попросту преобразились. На лицах и следа не осталось от былой обреченной покорности. Глаза у всех горели достоинством и гордостью. Это, с одной стороны, обрадовало Исмаила, а с другой — задело по самолюбию.

— Чьи вы бойцы?! — спросил он, и это прозвучало очень глупо.

Приличия ради следовало сначала хотя бы поздоро-

ваться с людьми, поздравить с победой, которую они одержали над турками... Ему не ответили. Он повторил свой вопрос и снова не получил ответа. Тогда Исмаил поманил к себе пальцем одного бойца. Мухамедом его звали. Он тихо подъехал и спешился перед Исмаилом. Сейчас это был не тот человек, каким хозяин знал его раньше. Он смело смотрел вперед.

— Вот ты, скажи мне,— спросил Исмаил,— кому ты служишь?

— До сегодняшнего дня я и сам толком не знал,— ответил боец,— а теперь знаю. Я служу соплеменникам своим и моему истерзанному краю.

— Кто твои враги?

— Все те, под чьим гнетом стонут наши аулы...

— Кто друзья у тебя?

— Друзья народа — мои друзья!

— А я кто?

— Ты родич нашего командира, дядей ему приходишься.

— И все?

— Да, все. Просто родственник.

— Ах ты, собачий сын! Родственник шакала! — вскинулся было Исмаил, но боец перебил его:

— Прошу уважать других, если хочешь, чтобы тебя уважали, Исмаил. Ты такой же, как и мы,— будешь с нами хорош, и мы с тобой добром...

— Да с кем ты разговариваешь? Забыл, чей хлеб ешь?

— Упрекаешь хлебом? Могу сказать, чей хлеб мы едим. Не твой. Хлеб принадлежит земледельцу, тому, кто его растил. А ты не пахал, не сеял, не собирал и даже тесто не месил...

— А чья это лошадь, уздечку которой ты держишь?

— Моя, пока я в отряде красных бойцов.

— Чье оружие у тебя в руках?

— Мое, пока я боец народа.

— И все вы так думаете? — обернулся Исмаил к своим, еще вчера вроде бы верным бойцам, показывая плетью на Мухамеда.

— Да, все так думаем! — хором ответили бойцы.

— И вы ничем не считаете себя обязанными мне? Мне, Исмаилу из хутора Талги, хозяину этой долины?

— Ничем! Кроме благодарности за то, что ты собрал нас здесь.

Комиссар Умар из Адага и командир этих красных отрядов Сулейман Талгинский переглянулись и усмехнулись. Исмаил, как ни странно, вдруг растерялся... Он не знал, что ему еще сказать и что делать. Наступило долгое томительное молчание.

— Да чтоб ваш род передох! — крикнул он наконец в сердцах...

— Не передохнет. У нашего рода, уважаемый Исмаил, корни глубокие, и имя ему — народ! — сказал Мухамед. — Несмотря ни на что, Исмаил, я тебя уважаю. Жизнь ты устроить умеешь. Будь с нами. Начнем вместе устраивать жизнь своего народа.

— Кто вдолбил в тебя эти премудрости?

— Добрые люди!

Мухамед чувствовал себя довольным и даже счастливым оттого, что вдруг так вот просто разговаривает с бывшим своим хозяином.

— Кто они, эти люди?

— Хасан из Амузги и наш комиссар Умар из Адага.

— И это ты говоришь мне сейчас такое? Да не вы ли всего несколько дней назад забрасывали грязью этого Хасана из Амузги? — зло ухмыльнулся Исмаил.

— Да, мы! На свою беду, делали это по твоей указке, теперь вот стыда не оберемся.

— Поумнели, значит? Так, что ли?

— Выходит, так.

— А точнее?

— Поумнели, Исмаил. Очень даже поумнели. И тебе бы не мешало, пока не поздно...

Призадумался старик. В эту минуту он был похож на привыкшего к легким победам самоуверенного борца, который вдруг, встретившись лицом к лицу с дотоле неведомым противником, неожиданно потерял самообладание и готов сдаться без борьбы...

Исмаил постоял-постоял и, резко повернувшись, быстро пошел к дому. За ним последовали Умар из Адага и Сулейман, приказав часовым смениться и быть начеку.

— Похоже, что старик сдался, — шепнул на ухо Умару Сулейман. — Я думал, будет хвататься за оружие, но он...

— Надо решить, как быть с турками? — сказал Умар из Адага.

— С этим ты обратишься к нему! Он будет польщен тем, что с ним считаются, и на сердце у него полегчает... — посоветовал Сулейман. — А это нам только на руку.

Умар из Адага так и поступил. И в самом деле, Исмаилу, успевшему уже согреть себя огненной водой, такое обращение пришлось по душе. Он и правда подумал, что вот они и с ним считаются.

— Видеть их не хочу, этих турок. Выведите за хутор, и пусть убираются на все четыре стороны! — сказал он.

Но Умар из Адага с этим не согласился.

— Мы отпустим их, а они вооружатся и пойдут на нас жс. Не забывай, уважаемый Исмаил, что Хакки-паша стоит под стенами Порт-Петровска.

— Так что же с ними делать? Расстреляем, — вызовем еще больший гнев генерала.

Туман в голове Исмаила явно рассеивался.

— У меня есть предложение, — сказал Умар из Адага.

— Какое? — Исмаилу стал даже нравиться этот вроде бы мягкий, с хитринкой в глазах, горец.

— Разумнее всего под охраной нескольких наших людей препроводить их к границам Азербайджана и выдворить из Дагестана.

— А башка твоя варит. Разумное говоришь, — довольно улыбнулся Исмаил. — Одолели вы меня, дьяволы.

— Делить нам с тобой нечего...

— Победите, все мое состояние разделите?..

Больше всего его опять же заботила судьба несправедливого своего богатства.

— И ты не пропадешь. Будешь жить, как все. Есть станешь то, что зарабатываешь.

— А как же эта грязь? И кто за больными будет следить? Ведь уж сколько лет я здесь живу. Как-никак кое-что понимаю в ее лечебных свойствах — кому она полезна, а кому нет...

— Вот и будешь этим заниматься.

— И на том спасибо! А что скажет Хасан из Амузги? Такое, что я с ним сотворил, человек человеку не прощает.

— В другое время он, может, и не простил бы. Но у него теперь заботы иные, заблудших в нашем народе не мало. Хасан из Амузги главным своим делом считает, как бы ему побольше людей наставить на путь истины.

Люди нам сейчас очень нужны... А месть — это не для него.

— Клад он нашел? — не удержался, полюбопытствовал Исмаил.

— Найдет! — неопределенно ответил Умар из Адага. — Клад этот ценен и важен для всех нас.

— А вдруг ваш Хасан из Амузги отыщет его, присвоит себе и был таков? И останетесь вы, как говорят сирагинцы, со своим бесхвостым ослом? А?

— Этого не может быть! — усмехнулся Умар из Адага.

— Вы так ему верите?

— Только с верой друг к другу можно делать общее дело.

Итак, попытка генерала Хакки-паши выбить полковника Бичерахова из города, охраняемого кораблями, бронепоездом, аэропланами и пушками, не удалась. Слишком малы были силы, с которыми он двинулся на Петровск. А в пути поредел и эти малочисленные его отряды. Часть людей перешли на сторону большевиков и двинулись в Леваши, где находился штаб красных. Повел их Ибрахим-бей, который должен был вместе с отрядом Исмаила пойти на Петровск с юга и создать тем самым впечатление, что наступление идет по всему фронту.

Под натиском численно превосходящих сил противника генералу пришлось отступить по дороге в Темир-Хан-Шуру к аулу Атли-Буюн, а преследовать его и вести с ним изнурительные бои полковник Бичерахов не решился...

Это был уже не тот уверенный в себе наймит Бичерахов, который еще недавно писал своему брату в Баку: «Дагестан у меня в руках, в помощь терцам я послал отряд в тысячу пятьсот человек при четырех полевых пушках, двух тяжелых орудиях, при четырнадцати пулеметах, двух бронированных автомобилях с автомобильной колонной, с достаточным количеством снарядов и патронов... Полагаю, что в ближайшее время Кизляр нами будет взят. Затем на очереди Грозный, и оттуда...»

Обстановка в последние дни резко изменилась, не

в пользу Бичерахова. Положение англичан в Баку, да и во всем Дагестане очень осложнилось. Словом, под чужеземцами горела земля. Никакие суровые меры, никакая расправа над горцами, в каждом из которых подозревали если не большевика, так абрека, ни турок, ни англичан не приводили к желаемым результатам. Обещать они ничего не обещали, давать ничего не давали, а обирать население — одинаково обирали и те и другие. Еще в Темир-Хан-Шуре, в столице Страны гор, генерал Хакки-паша прознал, что повсюду в горах большевики собирают силы, создают отряды красных бойцов и вооружают их. «Ах, мерзавец! — негодовал генерал, думая об Ибрахим-бее. — На месте бы надо его пристрелить за невыполнение приказа. Теперь все шамхалы и Исмаил станут надо мной потешаться. Ну ничего, я еще покажу этому английскому Бичерахову анатолийский шиш! Пусть только подоспеют обещанные отряды!»

Турецкий генерал, совсем как тот боец из кумыкской поговорки, побежденный, еще больше жаждал боя. Он ждал подкрепления из столицы от Горского правительства. Должны были подойти части экспедиционного корпуса. Но гонцы приносили неутешительные сообщения: то там, то тут горцы переходили на сторону большевиков. Доходили слухи, что даже иные турецкие офицеры шли на сговор с красными...

Генерал бесновался оттого, что не мог одолеть полковника. Он уже готов был заключить союз хоть с большевиками, хоть с самим дьяволом, лишь бы не осрамиться перед султаном, поручившим ему любой ценой завлечь горцев под крыло Стамбула. На него власти возлагали большие надежды. Уж очень хотелось султанской Турции завладеть таким лакомым куском, как Страна гор, и загнать ее народ под купол полумесяца.

Гонец из Талгинского хутора едва домчался до ставки генерала. Истекая кровью, он рухнул с коня. Его с трудом привели в чувство, и, задыхаясь, гонец проговорил:

— Хутор находится в руках красных отрядов, Исмаил — подлый предатель, а Ибрахим-бей и турецких аскеров там нет, они или расстреляны, или...

— Откуда ты взял, что Исмаил предал нас? — спросил Хакки-паша.

Но гонец уже не смог ответить. Он был мертв.

И без того раздраженный неудачами, после этой новой дурной вести генерал пришел в неописуемую ярость. Войдя в дом, он, не снимая сапог, повалился на тахту. Услужливые офицеры с раболепной поспешностью подложили генералу под ноги и под голову подушки и покинули его, — всякое можно ожидать от рассвирепевшего властителя. А он поистине был страшен в гневе. Раздулись ноздри мясистого носа, углубились суровые складки между бровями. Задвигалась вся кожа на бритой голове и большие торчащие уши.

Всякий раз, когда ему надо было принять какое-нибудь важное решение, генерал должен был лечь. Только в горизонтальном положении он способен был думать...

К полудню ждавшие в Агач-ауле возвращения Хасана из Амузги Муртуз-Али и Мустафа сын Али-Шейха были неожиданно встревожены шумом и грохотом. Откуда ни возьмись нагрянула конница. Это оказались турецкие части.

Они шли по аробной дороге, по тропам сквозь заросли дикой айвы, боярышника и дуркбы — мушмулы. И конные и пешие выглядели одинаково измотанными и усталыми...

Вот они — турки. У горцев и раньше были связи с ними. В Страну гор завозили турецкие книги, и в том числе «Историю Турции», написанную, между прочим, сыном этих гор даргинцем Махмуд-беем.

— Куда они направляются? — спросил Мустафа.

— Понять не трудно. В Агач-ауле они, похоже, останавливаться не собираются. А значит... — Муртуз-Али не договорил.

— Неужели в Талги? — встревоженно перебил его Мустафа.

— А куда еще? Они не простят Исмаилу резни.

— Что же делать?

— На коня и в хутор! Передай Умару из Адага, чтобы в драку не лез. Надо спасти людей. Пусть немедленно покинут хутор и подадутся в леса, поближе к этим местам...

— Успею ли? — пожал плечами Мустафа. Но через минуту он уже был на коне и выехал со двора...

Ровно в полдень прибыл Хасан из Амузги. В хурджи-

не у него лежала книга с медной застежкой. Его встретил в сакле покойного Али-Шейха Муртуз-Али, очень чем-то взволнованный и обрадованный тем, что видит перед собой целого и невредимого Хасана. Они обнялись. Муртуз-Али сообщил Хасану, что Хакки-паша все-таки двинулся в сторону Талгинского хутора. Но Хасан из Амузги уже знал об этом. Он встретился с турками в пути и чудом избежал столкновения с дозорными, приехавшими лугом, в объезд дороги, которую развезло после дождя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВОИ ИЛИ НЕ СВОИ?

Рукописная книга в переплете с медной застежкой конечно же никаким кораном не была. Но была она куда ценнее многих и многих книг, написанных арабскими письменами, в каждой из которых горцы видели только коран, что для них было равнозначно книге мудрости, по коей они поверяли все, что составляло суть их жизни.

Человек уходит из мира сего, а творения его рук остаются на земле, как немые свидетели страстей, взлетов и падений. Они говорят нам о времени и о событиях. И очень многое о предках своих люди узнают через вещи, которые на первый взгляд кажутся молчаливыми, но стоит обострить воображение, как они начинают говорить. Эта книга была книгой записей: интересных наблюдений, событий, имевших место в этих горах, обычаев, судеб людских, историй отдельных фамилий и записей всякого рода хадис — заповедей. А писалась книга неким летописцем Хамза-Дагестанли, человеком, несомненно обладавшим умом и открытым сердцем, жившим лет сто пятьдесят тому назад. Надо думать, что был он из предков покойного Али-Шейха из Агач-аула.

На полях этой книги тут и там пестрели записи, сделанные уже явно после смерти Хамза-Дагестанли разными людьми в самые разные времена...

Хасан сын Ибадага из Амузги, довольный тем, что вот наконец-то тайна в его руках, раскрыл шкатулку, извлек оттуда ключ и лоскут, в который был завернут этот ключ. На лоскуте он прочитал надпись, а на облож-

ке в конце книги нашел еле заметный надрез, вроде кармана. Аккуратно потянув, Хасан извлек сложенную вчетверо русскую газету. Внимательно обозрев находку, Муртуз-Али обрадованно потер ладони.

— Что там? — спросил Хасан.

— Декрет о мире и земле. Очень важный документ. Особенно для горцев. Ведь горец издревле привык верить тому, что написано на бумаге.

— Газета напечатана в Петрограде?

— Да. Это доброе оружие в наших руках!..

Хасан из Амузги снова потянул и извлек из кармашка кусочек белой материи, на которой было что-то написано черной тушью.

— Вот оно!.. Послушай, Муртуз-Али!..

И Хасан стал читать:

— «Слава тому, кто в час сурового испытания вместе с народом, кто жизнь свою готов сложить в борьбе во имя лучшего будущего народа! Вечное презрение тому, кто выступит против этого. Если ключ от тайны попал в твои руки случайно или завладел ты им злоумышленно — оставь, гнусный, свои тщетные надежды. А если ты так ловок и хитер и о тебе идет слава, что ты можешь пролезть сквозь игольное ушко, и если ты всякими уловками овладеешь всем, что содержит эта тайна, и задумаешь направить все это против святого дела народа, — вечное тебе проклятье! И знай тогда: суровый суд времени ждет тебя!

Если же ты друг справедливости на земле (а справедливость с народом, ибо и черный день, проведенный с народом, есть беликий праздник), если в руках у тебя шкатулка из-под старой губденской башни и в ней заветный ключ, ты на верном пути. Приветствую тебя! Тайну эту знаю я и еще один человек, по имени Серго сын Васи́ла. Живет он на первом полустанке от станции Шамхал в направлении Кумтор-Калы, в саманном приземистом домике с одним дымоходом и с двумя окнами, обращенными к востоку. С ключом в руках явись к нему и скажи по-русски: «Поклон и привет тебе от почтенного Али-Шейха». На что он должен ответить: «Как Али-Шейх может передавать мне привет, если он уж давно распрощался с жизнью?» Ты вознесешь руки к небу и скажешь: «А я от него, оттуда». Он спросит: «Может, скажешь, что и ключ от рая в твоих руках?» Ты отве-

тишь: «Да, если имеется в виду рай на земле». — «Тогда я рад приветствовать тебя», — скажет он.

Если такой разговор состоится, поверь этому человеку, как самому себе. Ну, а коли случится, что в эти суровые дни и его, как многих наших братьев, постигнет беда раньше, чем ты к нему явишься, единственной надеждой для тебя будет этот ключ и твоя голова, которая подскажет тебе, какой замок ты должен отомкнуть. Удачи тебе!»

— Однако, задача мудреная! — промолвил Муртуз-Али, почесав затылок.

— Мудреная не мудреная, а тайна в наших руках! Что ж, в путь-дорогу, Муртуз-Али.

— Поехали!..

Время торопило их! Время подгоняло! Бои предстояли решительные. Горцы, в большинстве своем уже полностью осознавшие, что несет им советская власть, готовы были бороться за нее не на жизнь, а на смерть.

Хасан из Амузги и Муртуз-Али ехали по выжженной жарким солнцем солончаковой степи, вдоль не достроенного чужеземными инженерами, заброшенного и поросшего бурьяном канала Сулак-Петровск. Только ветер, шевеля редкие кустики ковыля и разнося полынный запах, полнил жизнью эту бескрайнюю пустыню.

Закатные облака были цвета недозрелого кизила, а солнце казалось раскаленным в горне небосклона огромным начищенным до блеска медным тазом.

От Шамхала повернули на запад к Кумтор-Кале, и очень скоро неподалеку от зеленеющей прогалины увидели саманный домишко с одним дымоходом и с двумя окнами, обращенными к востоку. У самого дома навстречу вдруг затыкала бесхвостая лохматая собачонка, да так агрессивно, словно того и гляди набросится на седоков и стащит их с коней.

Скрипнула одностворчатая низенькая дверь, и из дому вышел маленький сухонький старичок в форме железнодорожника. В руках он держал надкушенный ломоть от явно большого и очень спелого арбуза. Старик был в очках. Они съехали на самый кончик носа и делали его похожим на хищную птицу с большим клювом. Железнодорожник прикрикнул на собаку, она, виляя

хвостом, примолкла и, недовольно фырча, отошла в сторону.

Хасан из Амузги спешился и подошел к старику, который почему-то вызывал у него недоверие.

— Поклон и привет тебе от почтенного Али-Шейха! — сказал Хасан из Амузги, пристально глядя в глаза старику.

— От какого такого почтенного? — Пронзительными глазками поверх очков старик словно бы насквозь буравил пришельцев. И гости недоуменно переглянулись.

— Твое имя Серго сын Васи́ла?

— Да, меня зовут Сергеем, а отца величали Василием. Что вам от меня угодно?

— Поклон и привет тебе от почтенного Али-Шейха! — повторил Хасан из Амузги.

— Ну что ж, поклон так поклон. Заходите, будьте гостями. Правда, потчевать мне вас особо нечем, кроме как арбузом...

— Арбуз так арбуз, — в тон старику сказал Хасан из Амузги и, передав уздечку своего коня Муртузу-Али, пригнулся, чтоб не удариться о притолоку слишком для него низкой двери, и прошел в дом впереди хозяина. Едва он переступил порог, как на голову ему накинули мешковину и несколько пар рук цепко обхватили и стиснули его. Только не тут-то было. Всегда готовый к встрече с опасностью, Хасан не растерялся. В один миг напрыгся, вырвался и сбросил с себя мешковину...

Их было трое. Это Хасан понял после того, как одного, словно мешок зерна на мельнице, перебросил через себя, другого метким ударом в висок рукоятью плети заставил отпрянуть в сторону и третьему, что кинулся на него с горящими, как у пантеры, глазами, ловко подставил ногу и свободной левой рукой ударил его наотмашь по шее, отчего тот растянулся у порога.

— Муртуз-Али, измена! Скорей на коня! — крикнул Хасан из Амузги, отбиваясь от нападающих на него людей, как от того раненого леопарда, с которым ему однажды пришлось схватиться в Ширинском ущелье, неподалеку от Амузги. Тогда он был один на один со зверем. Сейчас противников было трое, и тем не менее Хасан не сдавался. В доме уже, кажется, не осталось ни одной целой вещи: все перебито, раскидано. Хасан подобрался к самой двери — еще миг, и он выскользнет во двор. Но

тут вдруг вскочил тот, что лежал распростертым у порога, и сзади нанес Хасану в затылок страшный удар чем-то очень тяжелым. Хасан зашатался и зажал голову ладонями. В глазах все поплыло. Он упал и потерял сознание...

Услышав крик, старик, что оставался во дворе, бросив ломоть арбуза, юркнул в камышовые заросли. Муртуз-Али, секунду помедлив, подчинился приказу Хасана и, вскочив на коня, умчался в степь... Вслед раздались выстрелы, но он, свесившись с лошади с невидимой для противника стороны, продолжал путь. А вскоре выстрелы прекратились, и Муртуз-Али хлестнул коня. Надо было спешить за подмогой, кто знает, сколько там в доме людей и что еще они сделают с Хасаном. «Эх, как мы на сей раз неосторожно поступили,— подумал Муртуз-Али,— надо было сначала понаблюдать за домиком...» А как понаблюдаешь в открытой степи? Противники наверняка видели их еще издали...

Хасан из Амузги пришел в себя, но глаза открыть не решался. Попробовал шевельнуть пальцами и понял, что руки у него связаны и он полулежит на саманном полу, прислонившись к стенке. Ни оружия, ни пояса на нем не было.

— Ты не очень его пришиб? — это сказал старик, Хасан узнал его голос.

— Жить будет,— ответил кто-то хрипло, со свистом.

— Вам от него, я вижу, тоже досталось? — усмехнулся старик.

— Сильный он, дьявол!

Хасан открыл глаза. За столом, на котором краснел арбуз, сидели кроме старика еще трое — все недюжинной силы, широкоплечие, небритые, здоровенные парни. Легко орудуя харбукскими ножами, они ели арбуз.

— Того зря упустили... — промолвил старик.

— Да вот он... — сказал хриплый, кивнув на сидящего слева от него.

Хриплый казался старше двух других. Одет он был в солдатскую шинель без погон, подпоясанную ремнем. На голове кубанка с красным верхом.

— У него конь, что ветер,— я думал, подстрелю... — оправдывался парень.

— Думал... Хорошо хоть, думать умеешь,— презрительно бросил хриплый и, взглянув на Хасана, добавил: — А он, похоже, очнулся. Развяжи-ка, сынок, ему руки. Пусть поест с нами арбуз. Как-никак гость.

Молодой светловолосый, голубоглазый парень, с офицерской портупеей через плечо, подошел и развязал Хасана.

— Садись к столу,— предложил хриплый.

Хасан сел и не без удовольствия стал есть приятно сладкий холодный арбуз, рассматривая при этом всех сидящих так внимательно, будто хотел на целую вечность запомнить их лица. Особенно ненавистен ему был этот щедушный старик.

— Итак, дорогой гость, ты, наверное, сам понимаешь, времени у нас не много, а потому лучше не виляй хвостом. Разговор будет короткий. Кто тебя послал и зачем ты здесь?

— И это все, что вы хотите знать?

— Да.

— А мне сначала хочется узнать, кто вы? И сколько ваши хозяева платят вам за гнусные дела?

— Язык ты мог бы держать покороче. Нехорошо уподобляться женщине,— ухмыляясь, проговорил хриплый, вытер свой острый нож с блестящим лезвием о полу бешмета, но не вложил его в ножны, а воткнул перед собой в стол.

— Обыскать! — приказал старик.

— Оружия у него нет,— пробурчал один из молодых, как две капли воды похожий на того, что развязывал Хасану руки.

Но старик так глянул, что они молча подчинились и встали. И было удивительно, что трое здоровенных, молодых парней покорны этому дряхлому старику, которому достаточно одного тумака, чтобы отдал богу душу.

Втроем парни вывернули у Хасана карманы и нашли ключ. В эту минуту Хасан очень пожалел, что ключ был не у Муртуза-Али.

— Откуда у тебя этот ключ? — спросил старик, вертя его перед своим носом.

— Нашел,— ответил Хасан из Амузги, с трудом сохраняя самообладание.

— Где же это он валялся, чтоб ты мог его найти!

— Там, где я его нашел.

— Итак, еще раз спрашиваю, кто тебя послал и зачем ты здесь?

— Забрел случайно.

— Молодой, а неразумный. Неужели не видишь, что шутить мы не собираемся и потому язык тебе придется развязать.

— Ничего я вам не скажу.

— А жизни тебе не жалко?

— Жалко.

— Молод, красив, наверняка влюблен в дочь какого-нибудь генерала или купца-армянина?..

— Это вас не касается.

— ...И она, конечно, ждет не дождется тебя? Ты и сам, видать, еще тот барсук. Одет, как индустанский раджа. Что же ты маскируешь под этой папашой, да еще с красной лентой?..

Хасан из Амузги молчал. Мысленно он перенесся в далекий от этих малярийных степей аул высоко в Зирех-Геранских горах, где ждут его не дождутся. Что там поделывает мать, как живет? Не сорвалась ли корова со скалы? Года полтора назад Хасан был дома. Мать-старушка стала какой-то непривычно маленькой, а в детстве она казалась ему большой, самой прекрасной и всемогущей... Затем Хасан подумал о Муумине, представил ее себе. Конечно же и она ждет, глаз с дороги не сводит — не появится ли белый всадник. А он опять так глупо попался, пренебрег советами комиссара Али-Баганда, не поостерегся. Теперь, похоже, живым отсюда не выбраться. А жаль, очень жаль прощаться с жизнью, когда впереди столько нового, неизведанного, столько дел... Неужели всем его светлым надеждам конец? Верить в это Хасану не хотелось. Но цена его жизни сейчас — предательство. Это не для Хасана, а значит, все...

— Кажется, он не хочет нас понять! — Старик встал и сделал хриплому знак, чтобы вывел пленника.

Прохладный ветерок ударил в лицо Хасану. В тени под высокими густыми акациями и раскидистыми ореховыми деревьями старик остановил всех и, словно бы что-то решая, стал ходить взад-вперед, заложив за спину руки. Парень в шинели, то ли от нечего делать, то ли

с намерением поугасть Хасана, бросал в ствол дерева алтан-дис, особый метательный горский харбукский нож. Самодельные из буйволиной кожи ножны от этого ножа висели у него на ремне рядом с кинжалом. Нож очень метко вонзался в обструганный отрезок толстого ствола орехового дерева. Бросал его парень с довольно большого расстояния, отступая от дерева аршин на двадцать.

Старик вдруг остановился перед пленником и испытующе посмотрел на него.

— Красную ленту на папаху давно нацепил? — спросил он. И, не дождавшись ответа, добавил: — Большевик?.. Чего молчишь, язык проглотил? — И старик — откуда духу набрался — неистово заорал: — К дереву его!

Парни покорно схватили Хасана, подвели к стволу, тому самому, что служил мишенью хриплому, и привязали. Метатель отошел туда, откуда он бросал нож. «Ну, все!» — подумал Хасан из Амузги. Он поднял голову и посмотрел сквозь густую листву на небо, залюбовался пестрокрылой птичкой, сидевшей на ветке...

— Кончайте, нам пора! — скомандовал старик и вернулся.

— А может, напоследок спросить его, вдруг да перед смертью заговорит? Неужели ему так уж надоело жить?.. — шепнул хриплый старику, но тот только рукой махнул.

Хасан едва успел взглянуть на целившегося. Резким взмахом хриплый бросил нож. «Все, конец. Прощай, мать, прощай, Муумина!» — мелькнуло в голове, и веки невольно закрылись. Хасан услышал удар вонзившегося в дерево металла. «Что это?» Открыл глаза. Трое парней стояли и криво улыбались, а старик медленно шел к нему. Хасан услышал:

— Как это Али-Шейх может передавать мне привет, если он уже давно распрощался с жизнью?

— А я от него, оттуда... — вознес руки к небу Хасан из Амузги, и это было близко к истине. Всего минуту назад он и впрямь был «там». «Неужели это еще не конец? Тогда что это? — Хасан тяжело вздохнул: — Видно, надеются многое у меня выпытать».

— Может, скажешь, что и ключ от рая в твоих руках?

— Да, если имеется в виду рай на земле.

Вот-вот прозвучат последние слова: «Тогда я рад приветствовать тебя». Хасан ждал в нетерпении, но старик не произнес их.

— Хорошо заучил, мерзавец! И не ведает, что пароль давно заменен.

— Ха-ха-ха! — невольно засмеялся Хасан сын Ибадага из Амузги. — Кем заменен?

— Мной. И о том, что пароль другой, Али-Шейху известно!

Серго сын Васи́ла не мог понять, отчего это вдруг пришельцу стало весело.

— Почтенный Серго сын Васи́ла, а знаешь ли ты, что Али-Шейх и правда ушел из жизни?

— Что?

— Вот так-то. Уже три пятницы тому назад умер. Теперь и мне все ясно. Произошло недоразумение.

Хасан из Амузги вспомнил, как Мустафа говорил, что отец не успел сказать ему перед смертью что-то важное.

— Да развяжите вы меня! Хватит, и так душу замутили. Я Хасан из Амузги!

— Развяжите! Хасан из Амузги ты или кто другой, а только несешь чепуху. В прошлую пятницу Али-Шейха видели в полном здравии.

— Не стану я вам доказывать. С минуты на минуту его сын будет здесь...

— Мустафа?

— Да, он самый. А тот, кто сказал вам, что Али-Шейх жив, хотел, видимо...

— Войти к нам в доверие?..

— Может быть. Кто это был?

— Саид Хелли-Пенжи.

— Что? — удивился Хасан из Амузги.

— Да, он так назвался.

Странно, как мог попасть сюда Саид Хелли-Пенжи? Выходит, он следил за ними, когда они с Мууминой отрывали из тайника коран? Но...

— Этому негодяю вы, конечно, не учинили такой пытки?

— Нет. Но он ведь и не заикался о пароле...

— А что ему здесь нужно было?

— Проездом он. Ехал в Кумтор-Калу, а оттуда, кажется, собирался в Темир-Хан-Шуру.

— Зачем?

— Он не сказал, а мы не спрашивали.

— Тоже, конспираторы... А мне чуть мозги не вышибли.— Он потрогал шишку на голове, рывком подставив ногу, ударом в грудь свалил одного из тех, что помоложе, второго бросил через плечо, а хриплому так вывернул руку, что тот застонал.

Старик обомлел, не понимая, что вдруг произошло, а сыновья его (да, это были сыновья) уже изготовились броситься на Хасана из Амузги и растоптать...

— Ну хватит! Теперь мы квиты...— сказал Хасан. Сняв папаху, он показал свою бритую голову, на ней справа красовалась огромная шишка с кровоподтеком.— Убить же могли! Только этого мне и не хватало, чтобы у самой цели умереть, да еще и от своих...

— Ты тоже бьешь — не гладишь...— сказал хриплый.

— Кто они? — спросил Хасан, кивнув на парней.

— Мои сыновья. Четверо их у меня. Одного послал к Али-Шейху сообщить об изменении пароля. Он вот тоже от первой жены,— старик показал на хриплого.— А эти близнецы от второй. Вон и она возвращается. Ходила в Кумтор-Калу чуреки испечь. Идем в дом. Холодный ягурт из погреба да с теплым чуреком — это, брат, райская еда.

— Что ж, с удовольствием,— согласился Хасан.— Я голоден, как стадо волков...

А в это время вернулся четвертый сын, гонец к Али-Шейху, и, понятно, сообщил, что Али-Шейх умер и похоронен три пятницы назад, а сакля его на замке. Мустафы, мол, дома нет... Старик после этого и вовсе подобрел. Сыновья не без смущения подошли к Хасану из Амузги, о котором слышали так много восторженных рассказов. Вот ведь при каких странных обстоятельствах довелось встретиться. Хасан с улыбкой протянул им руку. Они поочередно почтительно пожали ее. Ничего, мол, не поделаешь, время такое, не всякому верить можно.

ДРАГОЦЕННЫЙ ТАЙНИК

Муртуз-Али возвращался к домику в степи с таким воинством, что, будь здесь хоть сотня вооруженных людей, и им бы не устоять. Мустафа сын Али-Шейха, сы-

новья Абу-Супьяна, комиссар новых талгинских красных отрядов Умар из Адага и их командир — племянник Исмаила Сулейман Талгинский, а с ними еще две сотни конных бойцов. Вот с какой силой возвращался Муртуз-Али на помощь Хасану из Амузги. При этом ему удалось вовремя подоспеть и предупредить жителей Талгинского хутора, чтобы подались в лес, а оттуда пробивались к Агач-аулу. Обманутый и в этих своих надеждах, генерал Хакки-паша отдал приказ сжечь дотла весь хутор. Аскеры «храбро» совершили сей бесжертвенный подвиг в борьбе с незащищаемыми домами и несколькими отбившимися от хозяев собаками. И довольные тем, что на этом месте теперь уже долго не жить человеку, они попробовали было податься вслед за беглецами, но направились сумерки, и генерал, не решившись на ночь глядя забираться в лес, объявил, что он устал, и велел раскинуть шатер...

Ночь уже украсили гирлянды звезд. Они нависли так низко, что на горизонте словно бы касались земли.

Остановив на расстоянии конницу, Муртуз-Али выехал с дозорными вперед. Беспокойство в душе у него было немалое. А что, если Хасана уже нет в живых? Тогда ведь наверняка те, кто устроил им эту ловушку, давно скрылись, а может, и у них достаточно силы и они самоуверенно ждут столкновения?..

Муртуз-Али еще издали увидел в окнах домика тусклый свет, — значит, обитатели его на месте. Подойти или подползти к домику без шума было невозможно — во дворе собака, она затаивается, как только учует чужих. Ну что ж! Тогда надо рисковать и ехать смело. Муртуз-Али подал знак, чтобы конница двинулась за ним, и сам вместе с дозорными подскакал к дому и крикнул:

— Дом окружен, выходи, кто есть!

Из дому вышел один Хасан из Амузги.

— Долго же пришлось ждать от тебя помощи, брат Муртуз-Али. За это время они могли меня семь раз четвертовать.

— И здесь тебя спасли твои мускулы и кинжал? Не думал я...

— А что ты думал?

— Боялся расправятся с тобой эти дьяволы. Где они, что ты с ними сделал?

— Ничего. Сидят у себя дома.

— Что?.. — не поверил ушам своим Муртуз-Али.—
Так кто же они?

— Свой люди.

— Ну я рад, Хасан, рад, что ты живой! — Муртуз-Али обнял его за плечи.

— Выходите, вы окружены! — весело крикнул Хасан. И из домика выбрались сначала старик, а затем и его сыновья.

— Ничего не понимаю! — пожал плечами Муртуз-Али.

— Добро пожаловать в гости, — поклонился ему Серго сын Васи́ла. — Состарились у меня глаза в ожидании друзей.

— А сын Али-Шейха с тобой? — оглядывая приехавших, спросил Хасан.

— Не только он. Умар из Адага, Сулейман с отрядами, сыновья Абу-Супьяна... Слышите, кавалькада приближается?..

— Жарко бы тебе было, Серго сын Васи́ла, если бы ты довел свою игру до конца? — улыбнулся Хасан.

— А где же я размещу стольких людей? — не ответив Хасану, развел руками хозяин.

— Не беспокойся, отец, — сказал Муртуз-Али, — турецкие аскеры «поделились» с нами добротными палатками и шатрами.

— Да и бурка у каждого есть.

— Ну что ж, это уже лучше! Хорошо, что столько бойцов прибыло. Они здесь будут нужны не на один день... — Старик повернулся к сыновьям: — Ну, сыны мои, режьте последних барашков, попотчует на радостях гостей добрым шашлыком.

Скоро степь наполнилась приятным духом шашлычного дымка. И пошли разговоры вокруг десятков костров. Рассказывали о том, как Серго сын Васи́ла принял друзей, о том, что Хасан из Амузги вовсе и не простил Исмаилу, а, напротив, обещал в скором времени прокатить его на самом паршивом ишаке.

И никто из отрядных бойцов не ведал, что после их отъезда в лесу близ Агач-аула бывший предревкома Хажи-Ахмад, знавший, как погибла его жена, встретился наконец на тропе мести с Исмаилом. Обезумев от гнева, он оседлал Исмаила ослиным седлом, навьючил корзинами с кизяком и, погоняя палкой, водил его по Агач

аулу целый день до самого вечера, а потом их обоих больше никто не видел...

Но о чем бы ни говорили здесь люди, а у всех на уме было одно: какой такой тайной владеет старый подпольщик, железнодорожник Серго сын Васи́ла, и когда он откроет ее.

Теперь этот старик, поначалу показавшийся Хасану похожим на хищную птицу, производил совсем другое впечатление. Он уже даже нравился Хасану. Зеркало гнева и ненависти, как видно, криво отражает людей.

Разговоры у костров затянулись на всю ночь. Почти никто не спал. А на рассвете Серго сын Васи́ла, оставив у двери на страже вооруженных ножами сыновей, подзвал Хасана из Амузги, Муртуза-Али, Умара из Адага и Сулеймана Талгинского и вошел с ними в дом. Засветив лампу, старик велел поднять в одном из углов несколько половиц, затем снять слой глиняного пола. Под глиной оказалась чугунная крышка, закрытая на замок. Серго сын Васи́ла отомкнул замок и осторожно спустился вниз. За ним последовали остальные.

Тут было чему удивляться. Под маленьким неказистым домишком оказалась огромная кладовая — пещера в несколько рукавов, протянувшихся очень далеко. Эти места, верно, раньше были дном морским, а потом из окаменевших ракушек образовались своды... Но удивительнее всего было то, что скрывалось под этими сводами. Целый арсенал!.. Сотни и сотни аккуратно уложенных, хорошо смазанных винтовок, пулеметы и... патроны. Бессчетное количество патронов! Чудеса!

Революционные отряды горцев обретали с этим оружием утроенную силу.

— Откуда все это? — удивился Хасан из Амузги. — Здесь не хватает только бронепоезда.

— Откуда, говоришь? Нелегко оно нам досталось, — покачал головой Серго сын Васи́ла. — В операции по захвату оружия был смертельно ранен Осман Цудахарский. Оружие мы добыли с того самого поезда. Слыхали, наверное, про двадцать три вагона, что прибыли с юга на станцию Петровск...

— Как же вы все проделали? Ведь тогда исчез весь поезд! Ни вагонов, ни паровоза не нашли...

— Да и не могли найти, — с гордостью сказал Сергей

Васильевич.— Перебили мы в ту ночь всю охрану поезда — она из юнкеров была,— сели да поехали, а до этого предварительно отвели от Кумтор-Калы ветку за песчаный бархан Сары-Кум. Поезд и проехал по этой ветке до самого тупика. Мы затем путь этот разобрали и сровняли землю.

— И все за одну ночь?

— Да. С нами было две сотни бойцов Османа Цудхарского.

— И вагоны с паровозом до сих пор там стоят?

— Да, стоят занесенные песком. А оружие мы с Али-Шейхом перевезли на арбах вот в эти катакомбы. И с тех пор я с нетерпением ждал вас... Вот теперь наконец гора с плеч и на душе полегчало.

— Долг свой вы исполнили честно. Спасибо вам, отец! Но как же доставить такое количество оружия в горы?

— Собрать надо арбы, лошадей навьючить. Ни в каком случае не одним караваном. Четыре-пять рейсов надо сделать. А для охраны в пути людей у вас, слава богу, достаточно...

— Меня сейчас тревожит одно,— сказал Хасан из Амузги, когда они выбрались из чудо-пещеры,— что искал здесь Саид Хелли-Пенжи?

— А он разве был тут? — обернулся старший сын Абу-Супьяна.

— Был. Только поди знай, случайно заехал или что-то вынюхивал?..

— Этого мерзавца надо было... Ну ничего, как говорят, и в молоке волосу не укрыться.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, брат мой... — перебил Хасан сына Абу-Супьяна.— Что думает Серго сын Василя?

— По-моему, он забрел сюда случайно. Я ничего за ним не заметил. Но кто его знает...

— Надо быть начеку. Не нравится мне то, что он нам всюду на пятки наступает...

— Зря мы его пощадили. Чует мое сердце — добра от него не жди,— со вздохом проговорил старший сын Абу-Супьяна.— Нутром он гнилой человек...

— Арбы и фургоны можно добыть в близлежащих селах. Кумторкалинцы пойдут нам навстречу,— сказал Сергей Васильевич.

— В Эки-Булак и Атли-Буюн тоже надо послать верных людей...

— Я могу поехать в Атли-Буюн,— предложил Мустафа сын Али-Шейха,— там у меня кунаки и родственники...

— Ты, Муртуз-Али, поезжай в Кумтор-Калу, а вы, сыновья Абу-Супьяна, в Эки-Булак... — сказал Хасан из Амузги.— На вас вся надежда. В добрый вам час! И возьмите с собой по'три человека.

— Мои парни — друзья абреков из Аксая. Думаю, тоже не подведут...

Сыновья Серго сына Васи́ла вышли вперед.

Остальные бойцы принялись за работу — стали выносить оружие из пещеры, готовить камыш и сено, чтобы потом это оружие замаскировать на фургонах и арбах.

Уже на следующий день первые арбы двинулись из степи в горы, в сопровождении тридцати бойцов во главе с Хасаном из Амузги.

На пятый день белый всадник предстал на перевале Чишиле перед комиссаром Али-Багандом. Радость морем выплеснулась на лицо комиссара. Он обнял Хасана за плечи и проговорил:

— Я верил в тебя! Спасибо! Да что моя благодарность, народ твой скажет тебе спасибо!..

Вслед за первой партией стали прибывать еще и еще арбы и фургоны, груженные оружием. Не считая отдельных мелких стычек, почти вся операция по вывозу арсенала прошла благополучно. Но последний караван был атакован эскадром Горского правительства.

В этом столкновении погиб Серго сын Васи́ла — Сергей Васильевич Тульский. Фамилию его узнали только после смерти. Погибли также Муртуз-Али и бойцы. Из тридцати их осталось в живых всего шесть человек. Выжили все четыре сына железнодорожника. Они-то и описали, как выглядел командир эскадрона. По всем приметам и по шраму на лбу это был Саид Хелли-Пенжи. Вспомнилось, что Сергей Васильевич говорил, будто тот пришелец пробирался в Темир-Хан-Шуру. «К князьям подался,— подумал Хасан,— продался шамхалу Тарковскому. Только и этому он недолго прослужит, тоже продаст».

Скверно было на душе у Хасана оттого, что так он обманулся... А что, если во всем случившемся есть и его

вина? Может, нельзя было бросать Саида, в надежде, что сам отыщет верный путь?..

Трудно сказать, что в этом человеке привлекло Хасана. Может, сознание того, что в нем заложены недюжинная сила, отвага, ловкость и желание изменить свою жизнь? Так или иначе, Хасан из Амузги хотел верить Саиду Хелли-Пенжи и обманулся в нем. Теперь вот так же, как и сыновья Абу-Супьяна, жаждут мести и сыновья железнодорожника. И этому блудному сыну с клейменым лбом на сей раз не уйти от расплаты. Теперь уж и Хасан не встанет на его защиту, и наоборот — он сам готов привести в исполнение самый суровый приговор...

Весть о гибели брата глубоко потрясла Али-Баганда. Сердце кровоточило. Каково это, потерять младшего брата, на которого к тому же возлагал такие надежды! Из Муртуза-Али определенно вырос бы настоящий воин, а то и полководец. И вот его уже нет. Навсегда похоронен в Каякентском лесу. И никогда больше Али-Баганд не пожмет его руки, не обнимет. Невеста в ауле поплачет, потом выйдет замуж за другого и забудет, а брат будет горевать до конца жизни.

К Али-Баганду стали стекаться люди с выражением соболезнования. От этого на душе чуть потеплело: значит, знают брата, помнят, а потому не забудут. Ни одного из тех, кто пал за святое дело, не забудут. На место погибших в ряды борцов встают десятки других. Растет число бойцов революционных отрядов. Под командованием Али-Баганда уже две тысячи конных отрядов, до тысячи пятисот пеших. И все они готовы в любой день и час выступить на врага, ждут только приказа Революционного комитета...

БОЙЦЫ СПУСКАЮТСЯ С ГОР

Суровы и живописны Сирагинские и Даргинские горы. Там и тут лепятся к скалам аулы. В хмурые, туманные дни они скрываются в дымке, и, только подъехав или подойдя совсем вплотную к сакле, различишь, что это жилище.

На покато́м Чишилийском плато горят сотни костров, вдоль всей лесной опушки разбиты палатки, натянуты тенты из буро́к и особого войлока, высятся наспех сколоченные или сплетенные из жердей и крытые сеном шала-

ши... Рождаются и вооружаются полки Красной гвардии, отряды красных партизан, эскадроны особого назначения. Бойцов тут обучают ведению боя, обращению с пулеметами и всяким другим оружием. Ни в какие иные времена у горцев не было такого количества оружия и столь могучей силы, а главное, не было такой яростной решимости бороться, чтобы побеждать, причем решимости, до конца осознанной самими бойцами. А ведь большинство из них — это вчерашний наемный чабан, златокузнец, землепашец. Теперь они лихо джигитуют на конях, и молнией сверкают в их руках сабли, кованые амузгинскими кузнецами. Постигают бойцы и мудрость владения «максимом», учатся держать в мозолистых руках боевую винтовку... Мишенями им служат папахи, надетые на шесты, или плоды грецких орехов, еще дозревающие в своих зеленых панцирях. А иные ухитряются, бросив вверх медную монетку, на лету попасть в нее из револьвера или из однозарядного харбукского пистолета...

Инкилаб — революция — стало понятием, близким всем. Оно объединило и вот этого сирагинца в лохматой гулатдинской папахе, и парня из Кара-Кайтага, которому еще ни разу в жизни не довелось досыта поесть, и этого кумыка из Атли-Буюна, и хунзахца в черной андийской бурке, и лезгина в чарыках из Юждага, и табасаранца в теплых цветистых шерстяных носках — журабах, подшитых кожей, и лукавого казикумухца, вчерашнего лудильщика, который сейчас наверняка думает, как бы ему перехитрить в предстоящих боях противника, сразить наповал, а самому остаться жить до лучших дней. Здесь собрались все, кем богата Страна гор и Гора народов... Коли есть в семье три сына, двое из них пришли сюда, два сына в семье — оба здесь, нет сына — отец за него. В том случае, когда в семье не оказалось носящего папахи, дочь или мать отдали последнюю горсть муки идущим в бой. Иные горянки сами пришли на Чишилийское плато, готовить пищу для бойцов...

Музыка революции звенит в каждой душе, и вокруг костров гремит песня, рожденная в дни суровых испытаний:

Беда, когда град в жаркое лето
В горах валит всадника с коня.
Беда, когда в лютую стужу
Молния косит в дороге певца.

Беда, когда в двадцать лет
Прощается с жизнью человек.
Беда, когда сиротеют дети,
Когда у невест иссякают слезы.
Беда, когда скакун стреножен,
А облезлый осел пасется на воле.
Беда, когда в сакле гнездится горе,
Когда на свадьбе не гремит барабан.
Беда, когда рвутся струны,
Когда песню рубят сплеча.
Беда всем бедам на земле...

Все, что извечно оставалось без ответа, вся боль людских сердец звучала в этой песне...

Как велика должна быть у людей ненависть к человеку, именем которого они наделяют собак. Полковник Бичерахов за короткий срок удостоился среди горцев этой «честь». «Бичерах, Бичерах!» — кличут по аулам собак.

Решив запереть на замок многокилометровые береговые полосы от Дербента до Порт-Петровска и даже дальше, Бичерахов ни перед чем не останавливался. Его наемные каратели учиняли жестокий террор, вызывая у горцев злобу, ненависть и противодействие. Понятно, что они мстили казакам, а те, забывая о причине этой мести, объявляли горцев головорезами, бандитами...

Турецкий генерал Хакки-паша, считавший зарвавшегося полковника своим первейшим врагом, тем не менее ничего не мог пока с ним поделаться. На этой почве у него даже вышли нелады с так называемым Горским правительством, и в первую очередь с такими его представителями, как Нажмутдин из Гоцо и шамхал Тарковский, которые медлили там, где требовались решительные действия, — видно, поделив между собой власть, на том и успокоились, никто, мол, теперь их не тронет, остается только сидеть в своей столице Темир-Хан-Шуре и печатать деньги. А что цены те деньги не имеют, так это не столь важно... Кроме всего, поводом для недовольства Хакки-паши послужило и то, что Горское правительство пригласило в Темир-Хан-Шуру представителя английской военной миссии полковника Ролландсона. Этим они очень напоминали кичливого хозяйчика, который, стоя на своей крыше, бахвалился: я, дескать, наверху. И не видел он при этом, что люди на другой крыше над ним посмеивались.

Генерал назвал горе-правителей безмозглыми ослиами и ушел с одним намерением — пусть в союзе с кем бы то ни было, лишь бы сразиться с полковником, победить его, а там будь что будет. И он послал своего гонца с таким предложением в штаб красных комиссаров... Прослышав об этом, самозванные правители объявили, что турки предали веру.

А турки тем временем метались от одних к другим. Шатким и неустойчивым было их положение, ни с кем они не находили общего языка. Даже враги революции не соглашались на протекторат Турции в Стране гор. Они выдвинули свой лозунг: «Единый и неделимый Дагестан, независимый ни от Турции, ни от России». Но при этом с заискивающей улыбкой пожимали руки представителю Англии Ролландсону.

Почему бы комиссарам и командирам красных отрядов не воспользоваться решимостью турецкого генерала и не поставить на колени наглого, самоуверенного полковника, в руках которого оказались стратегически важные пункты на побережье и железная дорога?

Так оно и случилось. И революционно настроенные горцы вместе с турецкими аскерами, разбившись на два фронта — Дербентский и Петровский, двинулись с гор на побережье... Комиссар Али-Баганд послал пятьсот конных во главе с Умаром из Адага и столько же пеших во главе с Мустафой сыном Али-Шейха на Петровское направление. Сам же комиссар с оставшимися частями, где одним из красных кавалерийских полков командовал Сулейман Талгинский, выступил на Дербент. А под командованием Хасана из Амузги был создан эскадрон особого назначения, который двинулся с гор Каба-Дарга на захват бронепоезда, стоявшего на ремонте на полустанке Манас. В этот эскадрон влились все четыре сына Абу-Супьяна и сыновья Сергея Васильевича.

На ключевых позициях у Дербента и Порт-Петровска разыгрались жестокие бои. Решительные бои шли и у горы Тарки-Тау. На сей раз генерал Хакки-паша, похоже, торжествовал. Английские наемники и полки Бичерахова были оттеснены к морю. Однако в ночь, когда освобождение Порт-Петровска было уже почти завершено, генерал Хакки-паша дал своим аскерам приказ отходить, сославшись на то, что он якобы получил повеление поки-

нуть не только боевые позиции, но и Дагестан. Такие действия можно было расценить не иначе как предательство. Узнав о приказе Хакки-паши, возмущенный до глубины сердца Умар из Адага предстал перед турецким генералом:

— Ваша честь, паша, правда ли то, что слышали мои уши?

— Что именно?

— Вы снимаете своих аскеров с позиций?

— Да. Мне велено срочно вернуть их на родину.

— А не похоже ли это, уважаемый паша, на предательство?

— Вот гонец с приказом.

— Гонец мог на один день опоздать или даже совсем не прибыть, паша! Всего несколько часов, и мы займем город, который раскинут перед нами.

— В том-то и дело, что мне велено сберечь людей! — сказал генерал, на ходу отдавая один за другим приказы своим штабным офицерам, чтобы построили полки и двинули их в сторону Агач-аула.

— Генерал, да не смолчит в тебе честь воина! Остановись, помоги нам!..

— Не могу, не имею права...

Хакки-паша не стал вдаваться в подробности и объяснять, что побудило его принять такое решение. Он считал, что этому далекому от премудростей века горцу не уразуметь таких событий, как аннулирование Брестского договора по части советско-турецких отношений, и того, что на самой анатолийской земле назревали такие события, которые грозили крахом двухсотлетней Османской империи и жестокой тирании султана. Последний султан Турции Махмед VI, опасаясь революции, готовился подписать позорный для султаната договор о перемирии. Поэтому-то генерал Хакки-паша рассудил, что ему незачем спасать чужую саклю, когда его собственный дом охвачен пламенем.

— Позволь мне, паша, обратиться к твоим аскерам, — может, среди них найдутся добровольцы, которые вызовутся помочь нам, — сказал Умар из Адага.

— Нет, не позволю! — вскричал Хакки-паша.

Он знал, чем это пахнет. Близкое соприкосновение с комиссарами да большевиками и без того посеяло в аскерах зерна свободолюбия, которые могут дать нежела-

тельные всходы. И кого-кого, а его, пашу, по возвращении в Турцию по голове за это не погладят.

— Сами затеяли свару, сами во всем и разбирайтесь! Прощайте! — сказал он.

— Прощай, генерал! Смотри не споткнись! — Умар из Адага укоризненно глянул на него и отвернулся.

Под гневными, сдержанно-молчаливыми взглядами горцев окруженный офицерами Хакки-паша сел на коня и уехал, но с холма два всадника повернули коней обратно и подъехали туда, где, рассматривая в бинокль Порт-Петровск, стоял Умар из Адага. Это были два турецких офицера. Может, совесть в них заговорила — они предложили комиссару свои услуги. Умар из Адага с благодарностью пожал им руки.

Кучевые облака тут и там разрывали рассветные лучи.

Тревожные мысли одолевали бесстрашного горца, бывшего абрека, которому теперь доверена жизнь многих и многих, и потому он не волен распоряжаться своей жизнью, связанной с судьбами этих людей, полных решимости не отступать, а добить уже порядком изуренного противника и освободить Порт-Петровск.

Хватит ли сил не проиграть этот бой?.. Из-за моря, из-за кромки облаков на небосклоне поднималось кроваво-красное солнце, и свет его коснулся дымящихся труб пароходов в гавани порта...

Эскадрон особого назначения под командованием Хасана из Амузги с песней, приветствующей рассвет, двинулся через склоны Мизгури.

Утро выдалось холодное, всадники все в бурках. На Хасане из Амузги белая гулатдинская бурка. Путь они держат к скалам, за которыми укрылся столь же древний, как и некогда сожженный арабами Город Свечей — Шам-Шахар, живописный аул Куймур, где живет бывший слепой Ливинд и его несравненная дочь Муумина — драгоценный камень в недорогой оправе. Отец и дочь ждут своего белого всадника.

А путь белого всадника пролегает через Куймур в степь, к железной дороге по морскому берегу, на полустанок Манас, где ждет его бронированный кулак наемника инглисов — англичан. Долг гонит Хасана туда, а дума, да и белый конь под ним тянутся к ней, к той, у которой ясная, как рассвет, улыбка, чистый, словно

бы весь мир отражающий, взор, к той, которая — в этом он уверен — день и ночь повторяет: «Хасан из Амузги, я жду тебя!» Как ему хочется предстать перед ней с солнцем в руках, белым сказочным всадником из ее сказки, явиться и сказать: «Здравствуй, Муумина!»

Хасан все смотрит на отвесные известковые скалы, будто надеется сквозь них разглядеть знакомую ветхую саклю на окраине аула и то необыкновенное сияние на лице Муумины... Можно завидовать полету орла над ущельем, завидовать реке, что пробивает себе путь через теснины, завидовать ягненку, что резвится на лугу, но без зависти можно гордиться человеком, который сам обладает всеми этими качествами. Он выше полета орла, он сильнее, чем горный поток, и в радости резвее, чем ягненок...

Мечты Хасана из Амузги прервал подъехавший на разгоряченном коне младший сын Абу-Супьяна. Он был в ночной разведке.

— Удачи тебе, Хасан из Амузги! — сказал сын Абу-Супьяна.

— Приветствую тебя! По лицу вижу, ты принес нам тревожную весть. Говори же, что тебе ведомо...

— В сторону аула Куймур движется отряд белоказачков... — сообщил сын Абу-Супьяна, гарцуя на беспокойном коне. — Отряд этот охранял бронепоезд. Всякий раз, когда у службы бронепоезда иссякало продовольствие, он делал вылазки в близлежащие аулы...

— Численность?

— Полсотни сабель и четыре офицера-золотопогонника в черкесках.

— Ты говоришь, они направляются в аул Куймур?

— Да.

— Не ошибаешься ли? — спросил Хасан из Амузги, очень взволнованный этим сообщением. Враг будто услышал зов его сердца и вот предоставляет случай волею-неволей попасть в Куймур.

— За что обижаешь меня, Хасан из Амузги? Я ведь, кажется, пока еще не давал тебе повода сомневаться во мне! Скажу одно: надо спешить.

— Прости меня! — Хасан обернулся к бойцам и спросил: — Слышали, братья?

— Да.

— Ну и как?

— Мы готовы следовать за тобой!— в один голос выдохнул эскадрон лихих бойцов.

Они любили своего командира и пошли бы за ним в огонь и в воду...

И сорвался с места, поднятый как порывом ветра, эскадрон, и понесся он вихрем по сухой пыльной дороге. Впереди на белом своем коне командир, за ним верные ему друзья и соратники.

Никогда еще, ни в какие другие времена не выступали горцы на врага с такой осознанной сплоченностью, с единым биением в сердцах. Нет, это не было похоже на слепой религиозный фанатизм, гнавший отряды газавата на бой с гяурами, не было похоже и на жажду наживы в буйных набегах, когда одни мечтали о богатстве, а другие — лишь о том, чтобы заткнуть дыры бедности за счет ограбления другого.

Сейчас это был революционный порыв, вера в свободу и в то, что она наконец преобразует их жизнь.

На фоне этого порыва все личное, все тревоги и волнения одной души — что тусклое пламя одинокого очага перед солнцем, дающим свет и тепло всем и всему.

НАЧАЛО БОЛЬШИХ СРАЖЕНИЙ

В час, когда восходит утренняя звезда, жители аула Куймур были разбужены зычным голосом мангуша — глашатая Юхарана. Он сообщал сельчанам тревожную весть: на их аул движется отряд белоказаков. Юхаран просил почтенных старейшин срочно собраться, чтобы решить, что делать, как быть. И стар и млад — все поднялись, встревоженные недоброй вестью. Даже больные встали с постелей. Люди связывали в узлы все, что было в домах мало-мальски ценного. Медные подносы, котлы, кувшины прятали в погребах, зарывали в землю. Скот выгоняли со двора, готовясь покинуть аул и податься в леса за рекой, в ущелье Мельниц, не дожидаясь, пока-то там старики и почтенные люди решат, что надо делать...

— Всем уходить в леса! — сказали старейшины.

— А как же больные? Как сакли? Ведь явятся, уви-

дят, что жители покинули их, все сожгут и разрушат! — посыпались вопросы.

— Что делать, Ника-Шапи? Посоветуй.

— Вы же совсем недавно презирали меня, а теперь спрашиваете совета! — равнодушно перебирая четки, бросил Ника-Шапи.

— Сейчас не время поминать обиды. На нас надвигается беда!..

— Что ж, есть у меня мысль.— Ника-Шапи устоял на носок своего чарыка и, не поднимая головы, добавил: — Ведь не звери на нас идут, люди...

— Какие же это люди, нечестивцы!..

— Ты разве не слыхал, что они натворили в Мамай-Кутане? Вырезали семьями. В ауле Баркай тоже...

— Детей саблями рубят.

— Рубят, да! — сказал Ника-Шапи.— Только рубят тех, кто сопротивляется...

— Так что же ты предлагаешь?

— Они — люди. Их тоже растили отцы и матери, у них тоже есть глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, языки, чтобы говорить. Я думаю, лучше будет, если мы пошлем им навстречу для переговоров нашего представителя... Пусть договорится с ними, спросит, чего они хотят. Если продовольствия, то сколько, если овец да коров — тоже сколько. Может, и люди им нужны — все надо решить по-доброму.— Ника-Шапи умолк и с видом человека, который, как говорят куймурцы, обутым хочет пройти через врата рая, оглядел всех присутствующих.

— А это, пожалуй, мысль! — сказал кто-то в толпе.

— Он и верно разумное говорит,— поддержали вокруг.

— И кому, как не Ника-Шапи, представлять наш аул, просить за нас!..

— Выручай, Ника-Шапи.

— Век будем за тебя молиться!

— Что ж, вся моя жизнь на службе у аульчан!..— Ника-Шапи говорил, а в душе его ворочались валуны ненависти. Вот наконец-то он может избавиться от новоявленного святого. Случай — лучше не придумаешь.— Я бы рад и сейчас, но поймите меня, люди добрые, не умалите ли вы чести нашего почтенного Ливинда, послав с такой важной миссией меня? Да вы, кстати, и

пригласить его забыли. А ведь имя его аульчане с некоторых пор ставят рядом с именами святых.

— И в самом деле, где же он?..

— Почему его нет? Позовите Ливинда!..

— Я считаю,— продолжал Ника-Шапи,— что такое святое дело впору только Ливинду...

Почтенные пригласили Ливинда, и, в ответ на их решение, он сказал:

— Воля общества для меня закон. Я все исполню!

Муумина и плакала и молила отца не ходить к бе-локазакам:

— Они ведь так жестоки!

Но Ливинд дал слово и не собирался его нарушать. Как можно, люди сочтут его трусом, недостойным не только что звания святого, но и папаху носить...

И тогда Муумина заявила, что она пойдет с отцом, одного его не отпустит, потому что ведь общество не даст ему ни оружия, ни спутника.

Ливинд, как мог, утешил, успокоил свою любимую дочь, вытер с глаз ее чистые, как роса, слезы, уговорил остаться дома, взял свою сучковатую палку, с которой он ходил, когда еще был слепым, сел на лошадь, на которой вернулась с Хасаном в аул его дочь и пустился навстречу неизвестности.

«Хотел быть первым в ауле — испытай теперь, какова эта налегкая ноша!» — торжествовал в душе Ника-Шапи. В нем вдруг обнаружилась такая нора зла! Очень, оказывается, он мелкий и злой человек. Ко всему, Ника-Шапи еще послал вслед Ливинду своего старшего сына. Вооружив его длинноствольной кремневкой, он велел выследить, когда Ливинд встретится с незваными гостями, и выстрелить в тех, в чужаков.

Сын Ника-Шапи удивленно пожал плечами, — зачем, мол, это? «Так надо для пользы дела», — сказал Ника-Шапи, заранее зная, что добром это не кончится. Сын, не смея возразить отцу, отправился в путь за Ливиндом. А Ника-Шапи тем временем стал собирать свою семью в дорогу, понимая, что ему лучше удрать.

Долго ли, мало ли ехал Ливинд, доехал он туда, где разлилась река, где каменистый берег сплошь зарос раскидистым лопухом, — до местности, которая славится тем, что там, как говорят люди, сирагинцы сушат чарыки...

Может, оно и не ко времени будет сказано, но вспоминается один случай. Сирагинцам, как утверждают, бурная река не помеха, особенно если нет моста, по которому ее перейти можно. Увидали как-то косари-куймурцы, что два сирагинца привязали себя к бревну и поплыли к другому берегу. Что уж им помешало, сказать трудно. Может, силу ветра не рассчитали, а может, камень на пути попался — бревно посередине реки перевернулось. «Смотрите, смотрите, что это сирагинцы делают в воде?» — удивился один из куймурцев, увидев торчащие из воды ноги. «Сушат чарыки, что тут удивительного?» — ответил ему другой...

С тех пор это место так и называют: «Где сирагинцы сушат чарыки».

Вот тут-то и предстал Ливинд перед офицерами в погонах, что скакали впереди солдат, уверенные в своей безнаказанности и гордые превосходством над беззащитными туземцами. С ними ехал и горец в папахе, недавно надевший ее вместо турецкой фески. Это был человек со шрамом на лбу — Саид Хелли-Пенжи, с недавних пор переводчик у бичераховского воинства.

— Что хочет этот оборванец? — спросил один из офицеров, обращаясь к Саиду Хелли-Пенжи.

На бедном Ливинде действительно был латаный-перелатаный ватный бешмет — заплата на заплате.

Ливинд поведал через соплеменника просьбу мирного населения к офицерам: не въезжать в аул, здесь же договориться обо всем, что они хотят от этого аула.

Старший из офицеров — таким, по крайней мере, показался Ливинду тот, который явно кичился своими черными пышными усами, то и дело накручивая их на палец, — сказал:

— Что ж, предложение дельное. Зачем нам входить в этот вшивый аул... Здесь хорошее место, и искупаться можно, и отдохнуть. А они тем временем доставят сюда все, что мы потребуем... Как, господа?

— Ясное дело, надо согласиться, — поддержали офицеры. — Зачем нам туда ехать. Ведь у них, говорят, ко всему еще и холера.

— Но не забывайте, господа, горцы — народ коварный, — заметил старый солдат.

— Надеюсь, ваши условия, почтенные люди, будут сносными, — наш аул ведь никогда не слыл богатым... —

обрадованный тем, что к нему прислушались, проговорил Ливинд.

— Гм, да! Ну что ж, нам не много надо: двадцать подвод муки, масла, сыра и яиц...

— Триста голов овец,— подсказал другой офицер.

— Да, именно триста. И двадцать коров. Я называю минимальное количество, потому что понимаю, горцам не сладко живется,— сказал владелец пышных усов и добавил: — На этом, как говорится у вас, васалам-вакалам. Да, чуть не забыл, еще лошадей тридцать штук...

— Это жестоко! Пощадите нас! — взмолился Ливинд. У него по коже дрожь пробежала, когда он услышал, что эти люди хотят от куймурцев.

— И овса для лошадей... — не дослушав слов Ливинда, бросил он. А когда Саид Хелли-Пенжи перевел, что сказал старик, офицер побагровел и закричал: — Что, большевикам все отдали?

— Нет. Аул у нас бедный! Очень бедный...

— Красные в ауле есть?

— Нету!..

— Комиссар Али-Баганд не из их аула?

— Нет.

— Хорошо. Порешим по-божески. Я готов выслушать, что они могут предложить,— сказал, смягчившись, офицер, и в это самое время раздался выстрел.

Офицер, только что разговаривавший с Ливиндом, икнул, схватился за грудь и через мгновение на глазах растерянных солдат рухнул с коня к ногам Ливинда.

Первым от случившегося пришел в себя Ливинд. Он сразу сообразил, что ему теперь несдобровать, и мысленно приготовился к самому худшему, к смерти. Жалости от этих людей ждать не приходилось.

Офицеры прыгнули с коней и склонились над поверженным. Пуля продырявила ему грудь насквозь.

— Убили?! — зарычал один из офицеров.

Он еще был на коне. Со звоном выхватив саблю, офицер размахнулся над головой Ливинда, мгновение — и куймурец был бы разрублен надвое. И откуда только взялись невероятная сила и мужество в этом старике, бывшем слепце? С ловкостью зверя он увильнул от страшного удара. И пока офицеры кружило над умирающим, конь под Ливиндом поднял тучу пыли по сухой, обветренной земле.

— Догнать, четвертовать! — заорал один из офицеров. — Нет предела подлости этих дикарей! Никакой им пощады. Не жалеть ни единого! Пусть никакие мольбы, никакие речи не вызывают в вас сострадания — они не достойны этого!.. По коням! За мной!

И казачий отряд с гиканьем и криками ворвался в аул Куймур. Жители, уверенные в том, что посланный беде навстречу Ливинд сумеет ее предотвратить, были застигнуты врасплох.

Только один Ника-Шапи на подводе со всей своей семьей и со скарбом уже был далеко от аула.

Казаки, охваченные порывом мести, рубили всех подряд, стреляли в того, до кого не доставали саблей.

Крики ужаса и плач детей, отчаяние на лицах у всех, дым горящих на крышах стогов сена, пыль, блеяние овец, мычание коров, выгоняемых со дворов... В этот черный для жителей Куймура день погибали безвинные дети и старики, погибали с душераздирающими криками... Один Саид Хелли-Пенжи не принимал участия в этой бойне, он и не стрелял в беззащитных и не защищал их, только безучастно смотрел на все происходящее. И вдруг, будто очнувшись от глубокого сна, преградил конем путь какому-то бежавшему с малышом на руках старику и спросил:

— Где тут сакля слепого Ливинда?

Старик дрожащей рукой показал куда-то в сторону, а сам поспешил скрыться, но не успел... Из-за угла на коне выехал белоказак. Он уже вкладывал саблю в ножны и, вдруг увидев старика в папахе и в овчинной шубе, размахнулся саблей. Старик обернулся, в его широко открытых глазах были мольба и страх, безумие и... вопрос: «Неужели убьет? Он же не зверь, а человек? Я не знаю его... но плохого ему ничего не сделал!..» И старик, приняв удар, раскroивший ему голову, словно бы присел, как-то неестественно вытянул ноги и откинулся. И обрызганный кровью деда внучек, в штанишках с заплатками на задку, отполз от деда...

Дрожащая от страха Муумина стояла на лестнице и не верила своим глазам. Вокруг творилось такое, что не приснится даже в самом кошмарном сне. Да что там сон, никакое воображение не могло бы нарисовать все

ужасы, обрушившиеся на головы безвинных куймурцев. «Что с отцом? — думала Муумина. — Неужели эти изверги в образе людей покарали его? Хасан из Амузги, где ты? Не видишь разве, что творится? Явись же, спаси людей!»

Но желанный белый всадник не появлялся. Муумина вышла за ворота и кинулась к лесу. Не могла она больше ждать...

И тут ее заметил Саид Хелли-Пенжи. Он прищипорил коня, а девушка тем временем свернула к Водопаду камней, к месту, где некогда обрушилась страшная скала... Муумина боялась оглянуться. Но вот она вдруг услышала топот копыт за собой и притаилась в камнях...

— Муумина! — раздался голос совсем близко.

«Кто это? Друг или враг?»

— Муумина, где ты, отзовись?

Теперь голос показался ей знакомым, и она, выглянув из-за валуна, узнала со спины восседающего на лошади Саида Хелли-Пенжи. Увидела и снова спряталась. «Зачем он здесь и что ему нужно, этому недоброму человеку? Где он, там всегда беда! Что мне делать? Не показываться ему, а вдруг с отцом что-нибудь?» При этой мысли, позабыв об опасности, Муумина вышла из укрытия.

Увидев ее, Саид Хелли-Пенжи спрыгнул с коня.

— Здравствуй! — сказал он. — Счастливы мои глаза, что видят тебя.

— Ты с этими людьми? — спросила девушка, настороженно глянув в его бегающие зрачки.

— С кем?

— С гяурами?

— И да и нет! — неопределенно ответил Саид Хелли-Пенжи и, заметив на лице Муумины презрение, поспешил добавить: — Я сам по себе, ни в кого у меня нет веры...

— Ты видел, что они творят в ауле?

— Да.

— И говоришь об этом так равнодушно?

— А что я должен делать? Не гнить же в земле из-за этих ослов!

— «Ослы» — твои соплеменники, их язык — твой язык. Это ведь даргинцы!

— Они сами накликали на свои головы эти ужасы, Муумина, потому-то я и считаю их безмозглыми ослами...

— Что ты говоришь, Саид Хелли-Пенжи, как это сами накликали?..

— В том-то и дело, что сами. Я был при офицерах, когда там, у разлива реки, навстречу нам явился один из вашего аула. Он явно хотел добра людям, я видел это по его глазам. И ему уже почти удалось обо всем договориться с офицерами, когда вдруг кто-то выстрелил и убил казачьего командира...

— Кто стрелял?

— Кто-то из укрытия, с того берега реки... Вот они и рассвирепели... Еще бы...

— А что с тем, который договаривался?!. — вскрикнула Муумина.

— Ты его знала? — насторожился Саид Хелли-Пенжи.

— Что с ним?..

— Он хоть и старик, а ловкий, воспользовался минутой замешательства и умчался на коне в степь. Но за ним погнались.

— Схватили?

— Боюсь, что да...

— Отец!..

Муумина метнула в Саида яростный взгляд, резко повернулась и пошла вперед. Он схватил ее за руку.

— Ты сошла с ума! Куда ты?

— За отцом.

— Да это был не твой отец. У тебя же отец слепой?

— Он не слепой. Пусти меня.

— Значит, ты тогда сказала мне неправду?

— Пусти! Там мой отец!

— Нет его! Он убит. Куда ты лезешь в пекло?! Не пущу! Пойдешь со мной!

— Никуда я с тобой не пойду!

— Не пойдешь по-доброму, силой увезу! Я — искатель счастья, а лучшего счастья, чем ты, мне не найти...

— Какой же ты жестокий и несправедливый! И нет в тебе ни капли сострадания к людскому горю! — Муумина с рыданием опустилась на камень.

— Людское горе. Глупости все это. Сами они все это в своих душах породили. Сыр ведь тоже сам в себе растит червей. Пойми ты наконец, Муумина, нет вообще людей. Есть только человек, и каждый думает о себе... А люди — не люди, это звери...

— Потому-то ты хищник?

— Говори обо мне что хочешь, а я все равно рад: шутка ли, нашел тебя! Ты достойна украсить дворец любого падишаха.

— А ты уж и падишахом себя возомнил?

— Ну зачем же? Просто я уступлю тебя какому-нибудь падишаху, и не за малую цену. Не одну такую красотку поставлял я в гаремы султанов и шахов... Ну, идем...

— Да будут вечным проклятьем тебе мои слезы! Убей меня, но я никуда не пойду!

— Пойдешь...

— Хасан из Амузги, спаси меня!..

— Твой Хасан очень далеко отсюда, в Сирагинских горах он. Не любви ищет, а власти...

В это самое время с ближайшего к аулу холма потоком хлынул эскадрон конников во главе с белым всадником. Да, да, это был Хасан из Амузги.

Муумина вскрикнула:

— Хасан! Хасан! Это он! Белый всадник! Хасан!..

Но Саид заглушил крик девушки, прикрыв ей рот потной своей ладонью. Она рвалась из его рук, но силы были неравные. А эскадрон красных бойцов тем временем уже ворвался в горящий аул и делал все, чтобы страданиям неповинных людей пришел конец. Белый всадник явился на помощь куймурцам...

Саид Хелли-Пенжи отпустил наконец девушку. Теперь ее крик никто не услышал бы — в ауле такое творилось!..

Муумина рванулась, хотела бежать, Саид Хелли-Пенжи преградил ей путь. А где-то рядом вдруг позвали:

— Муумина! Муумина!

Это Ливинд: вернувшись и не найдя ее в сакле, он бросился на поиски...

— Здесь я, отец! — крикнула Муумина.

На этот раз Саид Хелли-Пенжи не сумел удержать ее. В руках у него остался только платок. А девушка бросилась туда, откуда доносился голос отца. Рванувшийся за ней Саид Хелли-Пенжи лицом к лицу столкнулся с тем самым человеком, который предстал там, у реки, перед казачьими офицерами как посланец куймурцев.

Муумина обернулась. Увидев отца рядом с этим коварным человеком, она испуганно вскричала:

— Отец, берегись его!

— А, это ты? — в свою очередь удивился Ливинд, глянув на Саида. — Стыдись! Верные сыны гор воюют с теми, кто пришел грабить и убивать. А ты!..

Саид Хелли-Пенжи бросился на него. Но оказалось, что старика не так-то легко свалить. Они оба упали, и каждый силился подняться, но камни скатывались из-под ног. Упорство, с каким сопротивлялся Ливинд, постепенно иссякло, и вот Саид Хелли-Пенжи уже подмывал его под себя, еще миг — и разmozжит голову несчастного о камень!.. Но что это? Саид вдруг качнулся, в глазах потемнело. Он обернулся. За спиной стояла Муумина. Это она, вовремя подоспев, увидела, что отцу грозит опасность, и, откуда силы взялись, схватив большущий камень, обрушила его на голову мучителя.

Саид Хелли-Пенжи не увидел Муумины. Он уже ничего не мог увидеть. С бледных губ его сорвался стон, из раны на голове потекла кровавая струйка...

Страшно стало Муумине. Она отвернулась и кинулась к отцу, поднимать его.

— Бежим, отец! — крикнула девушка.

— Да, дочь моя! Надо спастись. Будь он неладен, этот свет. Люди совсем сбесились, на зверей стали похожи. Бежим, навсегда покинем проклятые места! Ты садись на его коня, а я уж как-нибудь на нашем, хотя, кажется, вконец загнал его... — Конь Ливинда и правда стоял весь взмыленный, на боках пролегли белые борозды пены, с удил свисала слюна. — Бежим, дочь моя, бежим!

— Куда, отец?

— Куда-нибудь, где не мучают, не убивают, где тихо!..

— Как же наш аул, наша сакля?..

— Ничего, Муумина, и в других местах есть аулы, есть сакли. Найдутся добрые души, приютят нас!..

— Отец, я не хочу покидать наши места.

— Не перечь мне, дочь моя, я знаю, что говорю.

— Но здесь ведь сейчас белый всадник!.. — взмолилась Муумина.

— Тут льется кровь! — словно бы не слыша ее, ска-

зал Ливинд.— И нет людей, одни звери. Время дорого, надо спешить!..

— Зачем же ты придумал сказку о белом всаднике? — невольно упрекнула его Муумина.

— Я устал от жестокости! Может, где-то люди добрее! Торопись, дочь моя!..

Они сели на коней и, не заглянув в аул, где белый всадник со своим эскадроном расплачивался с врагами за страдания куймурцев, выехали из лесу.

Муумине так хотелось хоть одним глазом глянуть на Хасана из Амузги. Ведь он услышал ее, явился на зов! Но в Куймуре шел жестокий бой, и, хотя белый всадник совсем рядом, Муумина не увидит его!.. Противиться воле отца она не смела. А душа ставшего зрячим Ливинда рвалась вон, подальше от бойни, от зла, от жестокости. Рвалась к покою.

Мир оказался не таким прекрасным, как представилось Ливинду в миг прозрения. Цвет крови подавил радость бедного старика. И Ливинд решил искать мира и покоя в неведомых ему местах, бежать в Кайтагские или Табасаранские горы.

Что ж, в добрый час. Хотя в общем-то пока еще не легко обрести этот мир и покой на восставшей земле Дагестана.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Тропою ночи	5
Славная смерть	9
Просьба старика Абу-Супьяна	12
Странные гости	18
Глава вторая	28
Хозяин Талгинского хутора	28
Чтение корана	34
Железная шкатулка	39
Радость и огорчение	46
Глава третья	50
Сказка слепого Ливинда	50
Находка у старой башни	54
На медвежьей тропе	58
Первая встреча	63
Радость вьет гнездо	72
Глава четвертая	74
Братья по вере	74
Пароль — народ идет	80
Гости Талгинского хутора	83
Ночной разговор	89
Глава пятая	92
На острие кинжала	92
Покупатели корана	102
И грянула беда	107
Решимость при опасности	112
Глава шестая	118
Коварство без любви	118

Когда смеется судьба	126
Как бы не ошибиться	133
Гнев, рождающий безумие	141
Глава седьмая	146
Пути-дороги, тропинки узкие	146
Чудо, совершенное дьяволом	158
Белый всадник	165
Глубокие корни	177
Глава восьмая	186
Свои или не свои?	186
Драгоценный тайник	195
Бойцы спускаются с гор	201
Начало больших сражений	208

Абу-Бакар Ахмедхан

А17 Тайна рукописного корана: Повесть/ Авториз. пер. с дарг. Р. Кафриэлянц; Худож. В. Н. Белоногов.— М.: Сов. Россия, 1980.— 224 с., ил.

Эта приключенческая повесть отражает события, происходившие в период революции и гражданской войны в Дагестане. Главный герой ее смелый и отважный Хасан встал во главе горцев, поднявшихся на борьбу за свободу и справедливость.

А 70303—142
М-105(03)80 155—80 4702180000

С(Даг)2

Ахмедхан Абу-Бакар
ТАЙНА РУКОПИСНОГО КОРАНА

Редактор **Т. И. Петелина**
Художественный редактор **Е. Ф. Николасва**
Технический редактор **И. И. Капитонова**
Корректор **Г. М. Ульянова**

ИБ № 1858

Сдано в набор 31.05.79. Подписано в печать 25.12.79. А14668. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11,76. Уч.-изд. л. 11,72. Тираж 100.000 экз. Заказ № 356. Цена 90 к. Изд. инд. ЛН-50.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге
и пожелания присылать по адресу: Москва,
проезд Сапунова, 13/15, издательство «Со-
ветская Россия»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Готовится к выпуску книга:

Магомедов М. А. В теснинах гор.

Повести, представленные в сборнике, внутренне связаны между собой, хотя действие их происходит в разные годы.

Автор не только повествует о мужестве молодых горцев, но и раскрывает истоки их героизма.

90 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ